

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-LENIN2

Открыто: 2008.02.19 17:42
Закрито: 2008.12.05 23:54
Версия: 2017.05.17 19:47

ISBN 9984-9395-5-3

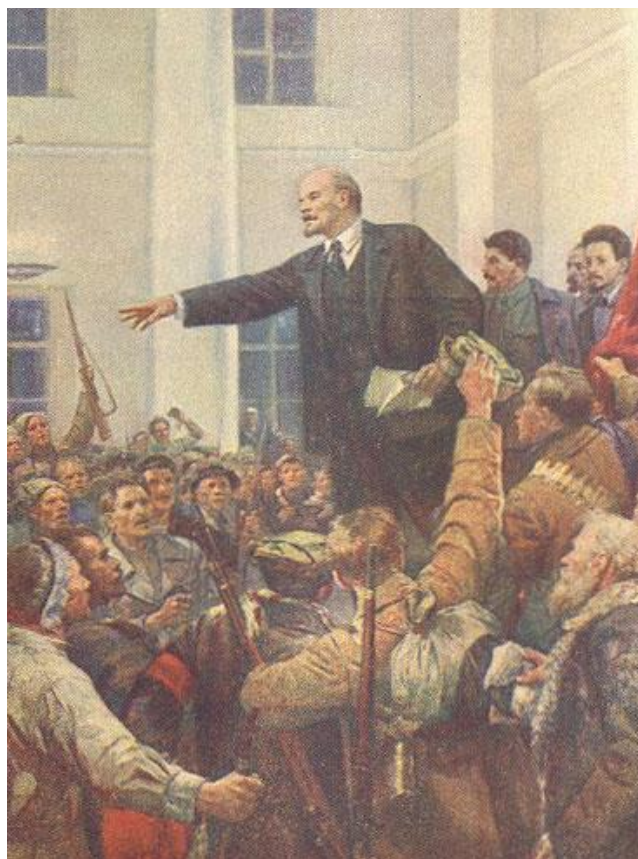
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2017

ISBN 5-7838-0530-0

Аким Арутюнов. «Досье Ленина»

© Аким Арутюнов, 1999

Фрагмент картины В.А. Серова

Аким Арутюнов

ДОСЬЕ ЛЕНИНА

Часть II

Impositum

Grīziņkalns 2017

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Досье Ленина без ретуши. Часть 2

Глава 7. Заговорщики готовятся к реваншу

Кто не умеет управлять, тот всегда становится узурпатором.

Бини

В сложной и противоречивой ситуации оказалась большевистская партия к началу сентября 1917 года. Несомненно, устранение с политической арены генерала Корнилова явилось ее большой победой. Определенный политический капитал приобрели большевики и при выборах в Петроградскую Городскую думу. Однако возникли новые сложности, преодолеть которые было не так просто.

Прежде всего следует отметить, что вряд ли можно было агитировать теперь рабочих и солдат Петрограда за свержение Керенского. Они просто не поняли бы большевистских агитаторов, всего несколько дней тому назад призывавших их поддержать правительство и выступить против «генеральской авантюры на защиту революции».

Нельзя было не учитывать и позицию ЦИК и ИВСКД в вопросе о власти. Резолюция совместного пленарного заседания оказалась не в пользу большевиков. Заседание отвергло их проект создания правительства исключительно из «представителей революционного пролетариата и крестьянства». Не получили широкой поддержки и депутаты Петроградской Городской думы, которые призывали передать всю полноту власти Советам. В резолюции, внесенной меньшевиками и эсерами и принятой большинством депутатов, содержались два основных момента: одобрение идеи скорейшего созыва Демократического совещания, чтобы принять окончательное решение по вопросу о власти, а до этого поддержать новое правительство, сформированное Керенским.¹ И если первая часть резолюции представляла известный компромисс между основными партиями, то вторая часть была вынужденной мерой, поскольку 1 сентября Керенский создал новый орган государственной власти – Директорию – и объявил Россию республикой, поставив тем самым ЦИК, ИВСКД и все общество перед свершившимся фактом.

Наконец, следует сказать о наличии серьезных разногласий в самой большевистской партии. Они касались как самой программы борьбы за власть, так и ее методов. При этом заметим, что наиболее существенные разногласия были между умеренными большевистскими лидерами, входящими в ЦК, и Лениным. Особенно ярко они проявились на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и на VI съезде партии. В обоих случаях умеренные большевики решительно отвергли экстремистский курс Ленина, толкающий партию на вооруженное восстание с целью захвата власти. Эту позицию они² отстаивали и на совместном заседании ЦИК и ИВСКД, прошедшем в ночь с 27 на 28 августа.

Основываясь на реальной политической ситуации, умеренные считали, что российское общество не готово к социалистической революции. Поэтому они выступали за образование коалиционного социалистического правительства с участием в нем большевиков, создание в России демократической республики и скорейший созыв Учредительного собрания, которое будет вправе решить все вопросы внешней и внутренней политики, включая вопрос о власти.

Позиция умеренных большевиков находила широкую поддержку в партийной среде, и это не мог не учитывать Ленин, равно как не мог он не учитывать авторитет эсеров и меньшевиков. Статьи Ленина³ за первую половину сентября показывают, что на какое-то время в его взглядах

¹ См.: «Известия». 1917. 3 сентября.

² Каменев, Луначарский, Калинин, Володарский, Милютин, Фенигштейн и другие.

³ Статьи: «О компромиссах», «Задачи революции», «Русская революция и гражданская война», «Один из коренных вопросов революции».

произошли существенные изменения. Он вновь возвращается, пусть на словах, к вопросу о мирном развитии революции и соглашается с позицией умеренных по поводу компромисса с эсерами и меньшевиками:

«Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс – правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам»⁴.

Однако Ленин объясняет компромисс с эсерами и меньшевиками обстоятельствами и ограничивает его во времени:

«Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям...»⁵

По его мнению, компромисс заключался бы в том, что

«большевики, не претендуя на участие в правительстве... отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собой разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок»⁶.

Фактически Ленин вроде бы отказывался от вооруженной борьбы за власть, выступал за господство в Советах, при условии полной свободы агитации и перевыборов, что, по его мнению, обеспечило бы «мирное движение революции вперед, *мирное изживание партийной борьбы внутри Советов*»⁷.

Статья Ленина «О компромиссах» была отрицательно воспринята многими известными большевистскими лидерами Петербургского комитета, обсудившими ее на своем заседании 7 сентября.⁸ С возражениями против ленинской тактики компромиссов выступили и члены Московского областного бюро РСДРП(б)⁹.

Однако разногласия между лидерами большевиков не мешали немецким властям произвести очередное денежное вливание в кассу Ленина. Свидетельством тому секретная телеграмма, отправленная из шведской столицы в Кронштадт.

Документ № 12

«Стокгольм. 12 сентября 1917 г. Господину Фарзеру, в Кронштадте (через Гельсингфорс).

Поручение исполнено, паспорта и указанная сумма 207'000 марок по ордеру Вашего Господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены. Выбор одобрен его Превосходительством Господином Посланником. Прибытие названных лиц и получение их контр-расписок подтвердите.

С уважением Свенсон»¹⁰.

14 сентября в газете «Рабочий путь» появилась очередная статья Ленина «Один из коренных вопросов революции». «*Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, – писал он, – ибо это именно основной вопрос, определяющий всё в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике*»¹¹. Примечательно, что всю вину за неустройство власти Ленин взваливает на эсеров и меньшевиков, на их политику, которая, по его мнению, определялась «классовым

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 134.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 135.

⁷ Там же.

⁸ *Первый легальный Петербургский комитет*. С. 259–270.

⁹ *Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями*. Сборник документов. Т. 17. Март–октябрь 1917 г. М. Госкомиздат. 1957. С. 186–187.

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 4.

¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 200.

положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом». Он ставит вопрос ребром:

«Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам... Власть Советам одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа... «Власть Советам» – это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предствление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований»¹².

Вся история Советской власти как нельзя лучше показала, что принесла народам России эта «радикальная реформа». Однако в те сентябрьские дни Ленин продолжал писать одну статью за другой, не дожидаясь их публикации. Так, в статье «Русская революция и гражданская война» Ленин, прежде всего, обрушивается на демократическую прессу, которая, не без оснований, предупреждает, что *«гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови... молодую, неокрепшую свободу...»*¹³. Ленин подбрасывает очередную фальшивку, пишет, что действия генерала Корнилова, «поддерживаемые помещиками и капиталистами», якобы привели «к фактическому началу гражданской войны»¹⁴. Далее, чтобы уйти от ответственности за организацию вооруженного путча в начале июля, он пишет, что 3–4 июля произошли «очень сильные стихийные взрывы»¹⁵. Обеляя антигосударственные действия (подкупленных большевиками) солдат и матросов 3–4 июля, он говорит, что пролетарские лозунги якобы «увлекли за собой большинство активных революционеров»¹⁶. Ленин обрушивается и на Каледина, поддерживаемого «Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К^о» за то, что тот в целях развязывания гражданской войны «прямо ездил поднимать Дон»¹⁷.

Ленин в статье поднял вопрос возможного союза большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов. Но тут же отмечает, что *«перед лицом этого исторического факта вся буржуазная пресса со всеми ее подголосками (Плехановыми, Потресовыми, Брешко-Брешковскими и т.д.) кричит изо всех сил, что именно союз большевиков с меньшевиками и эсерами «грозит» ужасами гражданской войны...»*¹⁸.

Ленин еще в сентябре выразил свое негативное отношение к Учредительному собранию, сказав, что *«в нем ведь тоже эсеры могут продолжать «игру» в соглашения с кадетами...»*¹⁹. В заключение Ленин изложил главную мысль: *«Союз городских рабочих с беднейшим крестьянством через немедленную передачу власти Советам...»* А завершил статью так:

«Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите расчитаться с корниловщиной и с «коалицией» теперь же до конца, – то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата»²⁰.

Вслед за этим Ленин пишет другую статью – «Задачи революции». В ней он, признав неоспоримый факт принадлежности большинства населения России к мелкобуржуазному классу, выражает убежденность его колебания между буржуазией и пролетариатом. Думается, тут он ошибается. Крестьянский съезд отчетливо показал, что крестьяне ничего общего не хотят иметь с большевиками. И тем не менее Ленин считал, что только при присоединении крестьянства к пролетариату может быть обеспечена *«победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися, обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно»*²¹. По сути, в статье Ленин

¹² Там же. С. 200–202.

¹³ «Речь». 1917. 2 сентября.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 215.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 218.

¹⁷ Там же. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 222.

¹⁹ Там же. С. 228.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 229.

пространно излагает свой взгляд на перспективу революции и ее характер, в основном повторяет тезисы статьи «О компромиссах».

Обрисовав мрачную политическую и социальную картину, сложившуюся в стране, – «недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих», Ленин останавливается на ключевых вопросах. Прежде всего он подчеркивает, что, оставаясь у власти, буржуазное правительство приведет страну к «неминуемой хозяйственной катастрофе» и «военной катастрофе». Поэтому он предупреждает, что *«предотвратить это может лишь образование нового правительства, на новых началах»*. Эти начала, по его мнению, заключаются в следующем:

«Вся власть в государстве должна перейти исключительно к представителям Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на основе определенной программы и при полной ответственности власти перед Советами... Безусловно и повсеместно, при полной поддержке государства, должно быть осуществлено вооружение рабочих и революционных, т.е. доказавших на деле свою способность подавить корниловцев, войск».

Заметим, что Ленин вооружает только рабочих, составляющих в государстве меньшинство, которых затем направит против безоружных крестьян, составляющих абсолютное большинство населения страны.

«Советское правительство должно немедленно предложить всем воюющим народам (т.е. одновременно и правительствам их, рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца)».

В 9-й главе читатель будет иметь возможность увидеть, как будет исполняться это условие и в чьих интересах. В этом же пункте он пишет:

«Мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения...»

Это обещание Ленина тоже надо запомнить.

«Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененною без выкупа и передать эти земли в заведование крестьянских комитетов, впредь до Учредительного собрания».

Ленин никак не хочет понять, что крестьяне-труженики категорически против отмены частной собственности на землю. Что же касается Учредительного собрания, то оно, как известно, будет разогнано именно Лениным. Подробно этот вопрос будет рассмотрен в 12-й главе.

«Советское правительство должно немедленно ввести рабочий контроль в общегосударственном масштабе над производством и потреблением... Необходима немедленная национализация банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и пр.)...»

По мнению Ленина, это может способствовать успешной борьбе с голодом и разрухой, царящей в стране.

Забегая вперед, отметим, что, захватив власть, Ленин выполнит намеченные мероприятия по национализации. А вот от голода все же погибнут миллионы россиян.

Борьба с корниловцами, калединцами, арест главарей контрреволюции (Гучков, Милуков, Рябушинский, Маклаков и К°), роспуск контрреволюционных союзов, Государственной Думы, союза офицеров, закрытие всех газет, конечно, кроме большевистских, конфискация частных типографий – вот задачи, которые выдвигает вождь большевиков.

Последний вопрос своего труда Ленин озаглавил так: «Мирное развитие революции». Проследим за тем, как он лукавит, раскрывая суть вопроса и показывая пути его решения.

«Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эсеров и меньшевиков, – пишет он, – открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность

обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции».

Не трудно заметить, как Ленин пытается усыпить бдительность эсеров и меньшевиков. Позже они прочувствуют авантюризм и наглый обман Ленина, но будет уже поздно.

Пытаясь воздействовать на психику эсеров и меньшевиков, запугивая их гражданской войной, одержимый своей идеей захвата власти в России, Ленин заключает:

«Если Советы возьмут теперь в руки, всецело и исключительно, государственную власть для проведения изложенной выше программы, то Советам обеспечена не только поддержка девяти десятых населения России, рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства. Советам обеспечен и величайший революционный энтузиазм армии и большинства народа... Взяв всю власть. Советы могли бы еще теперь, – и, вероятно, это последний шанс их – обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой. Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывает на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом»²².

Внимательно прочитав статьи Ленина того периода, начинаешь понимать, почему члены ЦК и редакций большевистских газет не хотели публиковать эти бредовые мысли и «откровения». Они были больше заняты подготовкой к Демократическому совещанию, открытие которого намечалось на 14 сентября. ЦК партии большевиков и Петербургский комитет делали все возможное, чтобы послать на это совещание как можно больше делегатов-большевиков. Еще 4 сентября ЦК направил телеграмму 37 местным партийным организациям различных регионов страны, в которой сообщалась цель совещания и давалась рекомендация по формированию большевистских групп для участия в этом форуме.

5 сентября Петербургский комитет направил по этим же адресам письма. В них предлагалось *«приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из участников совещания, членов нашей партии»* и давалось указание направлять своих товарищей в Смольный *«для более точного и подробного информирования о наших задачах на совещании»*²³.

Однако были разногласия и по этому вопросу между членами ЦК и Лениным. Ульянов решительно выступал против участия большевиков в Демократическом совещании и, надо сказать, имел здесь единомышленников. Позднее, в работе «Из дневника публициста», написанной 22 сентября,²⁴ он говорит, что «наша партия сделала ошибку, участвуя в нем»²⁵.

И тем не менее большевики, отвергнув советы Ленина, приняли участие в работе Демократического совещания, надеясь, что на нем можно будет создать коалиционное (с меньшевиками и эсерами) социалистическое правительство. Более того, 13 сентября ЦК РСДРП(б) избрал специальную комиссию,²⁶ в задачу которой входила подготовка резолюции и декларации.²⁷ Однако принципиальные разногласия между большевистскими руководителями не позволили им создать значительное представительство в Демократическом совещании. Среди присутствующих делегатов было: 532 эсера (в том числе 71 левый эсер), 172 меньшевика (в том числе 56 интернационалистов), 134 большевика, 133 беспартийных и 55 народных социалистов.²⁸

На совещании выступали Каменев и Троцкий. И если первый выступил за создание коалиционного правительства на широкой основе, то второй настаивал на передаче всей власти Советам. Правда, несмотря на различие взглядов, делегаты-большевики (в основном из Петроградского комитета и ЦК) были едины во мнении, что Демократическое совещание имеет позитивное значение в деле дальнейшего мирного развития революции и выхода страны из

²² Там же. С. 231–238.

²³ Владимирова В. *Революция 1917 года*. Т. 4. Л. 1924. С. 269.

²⁴ Данная работа впервые была опубликована в 1924 году в журнале «Пролетарская революция» в № 3 (посмертно).

²⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 257.

²⁶ В состав комиссии вошли: Троцкий, Сталин, Каменев, Милютин, Рыков.

²⁷ Протоколы Центрального Комитета. С. 49.

²⁸ «Известия». 1917. 17 сентября.

правительственного кризиса. Лишь Ленин продолжал упрямо твердить о «полнейшей неправильности тактики участия в «Демократическом совещании», «Демократическом совете» или предпарламенте».²⁹

15 сентября Центральный Комитет неожиданно получил от Ленина два письма, содержание которых привело многих в шоковое состояние. Одно письмо – «Большевики должны взять власть» было адресовано Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), второе – «Марксизм и восстание» – Центральному Комитету РСДРП(б). В них Ленин начисто отказывался от своей тактики компромиссов и выдвигал новый план немедленной подготовки к вооруженному восстанию с целью захвата власти.

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, – писал он, – большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее... Большинство народа *за нас*... Почему должны власть взять именно *теперь* большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера³⁰ сделает наши шансы во сто раз худшими... Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства... Взяв власть *сразу* в Москве и в Питере (не важно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*»³¹.

Примерно в таком же ключе написано и второе письмо, с той лишь разницей, что в нем Ленин пытается «научно» обосновать необходимость вооруженного восстания, относясь «к восстанию, как к искусству!», оправдать или, по крайней мере, замаскировать свою заговорщическую тактику борьбы за власть, которая являлась прямым подражанием бланкизму. Здесь он вновь повторяет: «*За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы*»³². Ниже мы убедимся, что Ленин выдавал желаемое за действительное. А вот с чем можно согласиться, так это с тем, что «*99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь – это значит уже победить весь мир*»³³ (!).

Письма Ленина в срочном порядке были обсуждены на чрезвычайном заседании Центрального Комитета 15 сентября. В обсуждении приняли участие Бубнов, Бухарин, Дзержинский, Иоффе, Каменев, Коллонтай, Ломов, Милютин, Ногин, Рыков, Свердлов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий, Шаумян, которым были розданы копии³⁴. Обмен мнениями показал: большинство за то, чтобы эти **письма немедленно уничтожить!** Как вспоминал впоследствии Бухарин, «ЦК партии единогласно постановил письма Ленина сжечь»³⁵. Во внесенной Каменевым резолюции говорилось:

«ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице...»³⁶

Было принято решение не отсылать эти письма в низовые партийные организации, осознавая, что массы их просто не поймут. И в самом деле. Две недели тому назад ЦК призывал рабочих и солдат выступить против Корнилова в защиту Временного правительства, а теперь Ленин предлагает бойкотировать демократическое совещание и свергнуть это правительство. В 10-летие октябрьского переворота участник чрезвычайного заседания ЦК Г. Ломов писал:

«...Мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разноречивый в наши

²⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 260.

³⁰ Имеет в виду – немцам.

³¹ Там же. С. 239–241.

³² Там же. С. 244.

³³ Там же. С. 245.

³⁴ Стасова Е.Д. *Письмо Ленина в ЦК партии*. – В Сборнике – «Воспоминания о В.И. Ленине». М. 1969. Т. 2. С. 454.

³⁵ «Пролетарская революция». 1922. № 10. С. 319.

³⁶ Протоколы Центрального Комитета. С. 65.

ряды... Мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»³⁷.

Итак, большевики отвергли требования Ленина покинуть Демократическое совещание и начать подготовку к вооруженному восстанию, и приняли на вооружение тактику оказания давления на Демократическое совещание, чтобы добиться принятия наиболее радикальной декларации, касающейся принципов формирования власти и правительства.³⁸ Большевистские делегаты поддержали также идею создания постоянного представительного органа (Предпарламента)³⁹, в задачу которого входило бы окончательное решение вопроса о государственной власти.

Ленин продолжал настаивать на бойкоте, поэтому этот вопрос был вынесен на заседание Центрального Комитета, которое состоялось 21 сентября. Большинство участников заседания решило не отзываться всю делегацию большевиков, а ограничиться их отзывом лишь из состава президиума совещания. Затем обсудили вопрос об участии большевиков в Предпарламенте. Поскольку мнение членов ЦК по данному вопросу разделилось, было принято решение продолжить обсуждение на объединенном собрании членов ЦК с участием делегатов совещания. Вечером того же дня в поддержку позиции Ленина выступил Троцкий. Рыков же призвал большевиков участвовать в Предпарламенте. С ним согласились Каменев, Ногин, Рязанов и многие другие: 77 человек проголосовали за участие большевиков в Предпарламенте, 50 – против. Это решение было тут же утверждено Центральным Комитетом.⁴⁰

И снова Ленин пишет статью, критикующую большевиков за участие «в этом гнусном подлоге», осуждает их за то, что не покинули совещание «в виде протеста», и тем самым якобы «партия дала себя завлечь, на время, в ловушку презренной говорильни», потеряв «дорогое время на представителей гнилья...»⁴¹.

Однако вернемся к письмам Ленина, от которых, как вспоминал Бухарин, «все ахнули». Представляется, что столь неожиданный поворот во взглядах Ульянова объяснялся несколькими причинами.

Во-первых, он пришел к выводу, что большевики заметно потеряли влияние и авторитет в массах, а члены ЦК и руководители партийных комитетов на местах своим участием в общественно-политических организациях (Советы, Демократическое совещание, Предпарламент и др.), сближением с эсерами и меньшевиками постепенно стали смещаться к центру. Оказывая жесткое давление на членов ЦК, он пытается активизировать его деятельность и, поправив тем самым пошатнувшийся авторитет большевистской партии, направить ее в русло радикального течения в политической борьбе за власть.

В этой связи хотелось бы привести высказывание известного русского историка С.П. Мельгунова, который, на мой взгляд, довольно метко и объективно охарактеризовал одну из черт Ленина:

«В энергии Ленину отказать нельзя. Эти настойчивые, достаточно сумбурные и почти истерические призывы, – едва ли в них можно найти проявление «глубокой марксистской диалектики» и следы плодотворного изучения военных доктрин немецкого стратега-философа Клаузевица, – в конце концов заражали те «верхи» партии, с инертностью которых в деле восстания с такой фанатической страстью боролся Ленин»⁴².

Во-вторых, Ленин страшно боялся, что Временное правительство в ближайшее время может пойти на сепаратный мир с немцами, а затем направить войска на большевиков, и тогда – конец «революции». Поэтому в письме Центральному Комитету РСДРП (б) он настоятельно требует использовать «исключительные выгоды положения», то есть «объективные предпосылки успешного восстания». И далее: «Наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции...»⁴³

³⁷ «Пролетарская революция». 1927. № 10. С. 166.

³⁸ *Октябрьское вооруженное восстание*. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х томах. Т. 2. Л.: «Наука». 1967. С. 208–209.

³⁹ «Известия». 1917. 21 сентября.

⁴⁰ Протоколы Центрального Комитета. С. 261–262.

⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 248–256.

⁴² Мельгунов Сергей. *Как большевики захватили власть*. Париж. 2-е издание. 1984. С. 20.

⁴³ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 245.

Как видим, Ленин категорически выступает против заключения Временным правительством сепаратного мира с Германией, а сам вынашивает свой план осуществления этой политической сделки, но только после захвата власти большевиками.

Поддерживая конспиративные связи с германскими агентами в Финляндии, Ленин не мог не знать о намерениях Керенского. Собственно, временное правительство не предпринимало особых шагов, чтобы их скрывать. Напротив, Предпарламент создал специальную комиссию, которая обсуждала вопрос о сепаратном мире с немцами. Правда, заседания комиссии проходили закрыто, тем не менее информация легко доходила до широкой общественности. Однажды редактор газеты «Общее дело» Бурцев даже выступил с сообщением, что на комиссии Предпарламента обсуждается вопрос о заключении Временным правительством сепаратного мира с Германией, хотя и поплатился за это немедленным закрытием газеты.

И, наконец, третье. На мой взгляд, наиболее важное. Я имею в виду политические события в Финляндии в конце августа – начале сентября, которые были обусловлены борьбой финского народа за национальную независимость.

Более 100 лет Финляндия входила в состав Российской империи,⁴⁴ и все эти годы финны не теряли надежды вновь обрести самостоятельность. С падением самодержавия в финском обществе заметно усилилось движение за государственный суверенитет. Следует заметить, что в этих условиях левые взгляды находили широкую поддержку среди финского населения. Правда, в политических и общественных кругах не исключали возможность получения национальной независимости мирными средствами – решением Советов, которые, как они считали, могли прийти к власти. Начиная с середины лета Гельсингфорс становится центром политических баталий. Здесь были сосредоточены главные военно-морские силы российской империи и другие военные объекты, которые, при определенных условиях, могли быть использованы большевиками в нужном направлении. Все это не осталось незамеченным и неучтенным Лениным.

До определенного времени Ленин не раскрывал свои карты, указывал лишь на силы «Питера и Москвы». Это говорит о том, что Ленин не доверял большинству членов ЦК, поскольку они неоднократно игнорировали его настоятельные требования приступить к подготовке вооруженного восстания.

Тем временем радикально настроенные силы в Финляндии крепили с необыкновенной быстротой. Причем в их действиях наблюдалась известная согласованность. Примером может служить объединенное собрание Исполкома Гельсингфорского Совета, Областного комитета Советов рабочих и воинских депутатов Финляндии и представителей полковых и судебных комитетов Гельсингфорского района, состоявшееся 2 сентября. В резолюции, принятой большинством участников собрания, в частности, подчеркивалось:

«Мы настойчиво требуем от ЦИК, чтобы он отказал в доверии всякому коалиционному... министерству и немедленно созвал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴⁵.

Это указывало на наличие в Финляндии потенциальных сил, способных пойти на более радикальные действия.

С 9 по 12 сентября в Гельсингфорсе проходил III Областной съезд Советов армии, флота и рабочих Финляндии. Он завершился победой левых сил. В избранный постоянный Исполнительный комитет вошли, в основном, левые эсеры и большевики. Председателем Областного Исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии (ОИКАФРФ) был избран ультралевый большевик, член ЦК РСДРП(б), литовец Ивар Смилга. Тот самый Смилга, который в июльские дни вместе с членом «Военки» Мартином Лацисом призывал мятежников захватить важнейшие государственные и военные объекты Петрограда. ОИКАФРФ провозгласил себя высшим органом политической власти в Финляндии. Мне думается, что, находясь в Гельсингфорсе⁴⁶ и поддерживая постоянную связь с лидерами финских большевиков, Ленин оказывал им практическую помощь в организации съезда и выработке радикального решения. Именно эти события подтолкнули Ульянова к пересмотру своей «умеренной» позиции.

⁴⁴ В 1809 г. в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг., Финляндия была присоединена к России.

⁴⁵ *Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции*. Сборник. М.–Л.: Издательство АН СССР. 1957. С. 208.

⁴⁶ Ленин переехал в Финляндию 9 августа.

Образование ОИКАФРФ настолько окрылило его, что в воскресенье, 17 сентября, он переезжает из Гельсингфорса в Выборг, поближе к столице, где твердо решил осуществить вооруженный захват власти. Но впереди его ждала борьба с противниками-большевиками, как это не странно.

А они тем временем не сидели сложа руки. Так, 23 сентября, по инициативе членов ЦИК, была организована встреча с делегатами демократического совещания. На нем было принято решение о созыве 20 октября II Всероссийского съезда Советов. На следующий день состоялось объединенное собрание Центрального Комитета, представителей Петербургского комитета и делегации большевиков – членов Предпарламента.⁴⁷ В резолюции определялись главные задачи партии: поддержка идеи передачи власти Советам; укрепление их политического авторитета, чтобы составить серьезную конкуренцию правительству; расширение связей между Советами на местах; переизбрание исполкомов центральных, областных и местных Советов и, наконец, принятие всех мер, обеспечивающих проведение Всероссийского съезда в определенный срок.⁴⁸

Должен заметить, что большевики активно включались в работу по переизбранию исполкомов Советов. Уже к 25 сентября, в результате реорганизации президиума Петроградского Совета, в его состав вошли четыре большевика,⁴⁹ два эсера и один меньшевик. Председателем президиума стал Троцкий. В этот же день состоялось пленарное заседание. Пользуясь отсутствием ряда депутатов (большинство членов прежнего президиума, в знак протеста против сомнительных комбинаций при голосовании,⁵⁰ покинули зал заседания), большевики протащили резолюцию Троцкого, в которой говорилось о нежелании Петроградских рабочих и солдат оказывать поддержку новому коалиционному правительству. В резолюции от имени широких слоев населения страны (?) выражалось убеждение в том, что *«весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: «в отставку». И, опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд С.Р. и С.Д. создаст истинно революционную власть»*⁵¹.

Это был очередной мошеннический прием большевиков. Петроградские рабочие и солдаты в большинстве своем и не помышляли о новой, «революционной власти». И тем не менее эта резолюция окончательно вывела Ленина из равновесия. Взвесив все «за» и «против», он 27 сентября пишет из Выборга⁵² письмо Смилге. На мой взгляд, это письмо является одним из ценнейших источников по истории большевистской партии. Оно проливает свет на многие вопросы, связанные с октябрьским переворотом, указывает на его заговорщический характер, не имеющий ничего общего с выражением настроения широких народных масс. В нем Ленин откровенно излагает Смилге свой план захвата власти, опираясь на финские силы:

«Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство... Правительство имеет войско и *систематически* готовится (Керенский в Ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается *деловым* образом). А мы что делаем? Только резолюции принимаем?... Систематической работы большевики *не* ведут, чтобы подготовить *свои* военные силы для свержения Керенского... История сделала коренным *политическим* вопросом вопрос *военный*. Я боюсь, что большевики забывают это... Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением. По-моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию – для этого переписать на машинке и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам... Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот. Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не теряя времени на «резолюции», а все внимание отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с

⁴⁷ В Предпарламенте участвовали 53 большевика. В его президиум входили Троцкий и Каменев.

⁴⁸ «Рабочий Путь». 1917. 29 сентября.

⁴⁹ В президиум Петроградского Совета от большевиков вошли Троцкий, Каменев, Рыков, Федоров.

⁵⁰ У большевистских лидеров такой опыт имелся.

⁵¹ «Рабочий Путь». 1917. 26 сентября.

⁵² Многие советские историки и некоторые зарубежные исследователи, ссылаясь на воспоминания Н.К. Крупской, Е.Д. Стасовой, а также организаторов переезда Ленина в Петроград А. Шотмана и Э. Рахья, ошибочно считают, что этот переезд произошел в пятницу 29 сентября. Однако решение ЦК РСДРП(б) *«...предложит Ильичу перебраться в Питер...»* было принято только 3(16) октября. М.В. Фофанова, на квартиру которой переехал Ленин, считала, что переезд действительно произошел в пятницу, но... 6 октября. По ее словам, *«это было за день или два до рождества Пресвятой Богородицы»*. Здесь, на квартире М.В. Фофановой (Выборгская сторона, Сердобольская ул., д. 1/92), Ленин прожил до 24 октября.

ним всесторонне, собрать (и проверить *самому*) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т.д... Мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти, – для передачи ее съезду Советов... надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: Власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов... Зачем терпеть еще три недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского...»⁵³

Думается, комментарии здесь излишни: все ясно сказано.

29 сентября Ленин пишет статью «Кризис назрел», в которой вновь призывает партию немедленно приступить к осуществлению вооруженного восстания и пытается аргументировать необходимость этого выступления: «*Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции... Все симптомы указывают... именно на то, что общенациональный кризис назрел*»⁵⁴.

Ленин пытается доказать, что в России имеются все объективные условия для вооруженного восстания и захвата власти:

«...Мы, русские большевики... имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов... большинство народных масс... Мы видели полный откол от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим... что солдаты больше воевать не будут... Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосует за большевиков... Пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть полный идиотизм или полная измена... ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать!»

В шестой главе статьи, предназначенной «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов», Ленин прибегает к шантажу: «*Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит погубить революцию*»⁵⁵. И далее:

«Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме совета и т.д., и т.д. – видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться. Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии. Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию»⁵⁶.

Эта статья Ленина с припиской (6-я глава), равно как и ранее написанные им статьи и письма, показывают, что он постоянно противопоставляет себя Советам, ЦК и другим общественно-политическим органам. Думается, это хорошо понимали в Центральном Комитете и в редакциях большевистских газет, которые в ряде случаев принимали решение не публиковать его работы, написанные в сентябре–октябре,⁵⁷ поскольку приведенные в них «факты» и советы были либо плодом его фантазии, либо весьма далеки от истины. Я уже не говорю о том, что он сознательно опускал реальные факты, которые дискредитировали большевиков.

В этой связи приведу отрывок из дневника коллежского асессора, чиновника особых поручений при министерстве финансов Российской империи С.К. Бельгарда:

«Воскресенье, 24 сентября 1917 г. В ночь на сегодня началась всеобщая железнодорожная забастовка. Ходят поезда только местного сообщения, а на дальних – воинские и продовольственные. Исполнительный Комитет Московского Центрального Железно-Дорожного союза большинством 19 голосов против 16 объявил забастовку. От трех голосов ставится на карту, быть может, судьба России!.. Вторник, 26 сентября 1917 г. ...В газетах много объявлений... Тяжелое

⁵³ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 264–267.

⁵⁴ Там же. С. 275, 277.

⁵⁵ Там же. С. 277–278, 281.

⁵⁶ Там же. С. 282–283.

⁵⁷ Например: «К рабочим, крестьянам и солдатам», «Советы постороннего», «Задачи нашей партии в интернационале». «Из дневника публициста», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» были опубликованы лишь после октябрьского переворота.

впечатление производит описание убийства матросами «Петропавловска» своих четырех офицеров. До какого озверения могут дойти русские люди!»⁵⁸

А в это время Ленин пишет воззвание «К рабочим, крестьянам и солдатам»:

«Товарищи! Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут... Ни рабочие в городах, ни солдаты на фронте не могут терпеть... военного подавления справедливой борьбы крестьян за землю... Идите же все по казармам, идите в казацкие части, идите к трудящимся и разъясняйте народу правду: Если власть будет у Советов, то не позже 25-го октября (если 20 октября будет съезд Советов) будет предложен справедливый мир всем воюющим народам... Тогда народ узнает, кто хочет несправедливой войны. Тогда народ решит в Учредительном собрании. Если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа»⁵⁹.

Воззвание заканчивалось словами: «**Долой правительство Керенского**, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну! **Вся власть Советам** рабочих и солдатских депутатов!»⁶⁰

1 октября Ленин посылает короткое «Письмо в ЦК, ПК, МК и членам Советов Питера и Москвы, большевикам», в котором делает еще одну попытку склонить на свою сторону партийных лидеров двух столиц и большевиков – членов Советов. Здесь все тот же призыв к вооруженному выступлению, все те же доводы, что большинство за большевиков:

«...В войске симпатии к нам растут (99 процентов голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства...) ...Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию... Ждать – преступление перед революцией»⁶¹.

На это письмо в ЦК особо не отреагировали. Центральный Комитет был занят выдвижением кандидатов в Учредительное собрание, подготовкой к работе Предпарламента и другими вопросами, связанными с участием большевиков в ЦИК и Советах. Так, на заседании Центрального Комитета 29 сентября был принят список кандидатов в Учредительное собрание от ЦК РСДРП(б) в количестве 41 человека. Среди них: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Сталин, Свердлов, Бухарин, Рыков, Ногин, Бубнов, Коллонтай, Луначарский, Сокольников, Шаумян, Крыленко, Крестинский, Иоффе и другие.⁶² Этот факт говорит о том, что большинство членов и кандидатов в члены ЦК стояло на умеренных позициях. Об этом свидетельствовала и продолжавшаяся заочная «дуэль» между ними и Лениным. Однако следует отметить, что, начиная со второй половины сентября, круг единомышленников Ленина постепенно стал расширяться. Мощным «камнем» в укреплении бастиона экстремистов послужил переход на их позиции Троцкого. Именно Троцкий был первым, кто поднял в ЦК вопрос о бойкоте Демократического совещания, на что Ленин отреагировал восклицанием: «Браво, товарищ Троцкий!.. Да здравствует бойкот!»⁶³

Ленина поддержали и другие члены Центрального Комитета РСДРП(б) (Свердлов, Сталин, Смилга, Сокольников, Бубнов), а также Петроградского комитета (Лацис, Подвойский, Харитонов, Молотов и другие); Московского областного бюро ЦК (Яковлева, Ломов). Последний 3 октября пытался убедить членов ЦК, что в Москве и области массы настроены весьма решительно и что необходимо начать подготовку к взятию власти.⁶⁴ Ниже мы убедимся, что заявление Ломова было вымыслом, дезинформирующим членов ЦК. Вот что писали тогда «Известия»:

⁵⁸ «Нева». 1990. № 8. С. 192.

⁵⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 284–285.

⁶⁰ Там же. С. 286.

⁶¹ Там же. С. 340–341.

⁶² Протоколы Центрального Комитета. С. 85–86.

⁶³ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 262.

⁶⁴ Протоколы Центрального Комитета. С. 74.

«Не всё благополучно сейчас в тылу. И это питает и обостряет вражду к тылу. И уничтожить эту вражду можно не одними опровержениями лжи, а действительным уничтожением того, что является в этих обвинениях правдой»⁶⁵.

Своими частыми и назойливыми письмами Ленин создавал в Центральном Комитете нервную обстановку, отнимал у его членов много времени. Поэтому на заседании 3 октября было принято решение *«предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная тесная связь»*⁶⁶.

После переезда в Петроград Ленин активизирует свою деятельность. Острое политическое чутье подсказывало ему, что опасность ареста миновала. Такую уверенность он обрел особенно после смещения генерала Корнилова. Об этом красноречиво говорит тот факт, что он неоднократно и безбоязненно покидал так называемую конспиративную квартиру, бывал дома у разных людей, где проводил совещания, и участвовал в заседаниях ЦК. Бывал на квартире даже у своих политических противников, например у эсера Н.Н. Суханова, не опасаясь, что тот может выдать его властям.

К этому времени Центральный Комитет окончательно раскололся на сторонников и противников Ленина. Такая же обстановка была и в партийных комитетах двух столиц. Используя благоприятные условия, экстремисты стали протаскивать нужные решения. Так, например, 7 октября на собрании делегатов-большевиков, прибывших на заседание Предпарламента, пользуясь отсутствием Зиновьева, Рыкова, Ногина и других авторитетных лидеров, Троцкому удалось незначительным перевесом голосов принять решение о его бойкоте.⁶⁷

Опираясь на воинственно настроенных членов Петроградского комитета и военной организации, Ленин вел подготовку к свержению Керенского. Как утверждал в своих статьях М. Лацис, все меры, направленные против Временного правительства, принимались без ведома Центрального Комитета.⁶⁸ Это говорит о том, что Ленин и его единомышленники систематически и грубо нарушали принципы организационного строения своей партии.

Предупреждая Временное правительство о надвигающейся опасности, В. Бурцев еще 30 сентября писал в газете «Общее дело»:

«Пусть правительство поймет, прежде всего, что гельсингфорские «товарищи» с их воззваниями к всеобщему восстанию и петроградские «товарищи» Троцкий, Рязанов, Каменев, Ленин с их демонстрациями для ниспровержения правительства и для вырывания у него в роковой час власти – предатели Родины».

Но так или иначе, команда Ленина форсировала подготовку заговора против народа. Одним из таких шагов явился демарш большевиков на первом заседании Предпарламента вечером 7 октября. Явившись к концу заседания, Троцкий взял слово для политического заявления. Для начала он обрушился с оскорблениями в адрес Временного правительства и делегатов Предпарламента, назвав их «орудием контрреволюционной буржуазии», чем вызвал у большинства присутствующих негодование. Наглый, но, бесспорно, незаурядный оратор все же закончил свое заявление:

«Мы взываем, покидая Временный Совет, к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности. Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии усугубляют ее. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный, честный, демократический мир, вся власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!»

После выступления Троцкого делегация большевиков, под топот огромной аудитории, направилась к выходу. А вслед им летели выкрики: «Мерзавцы!», «Идите в свои опломбированные немецкие вагоны!»⁶⁹

---

⁶⁵ «Известия». 1917. 6 октября.

⁶⁶ Протоколы Центрального Комитета. С. 87.

⁶⁷ Троцкий Л.Б. Сочинения. Т. 3. Часть 1-я. М. 1925. С. 456.

⁶⁸ «Известия». 1918. 6 ноября: «Петроградская правда». 1917. 5 ноября.

⁶⁹ «Речь». 1917. 8 октября. Подробно о «опломбированном» вагоне см. главу «Возвращение странствующего эмигранта».

За день до открытия заседания Предпарламента Ленин переехал из Выборга в Петроград.⁷⁰ Здесь он разворачивает бурную деятельность, связанную с подготовкой свержения Временного правительства.

«Весь целиком, без остатка, – пишет в своих воспоминаниях Н.К. Крупская, – жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью»⁷¹.

После переезда в Петроград Ленин написал две статьи («К пересмотру партийной программы» и «Советы постороннего») и два письма («Письмо Питерской городской конференции. Для прочтения на закрытом заседании» и «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области»). В первой статье Ленин полемизирует с Бухариным, Сокольниковым, Смирновым и Лариным по различным теоретическим вопросам и делает им критические замечания. В остальных работах, если отбросить общие слова и беллетристику, он вновь призывает свергнуть Керенского, обещает, что если Временное правительство будет заменено «рабочим и крестьянским революционным правительством» (имея в виду, конечно, себя), то крестьяне получат землю, армия – хлеб, одежду и обувь. Странно только, что «добродетель» ничего не обещает рабочим. Должно быть, забыл.

И все же главное внимание Ленин уделяет предстоящему заседанию Центрального Комитета. Оно началось вечером 10 октября на квартире известного экономиста и публициста – меньшевика Н.Н. Суханова, которого Ленин окрестил предателем и оппортунистом. Вот и его предупреждение: «Доверять ни Чхеидзе с К°, ни Суханову, ни Стеклову и пр. *нельзя*»⁷². И после этого он спокойно переступает порог его квартиры. (Таких сюжетов в биографии Ульянова множество, и к ним мы еще вернемся.)

Итак, рассмотрим «историческое заседание Центрального Комитета», на котором впервые после июльских дней присутствовал Ленин, еще 10 членов ЦК – Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Свердлов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий и два кандидата – Ломов и Яковлева. Последняя вела протокол заседания. С докладом по текущему вопросу выступил Ленин. Протокольные записи как по докладу, так и по прениям весьма отрывочны. Например, в опубликованных «Протоколах Центрального Комитета» отсутствуют выступления Каменева и Зиновьева. Они хранятся в архиве бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Свое выступление Ленин начал, признав факт, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании»⁷³. А далее он почти час аргументировал лозунг о захвате власти:

«Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти... Аграрное движение также идет в эту сторону... Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян...»

А в заключительной части доклада он подчеркнул:

«Ждать до Учредительного собрания, которое **явно будет не с нами**, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу. Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий»⁷⁴ (выделено мной. – А.А.).

Последовала реплика Урицкого: «На какие силы мы опираемся? ...Гарнизон после июльских дней не может внушать больших надежд»⁷⁵. Ленин не ответил на реплику: очевидно, не хотел раскрывать свою тайну, на какие реальные силы он рассчитывает, призывая к решительным действиям.

В принципе Ленин ничего нового не сказал. И тем не менее его доклад подвергся бурному обсуждению. Особое критическое замечание высказали Каменев и Зиновьев. В частности, они

⁷⁰ Организаторами переезда Ленина были А. Шотман и Э. Рахья.

⁷¹ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М. 1957. С. 310.

⁷² Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 423.

⁷³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1 а. Д. 33. Л. 6.

⁷⁴ Там же. Л. 9.

⁷⁵ Там же.

выступали против ленинских оценок расстановки сил («большинство теперь за нами») и утверждали, что на выборах в Учредительное собрание эсеры, при поддержке крестьян, смогут получить наибольшее количество голосов. История показала, что в этом они были правы. Каменев и Зиновьев ставили под сомнение тезис Ленина о помощи революционного пролетариата зарубежных стран, но главное – они не одобряли насильственный метод борьбы за власть, предлагая, если можно так сказать, парламентскую борьбу: получение максимального количества мест в высших органах государственной власти, проведение в жизнь программы партии.

Позицию Каменева и Зиновьева поддержали отсутствующие на заседании Центрального Комитета его члены – Ногин, Милютин, Рыков и другие большевистские лидеры (Рязанов, Невский, Чудновский), а также левые эсеры. В опубликованной 13 октября в газете «Знамя труда» статье одного из лидеров партии эсеров С.Д. Мстиславского в этой связи подчеркивалось: **«...Выступление рабочих и солдатских масс в данный момент было бы злейшим преступлением... покушением не на существующую правительственную власть, но на самые Советы... Те, кто призывает массы к выступлению «для захвата власти», – лгут: их призыв есть призыв не к победе народной воли, но к ее самоубийству».**

Советская историография утверждает, что Каменев и Зиновьев выступали против линии партии, что необходимость и своевременность вооруженного восстания диктовались объективными причинами и повсеместно (?) поддерживались. Во всех официальных изданиях говорится, что ленинская резолюция 10 октября *«стала директивой партии – немедленно готовить вооруженное восстание»*⁷⁶. Но в действительности эта резолюция содержала совсем иной смысл:

«Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»⁷⁷.

Как видим, речь о немедленном вооруженном восстании не идет. Кроме того, 11 членов ЦК из 21 (т.е. при явном отсутствии кворума) не обладали полномочиями принимать какие бы то ни было решения, а тем более по столь серьезному вопросу, как вооруженное восстание.

Между прочим, после июльских событий многие районные комитеты постановили, что ЦК, прежде чем принимать резолюции по важным политическим вопросам, должен запрашивать мнение Петербургского комитета. И, наконец, советские историографы утверждают, что против Ленина на заседании выступали лишь Каменев и Зиновьев. Это очередная ложь. Выступивший в прениях по докладу Урицкий поставил под сомнение, что в Петрограде достаточно сил для осуществления вооруженного восстания. *«Мы – сказал он, – слабы не только в технической части, но и во всех других сторонах нашей работы»*⁷⁸. На заседании в ЦК 10 октября было образовано политическое бюро ЦК из 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Сталин, Бубнов, Троцкий.

И последнее. Отсутствуют документальные материалы, из которых можно было бы полнее узнать истинные результаты голосования по резолюции. А ссылаться на различные сомнительные публикации, отрывочные протокольные записи – значит самому стать на путь фальсификации исторических фактов.

Как до заседания Центрального Комитета, так и после Ленин и его единомышленники делали основную ставку на съезд Советов Северной области, местом проведения которого был определен Петроград. За несколько дней до его открытия Ленин пишет «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», в котором ставит задачу свергнуть Временное правительство до открытия Второго Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских депутатов:

«Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать (*восстание – А.А.*), позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска... Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для

⁷⁶ История КПСС. Т. 3. Книга 1-я. С. 303.

⁷⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. Ia. Д. 33; Л. 13.

⁷⁸ Там же. Л. 10.

спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть Советам обеих столиц... Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг, Ревель... Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть...»⁷⁹

В связи с предстоящим съездом Советов Северной области председатель Областного Исполнительного Комитета Армии, Флота и Рабочих Финляндии (ОКАФРФ) Смилга опубликовал 8 октября в газете «Рабочий путь» статью,⁸⁰ в которой излагал задачи, стоящие перед делегатами.

«Этому съезду, – писал он, – по всей видимости, придется сыграть крупную роль в политической жизни страны. Ни для кого не тайна, что против Всероссийского съезда Советов ведется яростная кампания оборонцами всех толков... Совершенно очевидно, что если мы пассивно будем ожидать двадцатое число, то никакого съезда и не будет. Необходимо дать отпор нападающим оборонцам. И не только на словах, но и на деле... Кризис нарастает с чрезвычайной быстротой... В этот момент Областной съезд может иметь громадное значение»⁸¹.

Смилга ясно давал понять, что в дни работы съезда надо свергнуть Временное правительство. Это было в духе планов Ленина.

11 октября начал свою работу съезд Советов Северной области. Его открыл Крыленко, хотя он и не являлся членом Областного Исполкома. По методу Ленина, ультралевые большевики взяли все управление съездом в свои руки. Кстати, докладчик тоже был со стороны большевиков – член ЦК РСДРП(б) Сокольников. И если учесть, что из 94 делегатов 51 составляли большевики, то получается, что все это проходило как бы на областном съезде РСДРП(б). До делегатов были доведены решения Центрального Комитета о вооруженном восстании. Их предупредили, что в любой момент из ЦК может поступить команда выступить против Временного правительства и захватить власть.

Судя по подстрекательному объявлению Антонова-Овсеевко, сценарий съезда был написан на конспиративной квартире Ленина. В начале работы Антонов-Овсеевко сообщил делегатам, что политические заключенные в «Крестах» объявили голодовку. Расчет был прост: взбудоражить людей и подтолкнуть их на вооруженное восстание. Однако этот номер не прошел. Делегаты ограничились принятием воззвания: «*Прекратите голодовку и набирайтесь сил – близится час вашего освобождения*»⁸². Тогда в ход была пущена «тяжелая артиллерия». В своем докладе, построенном на откровенно воинственной ноте, Сокольников призвал делегатов «идти в бой за победу Советов» и прямо заявил, что «*проведение съезда в Петрограде не случайно, так как, может быть, именно он начнет восстание*»⁸³. Однако ленинцы потерпели неудачу: резолюция, принятая большинством делегатов, переадресовала решение вопроса о власти Второму Всероссийскому съезду Советов. Съезд избрал Исполнительный комитет Северной области, в задачу которого должны были входить организация и подготовка военных сил, необходимых якобы «для защиты и поддержки Второго Всероссийского съезда Советов», а фактически – для свержения Временного правительства. В принятом воззвании к массам подчеркивалось исключительное значение Всероссийского съезда Советов в деле взятия им власти и организации выборов в Учредительное собрание.

Итоги съезда показали, что основная масса рабочих и солдат не готова, да и не желает идти на вооруженное восстание. И тем не менее население Петрограда чувствовало, что гроза приближается, и не сегодня-завтра она разразится. В этих условиях правительство стало принимать меры по предотвращению выступления большевиков. Командующий войсками Петроградского военного округа издал приказ, запрещающий митинги, собрания и шествия. Приказ заканчивался так: «*Предупреждаю, что для подавления всякого рода попыток к нарушению порядка в Петрограде мной будут приниматься самые крайние меры*»⁸⁴.

⁷⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 389–390.

⁸⁰ 10 октября эта статья была воспроизведена в Кронштадтской газете «Пролетарское дело».

⁸¹ «Рабочий Путь». 1917. 8 октября.

⁸² Бреслав В. *Канун октября 1917 года*. М.: Издательство политкаторжан. 1934. С. 31–22.

⁸³ Там же. С. 21–22.

⁸⁴ Цит. по.: «История гражданской войны в СССР». Т. 1. С. 292.

17 октября состоялось заседание Временного правительства, на котором Керенский заявил, что все меры предотвращения и подавления выступления приняты: усилена охрана Зимнего и Мариинского дворцов; из Ораниенбаума вызваны две школы прапорщиков, а с Румынского фронта – бронированный поезд и ряд воинских частей; усилена милиция. По уверениям премьер-министра, в столице «налицо имелись достаточные военные силы»⁸⁵. Однако это было не так: Временное правительство проявило преступную халатность, в его действиях было много слов и куда меньше реальных дел. Знакомый читателю Бельгард в этой связи записывает 15 октября в своем дневнике: «Россия захлебнулась в потоке слов всяких союзов, комитетов, совещаний, заседаний и пр. Всюду происходят самосуды, что, впрочем, вполне естественно, когда нет настоящего правосудия»⁸⁶. Члены Временного правительства видели почти открытые приготовления большевиков к вооруженному выступлению и, тем не менее, вели себя как сторонние наблюдатели, проявляя чрезмерную уверенность в том, что могут, в случае чего, обуздать экстремистов. Интервью, данное одним из министров Временного правительства корреспонденту газеты «Биржевые ведомости», яркое тому свидетельство: «В настоящий момент правительство меньше всего желает столкновения. Но что нам делать? Если большевики выступят, мы вскроем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда»⁸⁷.

Раздосадованный итогом съезда Советов Северной области, Ленин предпринимает ряд организационных и тактических мер. Между 10-м и 16-м октября (скорее всего, 13-го), на квартире члена Исполнительной комиссии Петербургского Комитета М.И. Калинина (Выборгское шоссе, д. 106, кв.1), он встречается со своими единомышленниками из Центрального Комитета и обсуждает с ними вопрос о подготовке переворота.⁸⁸ Примерно в это же время Ленин дважды встречался на квартире М.В. Фофановой с членом Московского комитета РСДРП(б) И.А. Пятницким и в беседе с ним выяснял степень готовности москвичей к восстанию.⁸⁹ Кстати, в 3-м томе Биохроники Ленина (с. 373) утверждается, будто «квартиру Ленина посещал очень ограниченный круг лиц: Н.К. Крупская, М.И. Ульянова, Э. Рахья». Но это, как видно из приведенного выше факта, не соответствует действительности. Ленина на «конспиративной» квартире навещала даже Инесса Арманд и еще кое-кто. Об этом будет сказано несколько ниже. Этот же вопрос он обсуждал с руководящими работниками большевистской партии во время встречи, которая состоялась 14 октября на квартире машиниста Финляндской железной дороги Г. Ялавы (Выборгская сторона, Ломанский переулок, д.46, кв.29)⁹⁰. Следует отметить, что все переговоры Ленин проводил, в основном, с большевистскими лидерами среднего звена и членами Военной организации, а не с членами ЦК.

О приготовлениях большевиков писали в те дни все петроградские газеты, кроме большевистских. Например, в передовой статье газеты «Новая жизнь» (очевидно, написана самим редактором – Горьким) прямо говорилось, что «большевики развернули агитацию за вооруженное восстание»⁹¹. Обеспокоенные бездействием правительства, «Биржевые ведомости» указывали:

«Большевики все определеннее и решительнее говорят о близком выступлении масс. Все, что делают большевики для разрушения обороны государства и революции, приемлется властью и государственной демократией спокойно и без противодействия... Этот момент... правительство должно использовать для твердых проявлений обороны революционного Петрограда от анархии»⁹².

В тот же день «Газета-копейка» с тревогой сообщала, что «в революционно-демократических кругах имеются определенные сведения, что большевики деятельно готовятся к выступлению на 20 октября»⁹³.

⁸⁵ «Известия». 1917. 17 октября.

⁸⁶ «Нева». 1990. № 8. С. 192.

⁸⁷ «Биржевые ведомости». 1917. 14 октября.

⁸⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 575–576.

⁸⁹ Из беседы с М.В. Фофановой.

⁹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 576.

⁹¹ «Новая жизнь». 1917. 15 октября.

⁹² «Биржевые ведомости» (утренний выпуск). 1917. 14 октября.

⁹³ «Газета – Копейка». 1917. 14 октября.

Да, широкая общественность знала о готовившемся заговоре большевиков, но не могла даже представить, на какие средства рассчитывал Ленин, ведь государственный переворот – дело не из простых и дешевых. Между тем средства у Ленина были, и немалые.

Вот выдержка из рассказа М.В. Фофановой:

«В субботу, 14 октября, поздно вечером пришел Эйно Рахья. Он притащил с собой дорожный солдатский сундук, до самого верха набитый новенькими десятирублевыми купюрами. На дне сундука лежало множество пачек шведских крон. Эйно передал Владимиру Ильичу письмо и сел на диван. У него был очень усталый вид. На мое предложение поужинать он отказался. Владимир Ильич, стоя, быстро прочитал письмо. Затем сунул его в карман и стал рассказывать по квартире. Чем-то был серьезно взволнован и озабочен. Лишь раз он вслух произнес: «Архивозмутительно!» Посидев немного, Эйно попрощался и ушел домой. Он тогда жил в Певческом переулке на Петроградской стороне. Это у него Владимир Ильич ночевал после заседания Центрального Комитета 10 октября. В течение двух или трех дней Эйно по частям унес принесенные им деньги. Оставил, кажется, лишь две пачки Владимиру Ильичу...»

После августовского (1991) путча в бывшем архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС мной были обнаружены документы, свидетельствующие, что члены ЦК РСДРП и некоторые ее активные деятели начиная с апреля 1917 года ежемесячно получали из кассы ЦК жалованье. Причем получали как в рублях, так и в валюте. Например, аванс за август Сталин получил в рублях, а «зарплату» за сентябрь – в шведских кронах (см. документы ниже)⁹⁴. Получателями «жалованья» в крупных размерах (от 500 до 4500 рублей) были: А. Бубнов, Д. Бедный, В. Веселовский, Я. Ганецкий, И. Гуковская, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Коллонтай, Г. Оппоков, Я. Свердлов, Е. Стасова, И. Сталин. Г. Сокольников, И. Смилга, Ю. Стеклов, В. Сафарова, И. Теодорович, А. Шляпников и многие другие члены большевистской организации.

Все они оставляли расписки о получении денег из кассы ЦК.⁹⁵ Не составлял расписок лишь Ленин. А получали большевистские лидеры по тем временам немалые деньги. Для сравнения отметим, что жалованье поручика российской армии составляло 55 рублей в месяц. А городской получал еще меньше – 40 рублей в месяц. С апреля по ноябрь 1917 года большевистские лидеры под расписку получили из кассы ЦК несколько сот тысяч рублей, не считая валюты. Ясно, что это были те самые деньги, которые поступили в казну большевиков из немецких банков через стокогльмские банки и нарочным, о котором рассказывала Фофанова.

Прошло много лет, прежде чем я пришел к убеждению, что то были те немецкие деньги, которые поступали из Швеции в Сибирский Банк в Петрограде и через подставных лиц передавались Ленину для подкупа рабочих, солдат и матросов, а также выдачи пособия «интернационалистам» и уголовникам, готовым за деньги пойти на любое преступление. В партийную кассу поступали и фальшивые деньги, которые печатались в Германии и переправлялись в Россию. Часть денег, разумеется, переправлялась в Финляндию для раздачи членам финской «Красной Гвардии», которые должны были сыграть главенствующую роль в предстоящем перевороте. Наемные «революционеры» – матросы, солдаты и красногвардейцы – напивались до потери рассудка и готовы были совершить любые действия против «эксплуататоров», свергнуть Временное правительство.

В этой связи небезынтересно привести свидетельство очевидца октябрьских событий:

«Совещание армий Северного фронта требует вывода петроградского гарнизона. Большевики, с Троцким во главе, натравливают гарнизон на Временное правительство, приписывая ему инициативу вывода войск. Троцкий старается во славу Германии. Только и разговоров о готовящемся завтра или в ночь на воскресенье (20-го или в ночь на 22-е. – А.А.) выступлении большевиков. Будут арестованы члены Временного правительства, начнется избиение буржуев, обыски, грабежи и прочее. «Красная Гвардия», т.е. вооруженные рабочие, будут творить насилие во имя свободы и ради «углубления революции». На вокзалах наплыв дезертиров, на окраинах бродят толпы пьяных матросов»⁹⁶.

Всем было очевидно: большевики готовятся к захвату власти и хотят использовать съезд Советов Северной области для низложения правительства Керенского, об этом писали многие

⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4341.

⁹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. Ia. Д. 139.

⁹⁶ «Нева». 1990. № 8. С. 193.

газеты, а Ленин в «Письме к членам партии большевиков» обрушивается на Каменева и Зиновьева якобы за разглашение решения ЦК о вооруженном восстании, обзывает их «штрейк-брехерами». В ответ Зиновьев отправил письмо в редакцию «Рабочего Пути», в котором, на мой взгляд, вполне убедительно опроверг эти обвинения.⁹⁷

Но продолжим рассказ М.В. Фофановой, которая, бесспорно, в то время ни о чем не догадывалась:

«Вечером 15 октября, в воскресенье, когда было уже темно, в сопровождении Эйно пришли к нам два товарища. Об их приходе я была предупреждена Владимиром Ильичом еще утром. Он сказал мне, что вечером придут из Финляндии два товарища – Рубаков и Егоров, и что они вместе со всеми совершили опасное путешествие из Цюриха в Петроград. Оба молодые, лет 30–35, высокие, стройные, чувствовалась военная выправка. Один из них, с усиками, похож был на актера Кторова. Они вежливо поздоровались, и я проводила их в комнату Владимира Ильича. Эйно прошел в кухню. Разобрать разговор при закрытых дверях было невозможно, да и не пыталась я это делать. Но чувствовалось, что все трое говорят на немецком языке. Иногда они переходили на русский. Беседа проходила более часа. Когда они стали уходить, я услышала фразу: «Bis zum baldigen Wiedersehen!»⁹⁸ Вместе с ними ушел и Эйно...»

Напомню читателю, что эти «два товарища» являлись майорами разведывательного отдела германского Генштаба. А цель их встречи с Лениным, по-видимому, была одна: координация боевых действий германских войск под Петроградом в период осуществления большевиками государственного переворота.

А в это время на другом конце города, в Нарвском районе, продолжало работать чрезвычайное закрытое заседание Петроградского комитета, главной задачей которого было определить степень готовности к вооруженному выступлению. Как и намечалось, перед представителями районных комитетов Петрограда выступил член ЦК РСДРП(б) А. Бубнов, который попытался убедить присутствующих в том, что препятствий для восстания нет.

«...Мы, – говорил он, – приближаемся к разрядке, кризис уже назрел, и события начинают разворачиваться. Мы втягиваемся с силами, идущими против нас... Международное положение – попытки заключить сепаратный мир, – это план империалистической буржуазии, направленный против пролетариата... Когда мы будем у власти, то нам придется ввести массовый террор...»

В заключение призвал *«взять власть в свои руки...»*⁹⁹. Выступивший вслед за Бубновым член Военной организации Невский высказал свои соображения по поводу восстания и сделал критические замечания по резолюции ЦК. Он, в частности, сказал:

«...Военная организация вдруг сделалась правой... По поводу резолюции Ц(ентрального) К(омитета) о текущем моменте Военная организация высказалась в том смысле, что в этой резолюции не учитывается многих обстоятельств, – не учитывается того, что в революции принимает участие и беднейшее крестьянство... В целом ряде губерний... крестьяне заявляют, что в случае восстания они не дадут хлеба... Ясно, что ограничить восстание Питером только нельзя... Может ли Ц(ентральный) К(омитет) партии сказать, что нас поддерживает вся Россия? Все мы прекрасно понимаем, что назрел момент вооруженного выступления. Но готовы ли мы? Из этого доклада выяснилось одно, что готовности нет... Боевого настроения в рабочих массах нет, а солдатская масса самая ненадежная... Мне кажется, что в резолюции, которая была вынесена Ц(ентральным) К(омитетом), прежде чем ставить так остро вопрос, как он поставлен, надо бы прежде поставить вопрос организации масс...»¹⁰⁰.

В канун пятой годовщины октябрьского переворота Невский писал, что обстановка *«заставляла «Военку» быть очень осторожной и обливать холодной водой всех тех пылких товарищей, которые рвались в бой, не имея представления о всех трудностях выступления»*¹⁰¹. А «пылкие» среди большевиков были, например, Э. Рахья, который высказывал настроение

⁹⁷ См.: «Рабочий Путь». 1917. 20 Октября.

⁹⁸ До скорой встречи.

⁹⁹ *Первый легальный Петербургский комитет*. С. 308–309.

¹⁰⁰ Там же. С. 310–312.

¹⁰¹ «Красная летопись». 1922. № 2–3. С. 318.

заинтересованных финнов: «Чем скорее, тем лучше» – и предложил «обсуждать вопрос только с организационной стороны, не затрагивая его принципиальной стороны»¹⁰².

Тревожные сведения содержались и в докладах с мест. Так, Харитонов, в частности, сказал: *«В Кронштадте настроение сильно пало. Пьянство больше наблюдается даже среди наших товарищей. В боевом отношении матросы представляют малую силу... Сочувствующих нам мало...»*¹⁰³ Поддерживая выступление предыдущего оратора, Слуцкая из Василеостровского района заявила, что на фабриках и заводах «выступить настроения нет»¹⁰⁴. Такое же мнение высказал представитель Выборгского района Наумов: *«Наблюдается недовольство в массах. Настроение удручающее, скрытое негодование в связи с тарифами, с эвакуацией. Настроение чрезвычайно сложное»*¹⁰⁵.

Перечитывая текст доклада Ленина на заседании ЦК 10 октября и резолюцию, в которой он говорит о повороте «народного доверия к... партии», удивляешься, насколько сильно было его желание выдавать свои умозрительные предположения и желание за реальное положение дел. О какой подготовленности к выступлению можно было говорить, если на заводе 1-го Городского района, по заявлению Менжинской, обнаружилось лишь 2 винтовки, а в Московском районе, по образному выражению Равич, *«настроение на заводах бесшабашное»* и *«по призыву партии выйдет мало»*¹⁰⁶. Не лучше обстояло дело во 2-м Городском районе. По мнению представителя этого района Пахомова, «Красная Гвардия» слишком слабо организована, да винтовок на весь район всего 50 штук»¹⁰⁷. Вряд ли кого обрадовало выступление Гесена из Нарвского района: *«Общая картина – стремления выйти нет... Боевого центра нет, так что боевые силы раздроблены...»*¹⁰⁸ Его коллега, Горелик, добавил, что *«за нами не пойдут обеспеченные рабочие»*. А представитель Невского района Виноградов принес еще более тревожную весть: *«Красной Гвардии у нас нет. Организационным аппаратом не можем похвастаться»*¹⁰⁹.

В Охтенском районе дела обстояли не лучше. Вот сообщение представителя этого района Первухина: *«Боевого настроения... выйти на улицы у рабочих нет... Организационные связи у нас очень плохие...»*¹¹⁰. Ничего не приукрашивая, представитель Петербургского района Прохоров лаконично доложил: *«С Красной Гвардией дело обстоит плохо... Вообще в районе полный развал, даже если Совет призовет к выступлению, то некоторые заводы... не выйдут»*¹¹¹. Красная Гвардия отсутствовала в Шлиссельбургском, Эстонском и Латышском районах. Оружия там не хватало, а о настроении масс и говорить не приходилось. Но Ленина меньше всего волновал этот вопрос: он продолжал настраивать большевиков на провокационный курс свержения Временного правительства и захвата власти. Хорошо изучивший тактику большевиков, Г.В. Плеханов так ее охарактеризовал: *«Тактика большевиков есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто Нечаева»*¹¹².

С докладом от Лесковского подрайона и в прениях выступил М. Калинин:

«...Получаются телеграммы из Финляндии, с фронта, с протестом против выступления большевиков... Оттуда же, помимо армейских организаций, посылаются делегации, которые... указывают, что там боевое настроение. Это указывает, что армейские комитеты не наши...»

Относительно резолюции ЦК Калинин сказал, что она *«призывает организацию к политическому действию. Мы практически подошли к вооруженному восстанию. Но когда это восстание будет возможно – может быть через год – неизвестно...»*¹¹³

В итоге, из 19 представителей районных комитетов, 13 твердо заявили, что они не готовы к выступлению. Неудивительно, что в принятых тезисах содержались лишь расплывчатые предложения организационного и агитационного характера.

¹⁰² Первый легальный Петербургский комитет. С. 312, 315.

¹⁰³ Там же. С. 313.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 314.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 314–315.

¹¹¹ Там же. С. 315.

¹¹² Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. II. С. 267.

¹¹³ Первый легальный Петербургский комитет. С. 313, 316.

Эти решения со всей очевидностью показали: большевистские организации Петрограда не желали и не были готовы к тому, чтобы осуществить вооруженное выступление и низложить Временное правительство. Было очевидно, что большевиков не поддерживают широкие слои населения страны, и прежде всего крестьянство, составляющее его абсолютное большинство. Наконец, в тезисах нет даже намека на то, что Петроградский комитет поддерживает резолюцию ЦК от 10 октября.

В тот же вечер Э. Рахья сообщает Ленину о решении Петроградского комитета. По свидетельству М.В. Фофановой, в этот вечер Ленин так разнервничался, что у него начался приступ, сопровождавшийся сильной головной болью. Он что-то говорил, но речь была у него настолько невнятная, что разобрать ее было невозможно. У Ленина были серьезные причины, чтобы волноваться. Вождю большевистской партии было над чем поразмыслить, ведь его призыв «*взять власть тотчас*» мог остаться только лозунгом на бумаге.

Глава 8. Октябрьский контрреволюционный переворот

Что же сделал я, однако,
Я – убийца и злодей;
Я весь мир заставил плакать
Над красой земной моей!

Б. Пастернак

Для Ленина, возлагавшего большие надежды на питерских большевиков и рабочих, решение Петроградского комитета было равносильно провалу всей его идеи социалистической революции. Поэтому он немедленно назначает на 16 октября расширенное заседание Центрального Комитета. Из-за трудностей, связанных с организацией проведения заседания и оповещением его участников, оно началось в 8 часов вечера на северной окраине Петрограда – в помещении Лесковско-Удельнинской районной думы, председателем управы которой был М. Калинин. Фактически 16 октября проходило собрание партийного актива с участием членов ЦК РСДРП. В протоколах этого форума так и записано – «**собрание**».

И на этот раз Ленин применил все тот же порочный, неоднократно осужденный видными деятелями социал-демократии (Плеханов, Мартов, Богданов и др.) прием подбора участников собрания по своему вкусу. Так, из 26 человек, присутствовавших на собрании, члены ЦК составляли лишь треть (9). Остальные приглашенные, за редким исключением, были готовы поддержать любое предложение Ленина. С помощью Свердлова и Рахья он постарался отстранить тех участников заседания Петроградского комитета, от которых нельзя было ожидать поддержки.

Зато опубликованный протокол собрания № 26 озаглавили так: «Заседание ЦК РСДРП, Исполнительной комиссии Петроградского Совета, Профессиональных Союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета»¹¹⁴.

Как такового доклада Ленина на собрании не было. Он всего лишь огласил резолюцию ЦК, принятую 10 октября, добавив лишь несколько общих фраз вроде той, что, «*выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу*», и закончил словами:

«Из политического анализа классовой борьбы и в России, и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием»¹¹⁵.

Следом выступил Свердлов. Очевидно, для поднятия духа и моральной поддержки присутствующих он преподнес им очередную фальшивку о численности партии, сказав: «*Можно считать, что теперь она объединяет не менее 400 тыс.*»¹¹⁶.

Большинство принявших участие в прениях по докладу откровенно высказали свое мнение о вооруженном выступлении и о степени подготовленности к нему своих районов. Бокий информировал присутствующих, что «...в Красном Селе дело не так хорошо». Примерно такую

¹¹⁴ Протоколы Центрального Комитета. С. 100.

¹¹⁵ Там же. С. 111.

¹¹⁶ Там же. С. 112.

же картину обрисовали представители Рождественского, Порохового и Шлиссельбургского районов.¹¹⁷ Степанов сообщил, что «в Нарве настроение тяжелое ввиду расчетов... Что касается гарнизонов, то там настроение угнетенное... В Новом Петергофе работа в полку сильно пала, полк дезорганизован...». Володарский добавил: «Общее впечатление, что на улице никто не рвется...»¹¹⁸ Равич подтвердил это.¹¹⁹ А вот выступление Шмидта:

«...Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится, особенно ввиду боязни расчетов... В Московском узле особенно наблюдается неудовольствие против комитета. Мы не можем выступать, но должны готовиться»¹²⁰.

Как бы в добавление, Шляпников сказал, что «среди металлистов... большевистское выступление не является популярным»¹²¹. Ничего хорошего не сообщил и представитель транспорта: «Железнодорожники голодают, озлоблены, организация слаба, особенно среди служащих телеграфов»¹²². Выступление Милютин было обобщающим: «...Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем...»¹²³

Напрашивается вывод: резолюция ЦК от 10 октября была принята без учета реальной политической обстановки и не отвечала настроению масс. Об этом красноречиво говорят выступления представителей с мест, членов Петроградского комитета и «Военки». Даже Крыленко отмечал, что «**определенно назначить его (выступление. – А.А.)... тоже нецелесообразно**», – и далее добавил: «Наша задача – **поддержать восстание вооруженной силой, если бы оно где-нибудь вспыхнуло**. Но настроение, которое здесь характеризовали, является результатом наших ошибок»¹²⁴ (выделено мной. – А.А.).

Запись выступления воинственно настроенного Рахья можно отнести к разряду фальсифицированных. И в самом деле: все говорят о нежелании масс выступать, а он утверждает, что «**массы сознательно** готовятся к восстанию». Но тут же неосторожно сообщает, что у пролетариата нет оружия: «*Если бы питерский пролетариат был бы вооружен, он был бы на улицах вопреки всяким постановлениям ЦК... Массы ждут лозунга и оружия*»¹²⁵.

Опуская декларативные выступления Сталина и Калинина, хочу особо остановиться на размышлениях Зиновьева и Каменева.

Начну с Зиновьева:

«По-видимому, резолюция (10 октября. – А.А.) воспринимается не как приказ, иначе по ней нельзя было бы высказываться. На подкрепление из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится. А в Питере мы не имеем уже такой силы... Настроение на заводах теперь не таково, как было в июне... Нужно пересмотреть резолюцию ЦК, если это возможно...»¹²⁶

С подкреплением из Финляндии и Кронштадта Зиновьев, думаю, ошибался, но в основном он был прав, поскольку об «общем революционном подъеме в России» и речи не могло быть. В словах Каменева звучала такая аргументация:

«Аппарата восстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос». Каменев доказывал, что «со времени принятия резолюции прошла неделя, и эта резолюция потому и показала, как нельзя делать восстание... недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет... у нас за эту неделю ничего не сделано ни в военно-техническом смысле, ни в продовольственном... Вся масса, которая теперь с нами, находится на их стороне. Мы их усилили за наш счет... Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движение силы русской революции»¹²⁷.

---

¹¹⁷ Там же. С. 113.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 114.

¹²⁰ Там же. С. 114–115.

¹²¹ Там же. С. 114.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 115.

¹²⁴ Там же. С. 116–117.

¹²⁵ Там же. С. 117–118.

¹²⁶ Там же. С. 118.

¹²⁷ Там же. С. 118–119.

Таким образом, Каменев публично разоблачил Ленина как заговорщика, хотя на нем и так уже давно стояло клеймо нечаевщины.

Выступающий затем Фенигштейн подчеркнул, что «с немедленным переходом в штыки не согласен... технически вооруженное восстание нами не подготовлено. Мы не имеем еще даже центра. Мы идем полусознательно к поражению»¹²⁸. Взяв слово, Володарский сказал: «Если вопрос о выступлении ставится как вопрос завтрашнего дня, то мы должны прямо сказать, что у нас для этого ничего нет. Я выступал среди... (пропуск слова в оригинале¹²⁹ – А.А.), но утверждаю, что массы с недоумением приняли наш призыв...»¹³⁰ Возражая Володарскому, Дзержинский высказал довольно странную мысль: «Когда будет восстание, тогда и будут технические силы...»¹³¹

Довольно принципиальным было выступление Скалова. Он сказал, что «до созыва (съезда) Советов нельзя устраивать восстание, но на съезде нужно взять власть...»¹³²

Иоффе, как и Зиновьев, доказывал, что «резолуцию нельзя понимать как приказ выступать...», однако сказал, что «это есть отказ от тактики удержания от выступления и признание возможности и обязательности восстаний при первом подходящем случае»¹³³.

Видя, что все высказались, Ленин вновь предлагает подтвердить резолюцию от 10 октября. Зиновьев возражает:

«Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это – приказ на завтра или послезавтра, то это – авантюра. Пока не съедутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстание»¹³⁴.

Солидаризуясь с Зиновьевым, Каменев добавил: «Назначение восстания есть авантюризм»¹³⁵. И тем не менее Ленин ставит на голосование резолюцию следующего содержания:

«Собрание»¹³⁶ вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»¹³⁷.

Зиновьев предложил свой вариант резолюции:

«Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью съездов Советов – недопустимы»¹³⁸.

В Протоколах указывается, что за резолюцию Ленина проголосовали **девятнадцать** человек, **двое – против и четверо воздержались**. За резолюцию Зиновьева голосовали **шесть** человек, **против – пятнадцать и трое** воздержались от голосования.¹³⁹ Однако следует обратить внимание на примечание, сделанное составителем Протоколов на той же странице. В нем говорится, что первоначально было записано, что за резолюцию Ленина голосовали **16** человек, а затем эту цифру исправили на **20**. Изменили и число воздержавшихся: **7 на 3**. Как видим, в обоих случаях разница составляет 4. К сожалению, составитель Протоколов не обратил внимание на тот факт, что общее число лиц, принявших участие в голосовании за резолюцию Зиновьева, составило 24, в то время как в голосовании за резолюцию Ленина приняли участие 25 человек, то есть все присутствующие на собрании, кроме секретаря.

¹²⁸ Там же. С. 120.

¹²⁹ Возможно, слово «рабочих».

¹³⁰ Там же. С. 121.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 122.

¹³³ Там же. С. 122–123.

¹³⁴ Там же. С. 123.

¹³⁵ Там же. С. 124.

¹³⁶ Как видим, не заседание, а собрание.

¹³⁷ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 397.

¹³⁸ Протоколы Центрального Комитета. С. 125.

¹³⁹ Там же. С. 126.

Невольно вспоминаю работу Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Поражаешься, с какой скрупулезностью он подсчитывает все голоса, поданные делегатами на II съезде РСДРП,¹⁴⁰ чтобы защитить своего единомышленника (С.И. Гусева) от обвинения в «позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы»¹⁴¹. Между тем ни Ленин, ни его единомышленники «не заметили» метаморфозу, связанную с подсчетом голосов по двум резолюциям на собрании в ЦК 16 октября. Не означает ли это, что результаты голосования были подтасованы? Вопрос поставлен не случайно. Изучение архивных материалов позволило сделать вывод о том, что Стасова вела протоколы собрания ЦК явно тенденциозно в угоду Ленину. Есть основание полагать, что краткие записи, которые она производила на собраниях, затем вместе с Лениным корректировались. Не сложно заметить и то, что она с особым вниманием записывала выступления Ленина. Из протокола трудно понять, кто как голосовал.

Между тем среди семи воздержавшихся при голосовании по резолюции Ленина были Милютин, Рыков и Ногин. Именно они в конце собрания написали заявление, содержания которого в Протоколах нет (их попытка опубликовать его в большевистской печати не увенчалась успехом).

А им было что сказать.

Судя по выступлениям, некоторые присутствующие, а именно 7 человек, действительно воздержались голосовать за резолюцию Ленина. Казалось, это не должно было его смущать, поскольку 16 голосов он набрал. Но Ленина озадачило то, что трое воздержавшихся (Рыков, Милютин, Ногин) были членами ЦК. То, что эти трое воздержались – бесспорно, иначе они вряд ли стали бы обращаться с заявлением в газету «Рабочий Путь». Таким образом, получается, что **из десяти** членов ЦК, присутствующих на заседании, **пятеро не поддержали Ленина**. Такой исход его не устраивал. Поэтому, – говорю об этом с уверенностью, – протокол № 26 расширенного собрания в Центральном Комитете от 16 октября был фальсифицирован. И тут можно понять Каменева, Зиновьева, Рыкова, Милютина и Урицкого, потребовавших **«немедленного, телеграфного созыва пленума»**. В этой связи небезынтересно привести выдержку протокольной записи заседания ЦК от 20 октября: **«Урицкий сообщает о настроении в провинции, доказывает, что большинство делегатов в Москве высказались против вооруженного восстания: по вопросу же о Каменеве и Зиновьеве тоже требует передачи вопроса на рассмотрение пленума»**¹⁴². (Но Ленин сделал все возможное и даже, казалось, невозможное, чтобы пленум ЦК не состоялся. Понимая, что там он потерпит поражение).

В конце собрания в ЦК 16 октября был создан так называемый Военно-революционный центр по руководству восстанием в составе: Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин и Урицкий. В этот же вечер Петроградский Совет утверждает образованный еще 12 октября Военно-революционный комитет. Должен заметить, что по своему составу ВРК не был однороден. В него вошли большевики, левые эсеры, анархисты, представители Петроградского Совета, ИВСКД, ОИКАФРФ, профсоюзов, фабзавкомов и беспартийных. Совершенно естественно, что в понимании задач ВРК у них не было единодушия. На организационном совещании, состоявшемся 20 октября, ВРК избрал Бюро, в состав которого вошли три большевика (Антонов-Овсеенко, Подвойский, Садовский) и два левых эсера (Лазимир и Сухарьков). Председателем Бюро был избран Павел Лазимир – председатель солдатской секции Петроградского Совета. Интересно отметить, что в целях сокрытия своих намерений ВРК поместил в газете «Новая жизнь» сообщение следующего содержания:

«Вопреки всякого рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовить и осуществить захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных (и погромных) посягательств»¹⁴³.

После собрания в ЦК 16 октября Ленин полностью переключается на организационные вопросы, связанные с предстоящим путем, который он намеревался осуществить в обход Центрального Комитета и ЦИК Советов Р. и С.Д. С этой целью он в ночь с 17 на 18 октября собирает на квартире рабочего Д.А. Павлова (Сердобольская ул., дом 35, кв. 4) узкое совещание руководителей Военной организации – Подвойского, Антонова-Овсеенко и Невского. Спустя два

¹⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 8. С. 321–335.

¹⁴¹ Там же. С. 413.

¹⁴² Протоколы Центрального Комитета. С. 128–129.

¹⁴³ «Новая жизнь». 1917. 25 октября.

года Невский писал, что основная цель Ленина заключалась в стремлении «сломить последнее упрямство членов военной организации»¹⁴⁴. Между тем «упрямство» заключалось в том, что они считали выступление преждевременным. Так, Антонов-Овсеенко, описывая положение дел в Финляндии, в частности, сказал: «*Матросы на более крупных революционизированных кораблях опасаются подводных лодок и миноносцев (немцев. – А.А.)... моряки не хотят оголять фронт*»¹⁴⁵. Подвойский и Невский тоже доказывали, что выступление не следует форсировать. Однако Ленин ничего не желал слышать. Как свидетельствует Подвойский, он отнесся к их доводам крайне нетерпимо: «*Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям более тщательно подготовиться к разгрому нас с помощью вызванных для этого войск с фронта*»¹⁴⁶. Ленин доказывал, что необходимо свергнуть Временное правительство до открытия съезда Советов и поставить его «перед совершившимся фактом взятия рабочим классом власти»¹⁴⁷. Столь категорическое требование вытекло из опасения, что съезд Советов не поддержит призыв к захвату власти. Для такого опасения у Ленина были все основания. Он хорошо запомнил, когда на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов большевистская фракция, по сути дела, выступила против плана Центрального Комитета организовать 10 июня вооруженную демонстрацию. Думается, не забыл он и критику, с которой обрушились на Центральный Комитет делегаты из местных партийных организаций на VI съезде РСДРП за двойственную позицию ЦК в период июльских событий. Свежо было в памяти и постановление фракции большевиков на Демократическом совещании, которая сумела добиться отмены решения Центрального Комитета о бойкоте Предпарламента. Опасался он и прибывших на съезд Советов делегатов с фронта, которые в большинстве своем стояли на позициях ЦИК. Наконец, Ленин твердо был убежден, что ему не удастся реализовать заключительную часть резолюции собрания в ЦК от 16 октября, в которой записано, что «*ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления*».

Он сознавал, что ни ЦК, ни Совет не дадут добро на это наступление. Поэтому и шел на сепаратные действия, согласовывая их с командованием немецких войск на Балтике. И здесь уместно продолжить рассказ М.В. Фофановой:

«Днем 17 октября Владимир Ильич предупредил меня, что собирается в ночную командировку. Поздно вечером пришел Эйно Рахья. Но уходить они еще не собирались. Чувствовалось, что уйдут в строго определенное время. Я подала чай и стала заниматься глажкой здесь же в кухне. За чашкой чая они беседовали. Из разговора можно было понять, что на днях следует ожидать выступления большевиков. Владимир Ильич говорил, что необходимо во что бы то ни стало низложить Временное правительство. И надо это сделать в несколько дней. **Эйно спросил: «Владимир Ильич, не подавят нас присланные с фронта войска, как в июле?» Вдруг Владимир Ильич встал, положил руку на бедро и, слегка наклонившись к Эйно, сказал: «Немцы не позволят Керенскому снять с фронта даже одного солдата». Потом он посмотрел на часы и сказал: «Товарищ Рахья, нам пора».** Они оделись и ушли. Вернулся Владимир Ильич утром, но было еще сумеречно».

Невольно вспоминаешь визит к Ленину двух «товарищей» финского (?) происхождения. А не они ли пообещали ему организовать в период выступления большевиков наступательные операции германской армии? Сдается мне, что все так и было.

Споры между лидерами большевиков о необходимости восстания и степени подготовленности к нему продолжались вплоть до взятия Зимнего. Так, на собрании активистов, проходившем вечером 20 октября в Смольном, Г. Чудновский подчеркнул, что в войсках Юго-Западного фронта большевики не имеют прочной опоры, и пытался убедить актив, что организация вооруженного восстания обречена на неудачу.¹⁴⁸ Однако он ничего не знал о тех тайных силах, на которые опирался Ленин в своем плане захвата власти. Не знал он о них и пять дней спустя, когда вел пьяную толпу на «штурм» Зимнего.

¹⁴⁴ «Красноармеец». 1919. № 10–15.

¹⁴⁵ «Красная газета». 1923. 7 ноября.

¹⁴⁶ «Коммунист». 1957. № 1. С. 35.

¹⁴⁷ «Красная летопись». 1923. № 8. С. 16.

¹⁴⁸ Аввакумов С.И. *Борьба петроградских большевиков за осуществление ленинского плана Октябрьского восстания*. – Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х томах. Т. 2. М.-Л.: «Наука». 1957. С. 54–56.

Начиная с 20 октября ВРК вступил в открытую конфронтацию с правительством, заявив о своих правах на верховную власть над частями Петроградского гарнизона. Ночью 21 октября члены ВРК – Лазимир, Мехоношин и Садовский – явились в Генштаб к командующему Петроградским военным округом Полковникову. От имени ВРК Садовский заявил, что отныне «все приказы командующего должны скрепляться подписью одного из комиссаров, а без них приказы будут считаться недействительными...»¹⁴⁹. На это Полковников ультимативно заявил: «Мы знаем только ЦИК, мы не признаем ваших комиссаров. Если они нарушат закон, мы их арестуем»¹⁵⁰.

Ленин пристально следил за событиями в столице. Действия ВРК приободрили его. Однако поступившие вечером 23 октября новые известия привели его, по словам Фофановой, «в яростное состояние». Первое известие представляло собой резолюцию Петроградского Совета, которую приняли по докладу Антонова-Овсеенко на пленарном заседании. В нем говорилось:

«Петроградский Совет констатирует, что благодаря энергичной работе ВРК связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась, и выражает уверенность, что только дальнейшей работой в этом же направлении будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов»¹⁵¹.

Но еще больше встревожило Ленина заявление ВРК о том, что он принимает ультиматум командующего Петроградским округом и отменяет свое заявление, сделанное в Генштабе 22 октября.¹⁵² Об этом «компромиссе» между Петроградским военным командованием и ВРК писали все газеты, которые, как всегда, аккуратно приносила Ленину М.В. Фофанова.

Не обрадовали Ленина и итоги заседания ЦК, которое состоялось 24 октября. В сущности, члены ЦК обсудили только четыре вопроса: одобрили отправку роты солдат Литовского полка на защиту типографии «Труд»; приняли решение о создании запасного штаба в Петропавловской крепости на случай, если Смольный будет атакован и захвачен правительственными войсками; назначили ответственных за установление связей с железнодорожниками (Бубнова); с почтово-телеграфными служащими (Дзержинского); работниками продовольственного снабжения (Милютина); установление политических связей с левыми эсерами было возложено на Каменева и Берзина. Что же касается главного вопроса – вопроса о власти, то его члены ЦК опустили, отложив его, по-видимому, до съезда Советов.

Ориентация большинства членов ЦК на съезд Советов прослеживается как в материалах печати, так и в их публичных заявлениях. Выступая перед большевиками, приехавшими в столицу в качестве делегатов, Троцкий, в частности, сказал:

«Мы... не отклоняемся ни вправо, ни влево. Наша линия диктуется самой жизнью. Мы крепнем с каждым днем. Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Завтра... выявится настоящая воля народа...»¹⁵³.

Не менее интересны в этом отношении замечания Сталина по поводу позиции ЦК, сделанные им на заседании фракции большевиков 24 октября: «В рамках ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить вначале силы. ЦК РСДРП(б) присоединяется ко 2-му»¹⁵⁴.

Ленин, разумеется, поддерживал первое течение, однако его сторонники проявляли осторожность. Это раздражало рвущегося в бой Ульянова. Дважды (днем и вечером) он отправлял Фофанову в ЦК с письмами, в которых просил разрешения на приход в Смольный. И оба раза ему отказывали. Очевидно, здравомыслящие члены ЦК понимали, чем может обернуться его приход. Как вспоминала Фофанова, прочитав вторую записку, в которой содержался отрицательный ответ ЦК, Ленин смял, швырнул ее на пол и сквозь зубы произнес¹⁵⁵: «Сволочи!» Затем

¹⁴⁹ «Пролетарская революция». 1922. № 10. С. 87.

¹⁵⁰ «Голос солдата». 1917. 24 октября.

¹⁵¹ *Петроградский военно-революционный комитет*. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. 1. М.: «Наука». 1966. С. 74.

¹⁵² Рябинский К. *Хроника событий*. Т. 5. С. 160.

¹⁵³ «День». 1917. 25 октября.

¹⁵⁴ «Пролетарская революция». 1922. №10. С. 92.

¹⁵⁵ В опубликованной литературе воспоминание М.В. Фофановой фальсифицировано.

немного походил по комнате и сказал: «Я их не понимаю. Чего бояться эти багдадские ослы? Ведь только позавчера Подвойский докладывал и убеждал меня, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже наша. А теперь вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо. Я сам низложу Керенского»¹⁵⁶.

Ленин не понимал главного: рабочие не хотели ценой своей жизни завоевывать ему власть. А уж крестьяне тем более: на каждом углу Ленин кричал о защите их интересов и в то же время настоятельно требовал «отменить частную собственность». Поэтому, как ни парадоксально, он не находил широкой поддержки даже в среде большевиков, а о крестьянах и говорить нечего.

Однако вернемся к событиям в Петрограде. В то время, когда Ленин закатывал истерику на квартире Фофановой, в Мариинском дворце Керенский произносил свою последнюю публичную речь на российской земле. Незаурядный оратор в этот день явно был не в форме и, по словам очевидца, «хромал на обе ноги». Более часа он уговаривал членов Предпарламента в надежде получить от них неограниченные полномочия для решительной борьбы с большевиками. Ссылаясь на статью Ленина «Письмо к товарищам», в которой тот призывал рабочих, солдат и крестьян к вооруженному выступлению против Временного правительства,¹⁵⁷ Керенский указывал на предательский характер большевистских приготовлений. Он доказывал, что своими действиями большевики способствуют

«не пролетариату Германии... а правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... С этой кафедры я квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству... В настоящее время, когда государство от сознательного и бессознательного предательства погибает и находится на грани гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст...»

В заключение Керенский сказал:

«Я пришел, чтобы призвать вас к бдительности для охраны завоеваний свободы многих поколений, многими жертвами, кровью и жизнью завоеванных свободным русским народом... В настоящее время элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленно решительной и окончательной ликвидации... Я требую, чтобы сегодня же Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».¹⁵⁸

Выступившие в прениях от имени партии кадетов, части эсеров, казачьей фракции, кооперативного движения и других политических организаций поддержали главу Временного правительства, понимая, что в условиях войны, когда на карту поставлена судьба государства, нереально и даже безрассудно ставить вопрос и требовать от правительства немедленно приступить к проведению социально-экономических реформ. В выступлениях депутатов содержались и замечания в адрес правительства, которое, по их мнению, допускало в отношении экстремистских действий и намерений большевиков «попустительство», не принимало решительных мер по их обузданию.

Кадеты совместно с кооперативным движением представили резолюцию, в целом поддерживающую правительство. В несколько жестких тонах, но содержащую кредит доверия правительству, казачья фракция внесла на рассмотрение свою резолюцию.

Речь главы Временного правительства подверглась объективной критике. Особо остро она прозвучала в выступлениях левого эсера Камкова и лидеров меньшевиков-интернационалистов Мартова и Дана. Мартов упрекнул Керенского за то, что тот своими выпадами и действиями против «черни» может вызвать гражданскую войну.

«Демократия, – говорил Мартов, – должна заявить, что никакой поддержки оно (правительство. – А.А.) от нее не получит, если правительство не даст немедленных гарантий реализации

¹⁵⁶ Запись рассказа М.В. Фофановой, сделанная автором.

¹⁵⁷ См.: «Рабочий путь». 1917. 19, 20 и 21 октября; Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 398–418.

¹⁵⁸ «Речь». 1917. 25 октября, «Известия». 1917. 25 октября.

насущенных нужд народа. Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена. Если такие заявления невозможны для правительства в его нынешнем составе, то оно должно быть реорганизовано»¹⁵⁹.

Что касается Дана, то он выдвинул вполне позитивную альтернативу:

«Если вы хотите выбить из-под ног у большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб, то надо принять ряд политических мер. Необходимо ясное выступление и правительства, и Совета республики, в котором народ увидел бы, что его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками... Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены так, чтобы ни у одного рабочего, ни у одного солдата не было ни малейшего сомнения, что по этому пути наше правительство идет твердыми и решительными шагами».

Дан от имени левых сил предложил резолюцию, содержащую курс на немедленное обнаружение правительством программы социально-экономических и политических реформ и проведение совместно с общественными организациями (Советы, органы городского самоуправления) решительных и действенных мер по наведению порядка и стабилизации обстановки в стране.¹⁶⁰

Мне представляется, что если в первой части своего выступления Дан был прав, то вторая часть, в которой содержится требование **немедленно** обнаружить программу социально-экономических и политических реформ в условиях войны, была нереальной.

Однако Керенский стоял на своем. Опираясь на определенные силы в Предпарламенте, он выражал уверенность, что ему удастся получить поддержку и сконцентрировать военные силы, необходимые для подавления большевистского заговора. В своих воспоминаниях Керенский писал, что, покидая Мариинский дворец, он был убежден, что спустя несколько часов получит решительную поддержку со стороны Предпарламента.¹⁶¹ Это был его просчет: 123 голосами – «за», 102 – «против», при 26 воздержавшихся Предпарламент отказал в доверии правительству Керенского.¹⁶² А когда в 4 часа утра 25 октября на экстренном совместном заседании ЦИК и ИВСКД была принята резолюция, в которой подтверждалось безусловное требование немедленного проведения социально-политических реформ, одобренных Предпарламентом,¹⁶³ **не дожидаясь Учредительного собрания**, то это был уже крах. Крах для народов России, которые лишались демократических свобод, завоеванных Февральской революцией, и на многие десятилетия становились рабами большевистского режима. Думается, впоследствии бывшие депутаты Предпарламента, члены ЦИК и ИВСКД поняли, какую роковую ошибку они допустили вечером 24 октября, отказав в доверии Временному правительству.

Вне всякого сомнения, что Временное правительство не справлялось со своими обязанностями как в управлении народным хозяйством, так и на военно-политическом поприще. Но правда и то, что лидеры левых эсеров и меньшевиков, преобладающие во всех влиятельных общественно-политических организациях и структурах, не умели прогнозировать политическую обстановку в России. Их узкопартийные амбициозные цели преобладали над государственными задачами и интересами. Они, выдвигая популистские лозунги и несвоевременные требования ряда социально-экономических реформ, по сути, вводили в стране хаос и политическую напряженность, чем лили воду на мельницу большевиков. Своими поспешными, непродуманными и недалекими действиями они еще больше дезорганизовывали фронт и тыл, вместо того, чтобы всемерно содействовать делу победы над внешними врагами Отечества, а затем созвать Учредительное собрание и в его стенах демократическим путем определить дальнейший путь развития российского государства и приступить к проведению в жизнь назревших социально-экономических и политических реформ.

Мне думается, что поняло свою ошибку и Временное правительство. Особо непростительно Керенскому, не сумевшему, точнее, не решившемуся пойти на компромисс с лидерами

¹⁵⁹ «Известия». 1917. 25 октября.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Керенский А.Ф. *Россия и поворотный пункт истории*. 1965. С.435.

¹⁶² «Известия». 1917. 25 октября.

¹⁶³ «Рабочая газета». 1917. 26 октября.

влиятельных демократических партий и тем самым сохранить завоевания Февральской революции. Надо было сделать все возможное, чтобы довести дело до Учредительного собрания.

Вечером 24 октября председатель Центробалта П. Дыбенко получил от Антонова-Овсеевко шифрованную телеграмму: «Высылайте устав», что означало: «Направляйте в Петроград миноносцы». ¹⁶⁴ Через несколько часов Дыбенко позвонил член ВРК А. Баранов и спросил: «Можем ли надеяться на своевременную поддержку?» На что тот ответил: «Миноносцы выйдут на рассвете». ¹⁶⁵

После получения телеграммы от Антонова-Овсеевко было созвано экстренное заседание комитетов 25 судов, Свеаборгского флотского полуэкипажа, береговой роты минной обороны, совместно с ЦК Балтийского флота, дислоцированного в Гельсингфорсе. В расплывчатой резолюции заседания выражалась готовность *«твердо стоять на передовых позициях, занятых Балтийским флотом на защите интересов демократических организаций. По первому зову Центробалта идти и победить или умереть...»*. ¹⁶⁶ Однако, как мы видим, эта резолюция не отражала волю большинства моряков Балтийского флота. Нет сведений и о том, что участники экстренного заседания единодушно поддержали зачитанную резолюцию. В этом мы убедимся и из последующих материалов.

Одновременно подготовительная работа проводилась и в некоторых пехотных подразделениях, находящихся под номинальным влиянием большевиков. Так, в приказе 106-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса (№ 159 от 25 октября) был приведен текст телеграммы председателя комитета корпуса. В нем говорилось:

«На общем собрании Армейского Комитета Выборгского Совета, полковых и ротных комитетов Выборгского гарнизона образован объединенный комитет... для поддержания съезда Советов в Петрограде, собориться которому мешают контрреволюционные элементы своими выступлениями. Комитет просит войска 42-го армейского корпуса сохранить спокойствие и быть готовыми выступить на защиту революции по зову Комитета. О ходе событий Комитет будет сообщать всем частям корпуса по телеграфу». ¹⁶⁷

Тревожная и нервная обстановка царил на квартире Фофановой вечером 24 октября. Ленин метался из угла в угол, затем сел и быстро написал воззвание к рядовым большевикам. Этим он хотел воздействовать на членов ЦК и ВРК, призывая их низложить и арестовать Временное правительство до открытия съезда Советов. Коммунистические фальсификаторы называют это воззвание «Письмом членам ЦК», чтобы скрыть принципиальные разногласия между Лениным и Центральным Комитетом. Вот его содержание:

«Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью». ¹⁶⁸

Вручив воззвание М.В. Фофановой, Ленин попросил срочно доставить его Крупской. Спустя несколько часов он на всякий случай загримировался и вместе с Эйно Рахья ушел в Смольный, оставив хозяйке квартиры лаконичную записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил...»

Приход в Смольный агрессивного настроенного Ленина подхлестнул некоторых членов ВРК на более решительные действия. К этому времени в Смольный стали прибывать небольшие отряды моряков и солдат Петроградского гарнизона, отдельные группы Красной Гвардии. Имеются сведения, что в это время из Финляндии в Петроград направлялись небольшие группы пехотных подразделений; готовились к отплытию из Гельсингфорса военные корабли. Так, в приказе № 22 от 25 октября 106-й пехотной дивизии записано: *«Вследствие требования Финляндского Областного Революционного Комитета отправлены 2 роты и 4 пулемета 424-го*

¹⁶⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М. 1957. С. 305.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ ЦГА ВМФ СССР. Ф. Р-95. Д. 56. Л. 27.

¹⁶⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 106. Л. 333.

¹⁶⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 436.

пехотного Чудского полка».¹⁶⁹ Судя по малочисленности отряда, приведенная выше телеграмма армейского комитета не нашла в дивизии особой поддержки. Однако если учесть, что в столице было мало верных правительству войск, то чаша весов начала постепенно склоняться в пользу заговорщиков. В упомянутом приказе имеется приписка, в которой говорится, что из той же дивизии в Петроград направился «422-й пехотный Колпинский полк в составе 1500 штыков и 34 пулеметов...»¹⁷⁰. Но следует отметить, что солдаты были обмануты: они ехали в Петроград, как они говорили, «для защиты съезда Советов», а не для участия в заговоре большевиков.

И тем не менее это были ничтожные силы по сравнению с громадной русской армией, которая была оплотом Российского демократического государства на фронте. Но и Керенский не обладал нужными силами в Петрограде. И тем не менее, когда правительственные войска во второй половине дня 24 октября стали разводить Литейный, Николаевский и Троицкий мосты через Неву, многие большевистские комиссары пришли в замешательство. «Мне невольно вспоминались июльские дни, – писал комиссар «Военки» А. Ильин-Женевский. – Разведение мостов представлялось мне как бы первым шагом попытки к нашему уничтожению. Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх?»¹⁷¹

Что же касается политической позиции большинства солдат, честно выполнявших свой патриотический долг, то лучшей иллюстрацией является приказ выборного начальника все той же 106-й пехотной дивизии:

«Облеченный вашим доверием и поддержкой, я, вместе с Дивизионным Комитетом, буду стремиться к тому, чтобы дивизия представляла всегда одну сплошную боевую и политическую организацию, властно предъявляющую свои требования в защиту демократии при ее борьбе с внешним и внутренним врагом. Я всегда буду поддерживать только то Временное правительство, которое, опираясь на Всероссийские Советы Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, будет идти по пути, дающему счастье и свободу трудящемуся народу».¹⁷²

Мало чем отличалась и позиция моряков Балтийского флота. Однако, чтобы придать большевистскому заговору общенародный характер, советская историография искусственно преувеличила роль в нем Балтийского флота. В многочисленных публикациях¹⁷³ она пытается показать массовость выступлений военных моряков. Едва ли не каждый советский школьник знает, что утром 25 октября 1917 года, с интервалом примерно в 2 часа, из Гельсингфорса на Петроград вышли три эшелона с моряками Балтфлота. Что это за эшелоны, из скольких вагонов они состояли, какова была численность моряков, направляющихся в Петроград, никто не уточняет.

Признаться, мои долгие поиски в архивах тоже не дали желаемого результата. А доверять воспоминаниям большевистских комиссаров, а тем более прокоммунистическим зарубежным исследователям, по меньшей мере, несерьезно. Так, известный американский историк и политолог Александр Рабинович, судя по содержанию его книги,¹⁷⁴ исследовал историю октябрьского переворота, явно опираясь на домыслы советских авторов. Отсюда его ошибочные выводы. Так, в 15-й, заключительной, главе, указав, что третий эшелон выехал из Гельсингфорса «уже в разгаре утра», Рабинович пишет:

«Примерно в это же время наспех сформированная флотилия судов в составе патрульного катера «Ястреб» и пяти эсминцев – «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон» – на полных парах отправились в Петроград. Во главе флотилии, которой предстояло пройти путь

¹⁶⁹ ЦГВИА СССР. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 106. Л. 361.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ «Красная летопись». 1926. № 5(20). С. 37.

¹⁷² ЦГВИА СССР. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 106. Л. 286.

¹⁷³ См., например: *Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне*. М.–Л.: Партиздат, 1932; *Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции*. Сборник. М.–Л.: Издательство АН СССР. 1957; Антонов-Овсеенко В.А. *Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября*. – «Пролетарская Революция». 1922. №10; Дыбенко П.Г. *Балтфлот в октябрьские дни*. – В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Петрограде и Москве. М.: Госкомиздат. 1957; Раскольников Ф.Ф. *Кронштадт и Питер в 1917 году*. М.–Л.: Госиздат. 1925; Ховрин Н.А. *Балтийцы идут на штурм*. М.: Воениздат. 1968 и др.

¹⁷⁴ Рабинович Александр. *Большевики приходят к власти*. Революция 1917 года в Петрограде. Перевод с английского М. «Прогресс». 1989.

свыше 300 километров, шел «Самсон» под знаменем с лозунгами: «Долой коалицию!», «Да здравствует Всероссийский съезд Советов!», «Вся власть Советам!»¹⁷⁵.

Здесь, очевидно, следует вспомнить телеграмму Дыбенко, отправленную примерно в 21 час 24 октября командиру эскадронного эсминца «Самсон». В ней говорилось: «*Центральный Комитет Балтийского флота предлагает вам срочно выйти в Петроград*».¹⁷⁶ В 21 час 40 минут аналогичные телеграммы были отправлены командирам кораблей «Забияка», «Страшный», «Меткий»¹⁷⁷. Несколько позже телеграмму послали и на сторожевое судно «Ястреб»¹⁷⁸. По-разному отреагировали на телеграммы команды этих кораблей. Например, известно, что команды эсминцев «Страшный» и «Деятельный» не вняли призывам Центробалта.

А теперь о так называемой флотилии, которая во главе с эсминцем «Самсон» якобы отправилась в Петроград. В вахтенном журнале эскадренного эсминца «Меткий» мичман Петропавловский 25 октября сделал следующую запись: «*25... 9.00. Снялись со швартовых. Пошли на Петроград... На миноносец прибыл комиссар Красноперов...*»¹⁷⁹. Между тем эсmineц «Самсон» вышел в море в **9 час. 15 мин. А в 9 час. 40 мин.** снялись с якоря эсминцы «Забияка» и «Мощный»¹⁸⁰. В архиве имеется копия телеграммы, отправленной командиром «Самсона» командиру крейсера «Аврора». В ней сообщается, что «Самсон» в 19 час. 40 мин. с боевым взводом матросов прибыл в Кронштадт.¹⁸¹ И далее говорится, что эсминцы «Забияка», «Самсон» и учебное судно «Верный» 26-го в 17 час. 50 мин. вышли в Петроград.¹⁸²

Не делая, однако, поспешных выводов, обратимся к воспоминаниям большевистского комиссара Флеровского, находившегося, по его словам, 25 октября на борту минного заградителя «Амур», который прибыл из Кронштадта в числе других кораблей в 2 часа дня и бросил якорь рядом с крейсером «Аврора». Он пишет, что после залпа «Авроры» (то есть после 21 часа 40 минут), вахтенный офицер на «Амуре» поднял тревогу: «*Приближаются корабли!*». Но вскоре опытные моряки «Амура» узнали по очертаниям эсминцы «Самсон», «Забияку» и сопровождающие их другие корабли из Гельсингфорса.¹⁸³

Позволю себе не согласиться с этим утверждением Флеровского, поскольку в вахтенном журнале эсминца «Меткий» все тот же мичман Петропавловский делает лаконичную запись: «*26... 14.00. Отшвартовались в Неве, правый берег, к эллингу Нового Адмиралтейства...*»¹⁸⁴. Вот и получается, что «флотилия», в составе которой находился эсmineц «Меткий», прибыла в Петроград, как говорится, к шапошному разбору. Как видим, налицо явная фальсификация фактов.

Большинство моряков, ехавших из Гельсингфорса в Петроград по железной дороге, также не приняли участия в событиях 25–26 октября. В этом откровенно признается некий Костяков в своей статье «*Как мы опоздали ко взятию Зимнего дворца*».¹⁸⁵ Следует упомянуть и запись, сделанную в вахтенном журнале учебного судна «Освободитель», стоящего тогда на якоре в Кронштадте: В ней говорится, что в **7 час. утра 26-го**, то есть уже после взятия Зимнего, команда моряков отправилась в Петроград.¹⁸⁶ Не менее интересны воспоминания очевидца тех событий – Н. Суханова: «*...1800 человек матросов, как мы знаем, приехали из Гельсингфорса; они попали в Петербург, когда тут было уже все кончено...*»¹⁸⁷

Любопытную историю рассказал мне старый рабочий-металлист А. Пудиков. Его двоюродный брат участвовал в мировой войне. После ранения, с конца июня 1917 года находился на излечении в одном из госпиталей Петрограда. За день до переворота Алексей Пудиков поздно вечером 24 октября ехал в полупустом трамвае. На какой-то остановке в вагон вошли два десятка матросов в новеньких бушлатах и бескозырках. На лентах бескозырок он

¹⁷⁵ Там же. С. 296.

¹⁷⁶ ЦГА ВМФ СССР. Ф. Р-95. Д. 56. Л. 23.

¹⁷⁷ Там же. Л. 26.

¹⁷⁸ Там же. Д. 24. Л. 39.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Л. 78. Л. 66.

¹⁸⁰ Там же. Д. 18. Л. 66 об.

¹⁸¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 109. Л. 258.

¹⁸² Там же. Л. 265.

¹⁸³ «Пролетарская революция». 1922. № 10. С. 141–142.

¹⁸⁴ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 870. Оп. 6. Д. 78. Л. 66.

¹⁸⁵ «Красный балтиец». 1920. № 6. С. 36.

¹⁸⁶ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 870. Оп. 6. Д. 18. Л. 70 об.

¹⁸⁷ Суханов Н. *Записки о революции*. Т. 7. Кн. 1. Париж, 1923. С.235.

прочел: «Верный», «Меткий». Пудиков попытался заговорить с ними, но ему не ответили. Подошел капитан-лейтенант и сказал Пудикову, чтобы он не приставал к матросам. Офицер говорил с каким-то странным акцентом. А матросы продолжали молча сидеть, словно в рот воды набрали. Пудиков обратил внимание, что у всех моряков винтовки были немецкого производства. Все это вызвало у него подозрение. А когда на следующий день он решил сообщить в комендатуру о странных ночных спутниках, оказалось, что власть уже сменилась.

Ясно одно: моряки, которых встретил в ночном трамвае М. Пудиков, не могли быть членами экипажей эсминцев «Меткий» и «Верный», поскольку последние в это время еще находились в открытом море и прибыли в Петроград соответственно спустя 12 и 16 часов после взятия Зимнего.

Нечто подобное рассказывал мне и сын балтийского моряка Василия Павлова. За два дня до октябрьского переворота его отец встретил на вокзале обособленную группу матросов. Его потянуло к «своим», но когда он приблизился, внезапно вперед вышел мичман и, остановив его рукой, сказал: «Иди своей дорогой, браток».

Свидетельства Пудикова и Павлова в определенной степени подтверждаются документальными материалами, вошедшими в сборник «Немецко-Большевистская Конспирация». Так, например, в документе № 35 говорится, что члены разведгруппы майора германского Генштаба фон Бельке **«были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму»**.¹⁸⁸ Но самое любопытное – эти факты находят отражение и в официальных советских источниках. (Об этом читатель сможет более подробно узнать из 10-й главы.)

Документальные материалы свидетельствуют, что в октябрьском перевороте принимали непосредственное участие: часть моряков крейсера «Аврора»; немногочисленные группы матросов из команд кораблей, прибывших из Кронштадта; часть флотского полуэкипажа; небольшие вооруженные отряды так называемых красногвардейцев и солдат Петроградского гарнизона; прибывший из Гельсингфорса сводный отряд финских сепаратистов; формирования переодетых в форму русской армии и флота солдат и офицеров Германии. При этом следует уточнить состав судов, прибывших из Кронштадта в Петроград: два старых минных заградителя («Амур» и «Хопер»), учебное судно «Верный», яхта «Зарница», переоборудованная в госпиталь, и допотопный, дышащий на ладан линкор «Заря свободы», который **тащили аж четыре буксира**.¹⁸⁹ Вся же армада военных кораблей Балтийского флота (около 250 боевых и военно-транспортных судов) продолжала оставаться на боевых рубежах, выполняя задачи по защите Родины.

Несколько слов о роли команды крейсера «Аврора». Достоверно известно, что по 22 октября она ни в каких делах большевиков не участвовала. Очевидец тех событий Петр Курков в беседе с бывшим сотрудником ЧК С.Ф. Найдой (позднее – профессор истфака МГУ) рассказывал, что «Аврора» находилась в ремонте, и большая часть команды отсутствовала. Этим воспользовалась группа вооруженных большевиков во главе с комиссаром ВРК Александром Бельшевым и вечером 25 октября фактически захватила крейсер. Под угрозой расстрела капитан «Авроры» вывел его из Франко-Русской верфи и подогнал к Николаевскому мосту.

А вот что говорил в своем докладе на заседании бюро комиссаров Военно-революционного комитета сам Бельшев:

«...Крейсер «Аврора», находясь в ремонте у Франко-Русского завода, 22 октября должен был уйти из Петрограда на пробу машин, но, имея в виду предполагаемый II Всероссийский съезд (Советов), приказом Центробалта был задержан на неопределенное время, причем причина задержки была объявлена команде тем, что нам, крейсеру «Аврора», придется принимать активное участие в поддержке Совета и, возможно, предстоящем перевороте...»¹⁹⁰.

Исследование документальных материалов по истории октябрьского переворота убеждает нас в том, что Бельшев пишет заведомую ложь, причем спустя 15 лет после октябрьского переворота.

¹⁸⁸ *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 20.

¹⁸⁹ *Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции*. С. 270.

¹⁹⁰ Там же. С. 280.

Вот так большевистские ультра зачисляли солдат и матросов в разряд революционеров и их руками совершали тягчайшие преступления. А когда пришли к власти, стали объяснять причину своей победы следующим образом:

«Народные массы вручили свою судьбу единственно революционному и до конца последовательному защитнику их интересов – партии большевиков. По ее зову они свергли буржуазное Временное правительство и установили социалистическую республику Советов».¹⁹¹

И последнее. Прошло более 80 лет с тех пор, как шесть (?) военных кораблей, совершив дезертирство, снялись со швартовых в Гельсингфорсе и «на полных парах отправились в Петроград» (?). За эти годы ни один историк, ни один специалист-морьяк не решился написать, как получилось, что 300-километровый путь от Гельсингфорса до Петрограда корабли прошли за 29 (!) и более часов.¹⁹² При скорости хода эсминцев 16 узлов (~30 км в час) они ведь могли покрыть это расстояние за 10 часов. Создается мнение, будто моряки не торопились в Петроград. Но не это главное. Как им удалось прорвать блокаду и без всяких приключений прибыть в Петроград? С уверенностью могу сказать: немецкое военно-морское командование знало о готовящемся уходе из Гельсингфорса русских кораблей. В открытом море немцы, наверно, видели, но не трогали их потому, что имели соответствующий приказ.

А теперь вернемся в Смольный, где вечером 25 октября обстановка настолько была накалена, что в любую минуту можно было ожидать политического взрыва. Как известно, открытие съезда Советов было запланировано на два часа дня 25 октября, но Ленин, под разными предложениями, постоянно его откладывал, а всю вину за его задержку сваливал на Подвойского, Антонова-Овсеенко и Чудновского, которые, мол, своими проволочками заставляли волноваться депутатов.¹⁹³ В принципе съезд его не интересовал: он весь был поглощен предстоящим захватом Зимнего дворца и арестом членов Временного правительства. Последние обратились (радиограммой) к русскому народу:

«Всем, всем, всем... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве. Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а потому постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда. Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии».¹⁹⁴

А тем временем у делегатов съезда, заполнивших Белый зал Смольного, иссякло терпение. Обстановку разрядил Дан: в 22 час. 40 мин. он позвонил в колокольчик и объявил съезд открытым. Ленин, Троцкий и другие большевистские вожди проигнорировали начало съезда.

Открывая съезд, Дан, в частности, сказал:

«...ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью... В это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК».¹⁹⁵

В пятую годовщину октябрьского переворота Подвойский писал, чем занимался в это время Ленин:

«Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний. Зимний оставался последней заставой на пути к власти... Владимир Ильич ругался... кричал... он готов был нас расстрелять».¹⁹⁶

¹⁹¹ *История КПСС* (издание второе, дополненное). С. 254.

¹⁹² Эсминцы российского флота имели скорость 16 узлов, то есть примерно 30 км в час.

¹⁹³ «Военный вестник». 1924. № 10. С. 78-79.

¹⁹⁴ *Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде*. Документы и материалы. Т. 3. Л. 1966. С. 414-415.

¹⁹⁵ *Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.-Л.*: Госиздат. 1928. С. 33.

¹⁹⁶ «Пролетарская революция». 1922. № 10. С. 79.

А Бубнов свидетельствовал: «...Ночь 25 октября. Ильич очень торопил с взятием Зимнего дворца, основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступлений»¹⁹⁷. Ленин не признавал никаких объяснений о причинах задержки с наступлением на Зимний. Между тем, по свидетельству Антонова-Овсеенко, большевики натолкнулись на серьезные трудности. К ним он относит «**плохую организацию, восстания солдат и другие неприятные проблемы...**»¹⁹⁸ (выделено мной. – А.А.). И тем не менее именно Антонов-Овсеенко поручает матросу минного заградителя «Амур» А.А. Дорогову вручить защитникам Зимнего ультиматум. А те, после непродолжительной паузы, решили избежать бессмысленного кровопролития.

Но вот наступает долгожданный миг. В 2 часа 10 минут ночи 26 октября большевики без сопротивления захватили Зимний дворец и арестовали членов Временного правительства. Разговаривая по прямому проводу с Дыбенко, комиссар Центробалта Н.А. Ховрин сообщил, в частности, и о потерях: «Убито 5 матросов, 1 солдат, раненых много».¹⁹⁹ Как это случилось, Ховрин не сообщает.

Не могу не высказать свое мнение о так называемом штурме Зимнего дворца и не поделиться с читателем информацией, которой обладаю по этому вопросу. Должен сказать, что факты, связанные с взятием Зимнего дворца большевиками, не без участия идеологов ВКП(б), за годы советской власти были сильно преувеличены и драматизированы. Так, в краткой Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) на странице 199 читаем: «*Временное правительство укрылось в Зимнем дворце под охраной юнкеров и ударных батальонов. В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы **штурмом** взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство*» (выделено мной. – А.А.).

Прямо скажу, что в этих словах нет даже на йоту правды. Между тем эту ложную информацию подхватили писатели, историки, кинематографисты, художники и прочие работники искусств и стали до абсурда раздувать ее в своих работах. Так, например, в фильме С.М. Эйзенштейна «Ленин в Октябре» содержится такой эпизод: красногвардейцы, солдаты и матросы, стреляя на ходу, бегут по Дворцовой площади в сторону Зимнего дворца. Некоторые смельчаки, по совету сценариста, умудрились даже забраться на железные ворота Зимнего. И это при том, что «ударные батальоны» стреляют в штурмующих из пулеметов и ружей. Можно представить, какое количество убитых и раненых было бы на Дворцовой площади, если в действительности штурм Зимнего дворца имел бы место.

Упомянутый выше П. Курков был свидетелем этого события. Он рассказывал С.Ф. Найде, что когда пьяная лавина матросов и солдат во главе с Чудновским появилась на Дворцовой площади и стала направляться к Зимнему дворцу, то уже тогда перепуганные до смерти девчата из женского батальона, побросав ружья, попрятались в подвальных помещениях дворца. Курков говорил, что вооруженную толпу встретил сам начальник обороны Зимнего дворца Пальчинский и проводил их в зал, где заседали члены Временного правительства.

Говорят, что, когда в Петрограде раздались первые выстрелы большевистских экстремистов, П.А. Кропоткин сказал: «Это хоронят русскую революцию».

Однако для Ленина это была еще не победа. Теперь вопрос о власти должен был решаться в стенах Смольного; где продолжал свою работу съезд Советов.

После вступительного слова Дана, с заявлением выступил Мартов. Он, в частности, сказал:

«Задача Съезда заключается, прежде всего, в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос Съезд нашел если не решенным, то предрешенным, и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к Съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет грозная вспышка контрреволюции. Мирный исход возможен...»

По мнению Мартова, эта возможность заключалась и в создании единой демократической власти. «*Необходимо, – продолжал он, – избрать делегацию для переговоров с другими*

¹⁹⁷ «Бакинский рабочий». 1927. 7 ноября.

¹⁹⁸ Антонов-Овсеенко В.А. *Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября*. С. 124–129; его же.: *Революция победила*. – «Красная газета». 1923. 7 ноября.

¹⁹⁹ ЦГА ВМФ СССР. Ф. Р-269. Д. 70. Л.39.

социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения».²⁰⁰ Выступление Мартова было встречено «шумными аплодисментами очень большой части собрания».²⁰¹

Выступая от имени социал-революционеров, Мстиславский присоединился к Мартову, а Луначарский заявил, что «*фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова*».²⁰² Примечательно отметить, что **съездом предложение Мартова принимается единогласно**.²⁰³

Казалось, ничего не предвещало надвигающейся бури. Однако объективные причины для нее были.

Первая. Все наиболее влиятельные политические партии выступали за разрешение вопроса о власти мирными средствами. Лишь большевики (особенно их экстремистское ядро во главе с Лениным) вели нечестную политическую игру: они пришли на съезд, чтобы юридически закрепить за своей партией узурпированную власть. Получалось, что, соглашаясь на создание коалиционного правительства, они, в сущности, обманывали делегатов съезда, поскольку на деле выступали за разгон всех политических партий.

Вторая. Большевикам удалось заполучить численное превосходство. Многие их делегаты прибыли на съезд с подложными мандатами, а проверить подлинность документов того или иного делегата от большевистской фракции не представлялось возможным. С мандатами из «различных провинций» на съезд явились представители петроградских большевиков. Кстати, как известно, такие приемы они использовали и на Шестом съезде РСДРП.

Третья. Крестьянство, составляющее более 80% населения России, по сути дела, не было представлено на съезде: фактически оно было отстранено от участия в формировании власти и выборе общественного строя. Демократичнее и справедливее было бы создать съезд Советов Р. и С.Д. совместно с Советами крестьянских депутатов. Однако Ленин на это не пошел, боясь, что при таком раскладе большевики могут оказаться на задворках.

Четвертая. Многомиллионная армия фактически тоже была отстранена от участия в решении политических вопросов. Делегатов от армейских частей можно было пересчитывать по пальцам. Зато большевикам удалось натравить одну часть солдат и матросов на другую, положив тем самым начало гражданской войне. Поэтому заявление, с которым выступил делегат 12-й армии Я. Харощ, стало как бы раскатом, за которым последовал мощный гром. Он, в частности, сказал:

«За спиной съезда, благодаря политическому лицемерию партии большевиков, совершена преступная политическая авантюра. Пока здесь вносятся предложения о мирном улаживании конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой. Большевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть»²⁰⁴.

Его товарищ по партии Г. Кучин (Оранский) заявил от имени фронтовой группы, что «*армия неполно представлена на Съезде, что съезд неправомочен, несвоевременен...*». Выступивший следом член ЦК, меньшевик Л. Хинчук,²⁰⁵ высказал вначале, на мой взгляд, не совсем удачную мысль: «*Единственная возможность выхода (из кризиса. – А.А.) – начать переговоры с Временным правительством об образовании нового правительства, которое опиралось бы на все слои...*» Затем он добавил: «*Мы снимаем всякую ответственность за происходящее и покидаем съезд, приглашая остальные фракции собраться для обсуждения создавшегося положения*».²⁰⁶

Мне думается, что Хинчук выполнял провокационную роль. Призывая меньшевиков покинуть съезд, он тем самым расчищал путь к власти Ленину и его сторонникам. И Ленин не

²⁰⁰ *Второй Всероссийский съезд Советов*. С. 4.

²⁰¹ Суханов Н. Указ. работа. С. 199.

²⁰² *Второй Всероссийский съезд Советов*. С. 4.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. С. 5.

²⁰⁵ Хинчук Л.М. (1868–1944) – меньшевик, в РСДРП с 1903 г. В 1920 г. вступил в большевистскую партию, занимал ряд ответственных должностей.

²⁰⁶ *Второй Всероссийский съезд Советов*. С. 5.

остался в долгу: придя к власти, он назначает Л.М. Хинчука на высокую хозяйственную должность в структуре правительства.

Хинчука слепо поддержал М. Гендельман, заявив от имени социал-революционеров, что «*фракция покидает Съезд*».²⁰⁷ Меншевик-интернационалист Р. Абрамович (Рейн) объявил, что «*все то, что происходит в настоящее время в Петрограде, является великим несчастьем*», и что его группа «*присоединяется к заявлению меньшевиков и с.-р. и также покидает съезд*».²⁰⁸

После твердых и решительных выступлений делегатов, представляющих демократический фронт, выступили сомнительные «солдаты» – большевик К. Петерсон (будущий палач), некто Франц Гжельшак и другие, которые больше брали горлом.

После ухода большинства эсеров и меньшевиков вновь берет слово Мартов и еще раз предлагает свой проект:

«Разослать делегации к революционным партиям и организациям, составить приемлемую для всей революционной демократии власть, а впредь до разрешения этого вопроса занятия Съезда прервать. Если он не создаст правительство, которое удовлетворило бы, по крайней мере, подавляющее большинство демократии, меньшевики-интернационалисты в работах Съезда принимать участия не будут».²⁰⁹

Троцкий обрушивается на меньшевиков-интернационалистов, обзывает их «соглашателями», «прислужниками буржуазии», а затем делает заявление: «*Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию*». Он вносит краткую резолюцию: «*Заслушав заявление с.-р. и меньшевиков, Всероссийский Съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа и его восстания 24 и 25 октября*».²¹⁰

В краткой реплике с места Каменев высказывается «против принятия резкой... резолюции тов. Троцкого».²¹¹ Поднявшийся на трибуну эсер Б. Камков (Кац) заявил: «*Правые эсеры ушли со Съезда, но мы, левые эсеры, остались!*» Это заявление было встречено аплодисментами. Всю свою остальную речь Камков посвятил обвинениям в адрес Троцкого. Он дал понять, что реальная крестьянская сила находится не у большевиков, а у эсеров, «*а крестьянство – это пехота революции, без которой революция должна погибнуть*». Он также подчеркнул, что левые силы не имеют права «*изолировать себя от умеренных демократических сил... необходимо искать соглашение с ними*».²¹²

В качестве адвоката Троцкого выступил Луначарский. Он заявил, что большевики будут продолжать начатое дело и поведут «*пролетариат и армию к борьбе и победе...*».²¹³

На втором заседании Съезда слово взял депутат 2-й Государственной думы, член ИКВСКД, потомственный крестьянин, десять лет (с 1907 по 1917 г.) проведенный в тюрьмах и на каторгах – И. Пьяных. Он сказал:

«По поручению Исполнительного Комитета, я совместно с нашими товарищами заявляю, что за последние дни творится что-то такое, чего не бывало ни в одной революции. Наши товарищи, члены Исполнительного Комитета Маслов и Салазкин, заключены в тюрьму. Над ними произведено насилие. Это не должно быть терпимо. Над выборными представителями крестьян никто не имеет право творить насилие! Мы требуем немедленно их освободить!»²¹⁴

Выступивший вслед за Пьяных представитель 3-й армии решительно заявил, что «*акт, совершенный над министрами, есть акт незаконный; если с головы их упадет хоть один волос, если будет применено насилие, то ответ падет на тех, кто это сделал*».²¹⁵

Однако все эти выступления уже не могли помочь делу: демократия потерпела историческое поражение. Оно было предопределено роковой ошибкой эсеров и меньшевиков, покинув-

---

²⁰⁷ Там же. С. 6.

²⁰⁸ Там же. С. 7.

²⁰⁹ Там же. С. 8–9.

²¹⁰ Там же. С. 9.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. С. 10.

²¹³ Там же. С. 11–12.

²¹⁴ Там же. С. 73.

²¹⁵ Там же. С. 74.

ших Белый зал Смольного 26-го октября. В эту ночь произошло трагическое и непоправимое для судеб народов России событие.

«Мы ушли, – признавался Н. Суханов, – совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции. Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со Съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группой новожиженцев, – мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей «линии» Ленина».²¹⁶

Следует заметить, что даже при этих обстоятельствах приход к власти большевиков был бы не так уж безусловен, если бы они при избрании **«временного рабоче-крестьянского правительства»** не прибегли к сомнительным методам подсчета голосов. А такие слухи упорно гуляли по Петрограду.

На переговорах в Брест-Литовске еще 19 декабря 1917 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин, в частности, говорил:

«Ленину едва ли удастся насильственно вести весь мир вокруг своих идей... Ленин вовсе не избран, и мне представляется сомнительным, что его избрали бы, если бы выборы не были сильно фальсифицированы. В России, может быть, тоже найдутся люди, которые могут бросить ему упрек в дегенеративности!»²¹⁷

Думается, Чернин делал это заявление, располагая достоверными фактами. А вот что записал в своем дневнике о деяниях большевистских ультра известный уже читателю С.К. Бельгард:

«...В 2 часа ночи с 25 на 26 октября Зимний Дворец был занят большевиками, разграблен и изгажен. Дворцовая церковь превращена в аборт,²¹⁸ а церковная завеса украдена... Над беззащитными юнкерами творят зверства... кладовые Зимнего Дворца разгромлены, серебро расхищено, ценный фарфор перебит. Женский батальон²¹⁹ затащен в казармы Павловского полка и изнасилован... В сущности, то, что вчера произошло, – не политический переворот, не восстание, а просто военный заговор... Большевистская свобода печати – уничтожение всех органов, кроме «Правды» и пр. В наш министерский лазарет принесли убитого мальчика-рассыльного лет двенадцати.²²⁰ Помощник военного министра кн. Туманов убит озверевшими солдатами, линчеван и брошен в Мойку... Убита госпожа Слуцкая... Воображаю, как радуются теперь немцы при прелестных известиях из России... **По городу блуждают немецкие офицеры, снабженные разрешениями большевистского правительства. Попадают на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что все восстание организовано немцами и на немецкие деньги, хотя, быть может, и при благосклонном участии черносотенцев...** Кто бывал в эти дни в Смольном, утверждает, что все заправилы – жида...»²²¹ (выделено мной. – А.А.).

Вооружившись ленинским лозунгом «Грабь награбленное!», матросы, солдаты и рабочие подвергли Зимний дворец страшному разбою. Очевидец этих чудовищных акций американский журналист и писатель Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» писал:

«Те, кому на протяжении последних нескольких дней разрешилось беспрепятственно бродить по его (Зимнего дворца. – А.А.) комнатам, крали и уносили с собой столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней величины».²²²

А вот что писал «пролетарский писатель» о грабежах, организованных большевистским правительством после захвата власти:

²¹⁶ Суханов Н. Указ. работа. С. 219–220.

²¹⁷ Чернин О. *В дни мировой войны*. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М.–Л.: Госиздат, 1923. С. 240, 246.

²¹⁸ Отхожее место, туалет.

²¹⁹ Бочкаревой, Героя Отечественной войны, Георгиевского кавалера, расстрелянной вскоре после октябрьского переворота.

²²⁰ Очевидно, был убит большевиками за распространение газеты.

²²¹ См.: «Нева». 1990. №№ 8, 9, 10.

²²² Рид Джон. *Десять дней, которые потрясли мир*. М.: «Художественная литература». 1968. С. 279.

«...Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг «Грабь награбленное!» Грабят – изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом. Грабят и продают церкви, военные музеи, – продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, – грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать...»²²³

Следует отметить, что сумма материального ущерба в результате грабежей и погромов, совершенных большевиками в Зимнем дворце, по разным источникам оценивалась от 50 до 500 миллионов рублей.

Описывая события октября 1917 года, В. Чернов пишет в своих мемуарах, что в этот период Ленин становится «Робеспьером русской революции».²²⁴

Несколько слов о роли Ленина в осуществлении государственного переворота и захвата власти в Петрограде.

Бесспорно, он обладал незаурядными организаторскими способностями, большой силой воли и энергией. Был напорист и решителен в действиях и решениях, способен повести за собой единомышленников. Ради достижения поставленной перед собой цели он готов был пойти на любые жертвы, использовать любые средства. И тем не менее изучение многочисленных документальных материалов по истории большевизма позволяет сделать вывод о том, что его роль в октябрьском контрреволюционном перевороте слишком преувеличена советской историографией.

Мне представляется, что к моменту прихода Ленина в Смольный все, или почти все, наиболее важные для деморализации и изоляции волевых структур Временного правительства действия и меры уже были осуществлены мятежными силами. В этой связи заслуживает внимания статья Троцкого «Уроки Октября», опубликованная в «Правде» 14 октября 1924 года. В ней он, в частности, пишет:

«...Исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, predetermined в тот момент, когда мы воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство».

К сказанному следует добавить, что Советы к тому времени уже были в руках Троцкого. Н.Н. Суханов, оценивая вклад Троцкого в подготовку и осуществление переворота в Петрограде в октябре 1917 года, писал: «Он был центральной фигурой этих дней и главным героем «этой замечательной» страницы истории».²²⁵

Если серьезно проанализировать статью Троцкого и в деталях разобраться в происшедших во второй половине октября событиях, то придем к убеждению, что все в действительности так и было.

Однако при всех неоспоримо больших способностях Троцкого как энергичного организатора и руководителя, без средств, необходимых для осуществления государственного переворота (деньги, оружие и т.п.), ему вряд ли удалось бы сделать все то, что было сделано в октябре. Поэтому должен сказать, что в связи с тем, что Ганецкий на протяжении многих лет в условиях повышенной секретности работал за пределами России, его роль в октябрьском перевороте почти не заметна. Между тем из материалов российской контрразведки и других источников отчетливо видно, что Ганецкий, как главное связующее лицо в финансовых операциях с германскими властями, внес большую лепту в материальное обеспечение низвержения Временного правительства большевиками. Это, в частности, наглядно показывают приводимые ниже уникальные документы:

Документ № 14

«Стокгольм, 21 сентября 1917 г. Господину Рафаилу Шолану в Хапаранде.

Уважаемый товарищ. Контора банкирского дома М. Варбург открыла по телеграмме председателя Рейнско-Вестфальского синдиката счет для предприятия товарища Троцкого. Адвокат приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Вардэ. Укажите

²²³ Горький М. Несвоевременные мысли. М.: «Советский писатель». 1990. С. 170.

²²⁴ Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С.404.

²²⁵ Цит. по: Троцкий Л. История русской революции, Берлин. 1933. Т. 2. Ч. 2. С. 86.

приёмщиков конторе «Эссен и Сын» в Люлео... доверенное лицо для получения требуемой товар(ищем) Троцким суммы.

С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг».²²⁶

Документ № 15

«Люлео, 2-го октября 1917 г. Господину Антонову²²⁷ в Хапаранде.

Поручение... Троцкого исполнено. Со счетов синдиката и министерства ... 400 000 крон сняты и переданы Соне,²²⁸ которая одновременно с настоящим письмом посетит Вас <...> вручит Вам упомянутую сумму. С товарищеским приветом Я. Фюрстенберг».²²⁹

Думается, что подобного рода документы не нуждаются в комментариях – они лишний раз доказывают преступную деятельность Ленина, Троцкого, Ганецкого и их сообщников по партии против российского государства.

К исходу 24 октября большевистский путч фактически уже подходил к концу: предстояла лишь борьба за власть в стенах Смольного, где начал свою работу так называемый Второй Всероссийский съезд Советов. И в этой связи следует заметить, что политическое чутье не подводило Ленина. Он ясно понимал, что настала пора, когда ему надо быть в гуще событий, и он туда устремился.

На мой взгляд, главная причина, из-за чего Ленин устремился в Смольный, заключалась в его неверии в то, что кто-либо из лидеров большевиков, включая и Троцкого, решится пойти на арест Временного правительства. А в условиях функционирования правительства Керенского вести борьбу за власть с политическими противниками в стенах Смольного и рассчитывать на успех было не только проблематично, но и бессмысленно. Думается, это Ленин хорошо понимал.

Вспомним обстановку на конспиративной квартире вечером 24 октября, когда он метался из угла в угол. Чем же была вызвана столь повышенная нервозность главного идеолога большевиков? Не вызывает сомнения, что Ленина беспокоила сложившаяся в Петрограде критическая политическая ситуация. Он ясно себе представлял, что в процессе борьбы за власть, которая начинала разгораться в стенах Смольного, может так получиться, что лаврами политических баталий овладеют другие. А это он не мог допустить. Поэтому поспешил в Смольный, чтобы полностью контролировать ситуацию и, не дай Бог, упустить из рук то, за что боролся всю свою сознательную жизнь.

Что же касается так называемого «последнего оплота буржуазного правительства» – Зимнего дворца, то должен заметить, что его захват и арест некоторых министров Временного правительства, которые без **особого труда** были осуществлены мятежниками по настоятельному требованию Ленина, носили больше всего символический характер и менее всего военный или политический. В сущности, это была амбициозная акция, дающая (?) его организатору моральное право вновь взойти на «капитанский мостик».

И в самом деле. Находясь в полной изоляции с жалкой горсткой защитников (в числе которых преобладали женщины), Временное правительство было обречено на поражение. Что же касается Зимнего дворца, то он в военном отношении не имел никакого значения и не мог служить объектом, угрожающим противной стороне. Поэтому все действия, осуществляемые Лениным после прихода в Смольный, необходимо относить к разряду тактических, обеспечивающих стратегическую задачу – его восхождение на российский престол.

Итак, что же все-таки произошло в России, а точнее, в Петрограде 25–26 октября 1917 года?

Победители и их преемники неизменно повторяют, что в октябре 17-го произошла «социалистическая революция всемирно-исторического значения». Более того, они утверждают: *«Победа Октября – главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития человечества»*.²³⁰

Побежденные тоже едины в своем мнении: «Это – заговор, узурпация власти, кощунство, бедствие, преступление...»

Кто же прав?

²²⁶ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52: Л. 5.

²²⁷ Возможно, большевик В.А. Антонов-Овсеенко.

²²⁸ Личность не установлена.

²²⁹ Там же. Л. 5–6.

²³⁰ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М.: Политиздат, 1977. С. 3.

Начнем с победителей, предоставив слово «теоретикам» бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вот что они пишут:

«Октябрьское вооруженное восстание показало, что социалистическая революция – не заговор, не верхушечный переворот, совершенный группой «активных революционеров», а движение, борьба народных масс во главе с рабочим классом, руководимым коммунистическим авангардом».²³¹

Эта трактовка коммунистических ученых беспочвенна и не выдерживает научной критики.

Исследование документальных материалов убедительно показывает, что в октябре 1917 года произошел типичный военно-политический заговор путчистов, которые узурпировали государственную власть. Этот заговор не был поддержан армией, а о «революционном подъеме среди рабочих, солдат и матросов», особенно после июльской авантюры, и речи быть не могло. И тем не менее заговор большевиков удался. И не потому, что большевики владели большой силой, а потому что Временное правительство не только не обладало силой, способной подавить мятежников, но и не находило поддержки со стороны общественно-политических кругов страны. Кризис власти был настолько очевиден, что свергнуть ее особыми усилиями не требовалось. Выход из политического кризиса могло найти Учредительное собрание. Однако Временное правительство неоправданно затягивало его созыв, приближая тем самым свое падение. Предотвратить государственный переворот могла лишь армия. Но этот момент был упущен Временным правительством, и в этом его вина и трагедия.

Давая оценку политическим событиям 1917 года, выдающийся русский ученый физиолог И.П. Павлов в своем публичном выступлении в Петрограде весной 1918 года, в частности, отметил, что *«то, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентского ума, массы же сыграли совершенно пассивную роль»*.²³²

С оценкой всемирно признанного ученого трудно не согласиться, хотя сомнительно относить бандитов к интеллигенции.

Армия равнодушно восприняла падение Временного правительства. Бывший гражданин СССР, а ныне подданный Великобритании, поэт и журналист В.Т. Чугуев, близко знавший А.Ф. Керенского, считает: *«Единственной силой, которая могла его спасти, была армия. Но отношение с ней он (Керенский. – А.А.) испортил, после того как объявил изменником и арестовал генерала Корнилова, которого сам же призвал на помощь в трудный момент»*.²³³

Следует заметить, что в «революционные» дни «всемирного восстания» работали все фабрики и заводы, железные дороги, городской транспорт (трамваи, извозчики), учебные заведения, почта, телеграф, кинотеатры, театры, редакции газет, рестораны, казино, бани... Это подтверждали М.В. Фофанова, С.К. Бельгард, член Военной организации А. Тарасов-Родионов и многие другие. Последний, в частности, писал: *«Странная революция. Рабочий Совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается»*.²³⁴

Скоро эта мирная жизнь закончится. Победа большевиков открыла новую трагическую страницу в истории народов России, главным содержанием которой явились массовый террор, голод, нищета, установление в стране диктатуры фашистского типа.

* * *

Этими словами я закончил главу. Однако должен сказать, что вплоть до полного завершения книги в моем сознании постоянно всплывал вопрос: почему все же Керенский не арестовал Ленина и почему он освободил из-под стражи организаторов и всех активных участников июльского вооруженного мятежа? Уж больно не хотелось оставлять неисследованным этот серьезный и загадочный вопрос.

Признаться, пришлось перелопатить целый ворох различных материалов, прежде чем удалось получить ответ. И я не жалею, что потратил на это много времени и сил.

В результате исследования с использованием приема сравнительного анализа фактов, мной было установлено поразительное сходство организационных принципов, действий, проявлений, тактических приемов и методов борьбы за власть в России двух враждующих между собой партий – большевиков и эсеров.

²³¹ Ленинская теория социалистической революции и современность. М.: Политиздат, 1972. С. 373.

²³² «Литературная газета». 1961. 31 июля.

²³³ «Известия». 1991. 5 июля.

²³⁴ «Военный вестник». 1924. № 42. С. 13.

Прежде чем изложить это сходство, для начала отметим, что по времени образования партий эсеры и большевики почти ровесники: первые образовались в 1901 году, вторые – в 1903-м.

А теперь перейдем к сходству, которое довольно ярко и как две капли воды прослеживается в практических делах двух непримиримых партий.

Одним из основных методов политической борьбы за власть в России как большевиков, так и эсеров был террор, и он, как явствует из многочисленных фактов и документальных материалов, осуществлялся ими на протяжении всего периода существования партий.

Ради достижения своей цели обе партии стали на путь предательства родины и интересов ее граждан. Большевики и эсеры вели подрывную работу в пользу Японии в период русско-японской войны 1904–1905 годов, выступали за поражение России в той войне.

Обе партии на протяжении многих лет осуществляли грабежи государственных и частных банков, занимались вымогательством. С той лишь разницей, что если эсеры занимались этим криминальным делом молча, без шума и трескотни, то у большевиков это грязное и преступное дело по разработке их вождя (Ленина) было поставлено на «научную» основу.

Лидеры партий большевиков и эсеров в первую мировую войну через своих соратников и единомышленников вели подрывную деятельность на фронтах и в тылу в пользу кайзеровской Германии, находились на содержании немецких властей, получали от них крупные субсидии за работу, направленную на ослабление военно-экономической мощи России, являлись их агентами (подробно эти сюжеты на документальной основе рассмотрены в 9-й и 10-й главах).

Как большевики, так и эсеры после Февральской революции приехали в Россию из Швейцарии через территорию Германии. Этим, мягко выражаясь, безнравственным актом они в глазах российской общественности скомпрометировали свои партии.

И те и другие вели тайные переговоры с германскими властями о сепаратном мире, снабжали их информацией, координировали свои действия. Большевистские лидеры через своего агента А.Е. Кескюла поддерживали контакты, в частности, с немецким послом в Швейцарии Ромбергом; подобные контакты с ним имели и эсеры через своего агента Е.Б. Цивина²³⁵...

Как видим, в деяниях большевиков и эсеров прослеживается разительное сходство. Это сходство дает нам ключ к разгадке причины, по которой организатор контрреволюционного вооруженного мятежа в июле 1917 года, государственный преступник Владимир Ульянов не был арестован и предан суду по законам военного времени.

Мне представляется, что Керенский был первым человеком, обнаружившим сходство в преступных деяниях большевиков и эсеров. Совершенно очевидно, что он пришел к убеждению о нецелесообразности применения репрессивных мер против большевиков во главе с Лениным. Обладающий аналитическим умом и логическим мышлением, Керенский вскоре после распоряжения об аресте Ленина понял, что эта политическая и юридическая акция может нанести гораздо более тяжелый удар по партии эсеров, чем по находившейся в оппозиции к правительству партии большевиков. Керенский был обезоружен преступными делами эсеров. Поэтому политическая ситуация вышла из-под его контроля. Керенский, как опытный юрист, понял, что суд над Лениным может стать судом над ним самим, представляющим в правительстве партию эсеров. Поэтому для него наименьшим злом было оставить Ленина и его сообщников на свободе, чем арестовать их. Этим можно объяснить метаморфозу в действиях Керенского в отношении Ленина и его соратников по партии, организовавших 3–4 июля 1917 года вооруженный путч в Петрограде.

Однако Керенский, как политик и человек, своим решением о приостановлении преследования политических и уголовных преступников совершил роковую ошибку. Спасая от позора и политического скандала несколько сот членов своей партии, ревностно оберегая свое премьерское кресло в правительстве, он принес в жертву 150 миллионов граждан России, оказавшихся после октябрьского военно-политического переворота под игом большевиков.

---

²³⁵ Подробно о связях эсеров с Ромбергом см. в Приложении его письмо канцлеру Германии.

Глава 9. Плата за российский престол

Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни.

А.Д. Сахаров

Для Ленина 27 октября 1917 года стал, пожалуй, самым счастливым днем его жизни. В этот день Владимир Ильич Ульянов (Ленин) получил то, о чем мечтал целых три десятилетия: он сделался главой Российского государства.

Однако новоиспеченный премьер советского правительства ясно и ответственно понимал, что пора незамедлительно и исправно возвращать долги тем, кто помог ему взойти на российский престол. Ленину предстояло решить ряд сложнейших задач организационного, военного и дипломатического характера, среди которых подписание советским правительством мирного договора с Германией являлась первостепенной. По сути, эта задача занимала центральное место в общей цепи предательской деятельности вождя большевиков. Поэтому, захватив власть в Петрограде и прикрывшись пресловутым декретом о мире, принятым Вторым Всероссийским съездом советов Рабочих и Солдатских депутатов, Ленин теперь уже открыто и решительно стал претворять в жизнь задание германского правительства по скорейшему заключению сепаратного мира.

Доведенные до крайнего истощения, Германия и Австро-Венгрия давно уже жаждали избавиться от забот на Восточном фронте. *«Надо... во что бы то ни стало постараться заключить сепаратный мир с Россией»*²³⁶, – настоятельно требовал германский кронпринц от Вильгельма II летом 1917 года. При этом следует отметить, что уже 19 июля 1917 года Рейхстаг большинством голосов принял резолюцию о мире. Выражая свое удовлетворение этим решением, император заявил депутатам, что мир по соглашению состоит в том, что *«мы возьмем у врагов деньги, сырые материалы, хлопок, масла и из их кармана переложим в наш карман»*.²³⁷ Забегая вперед, отмечу, что благодаря Ленину все так и было сделано.

Должен сказать, что тайные договоренности германских властей с большевистским лидером не оставались незамеченными дотошными журналистами России. 12 ноября 1917 года газета «Народ», выражая свое возмущение действиями советского правительства, писала:

«Ленин и Троцкий, при усиленном содействии компаньонов – Парвуса, Радека и Ганецкого, предложили Германии сепаратный мир... Штыком и насилием узурпируя волю народа, Ленин и Троцкий губят народ, вгоняя страну в тупик, из которого долгие годы она не сможет выбраться. Издеваясь над российской демократией, издеваясь над солдатами, рабочими и крестьянами, именем которых они самозванно прикрывают это позорное преступление».

С резкой критикой позиции советского правительства по вопросу мирных переговоров с Германией выступили почти все (кроме большевистских) столичные издания.

Но уже ничто не могло остановить Ленина. Главная цель, которую он ставил перед собой, была достигнута с помощью германских денег. Теперь предстояло возвращать долги.

В советской историографии факты, связанные с историей заключения Брестского мира, основательно извращены и фальсифицированы. Так, в «Истории дипломатии» говорится, что *«в ночь на 21 (8) ноября Совнарком послал радиотелеграмму Главнокомандующему русской армии генералу Духонину, приказывая ему немедленно предложить перемирие всем воюющим странам как Антанты, так и германского блока»*.²³⁸ Между тем это в корне противоречит истине. Во-первых, указанную выше радиотелеграмму, в обход членов Совнаркома и без их согласия, подписал Ленин. Известно, что против мира с Германией выступали многие члены правительства, например, наркомы Рыков, Троцкий, Теодорович, Ногин, Оппоков (Ломов), Милютин и другие. Во-вторых, радиотелеграмма предписывала генералу Духонину начать переговоры о перемирии исключительно «с командованием австро–германских войск», что являлось прямым

²³⁶ История дипломатии. Т. 2. М.–Л., 1945. С. 311.

²³⁷ Эрцбергер. Германия и Антанта. Перевод с немецкого М.П. 1923. С. 62.

²³⁸ История дипломатии. Т. 2. С. 308.

предательством по отношению к союзникам России – странам Антанты (Англии и Франции). Лишь на следующий день Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, в которой предлагалось объявить перемирие на фронте и начать мирные переговоры. Однако, не дав послам времени для согласования ноты со своими правительствами, 22 (9) ноября Ленин, опять-таки без обсуждения вопроса на заседании Совнаркома, послал телеграмму во все полки, дивизии и корпуса действующих армий фронта. *«Пусть полки, стоящие на позициях, – гласила телеграмма, – выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это».*²³⁹

Первая «ласточка» полетела в Берлин, а там этого и ждали.

В связи с этим генерал Людендорф писал:

«С конца ноября с востока на запад непрерывно потянулись воинские поезда. Дело заключалось уже не в обмене выдохшихся на западе дивизий на свежие с востока, а в действительном усилении численности западного фронта».²⁴⁰

И в этом деле немцам оказывал услугу Ленин.

Спустя пять дней, 27 (14) ноября, германское правительство согласилось приступить к мирным переговорам.

Да и как было не согласиться! Особенно после 6 апреля 1917 года, когда в войну против австро–германского блока вступили США. Американский президент Вильсон, а также представители Англии и Франции неоднократно обращались в Народный Комиссариат Иностранных дел с предложением оказать помощь России оружием, боеприпасами, продовольствием, деньгами для оплаты жалования солдатам (по 100 руб. в месяц на каждого), военными специалистами и инструкторами. Однако Ленин на эти предложения не реагировал. (Справедливости ради надо отметить, что был один случай (22 февраля 1918 г.), когда Ленин послал записку в ЦК, на котором обсуждался вопрос о возможности приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты, с просьбой присоединить его голос *«за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма».*²⁴¹)

Германия остро нуждалась в подписании мирного договора с Россией, и в этих намерениях немецкие власти не останавливались ни перед чем. Вот что пишет по этому поводу известный немецкий исследователь Земан:

«...Всецело в наших интересах было использовать период, пока они (*большевики. – А.А.*) у власти, который может быть коротким для того, чтобы добиться прежде всего перемирия, а потом, если возможно, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение желанной цели, а именно – разрыв между Россией и ее союзниками».²⁴²

Должен сказать, что по вопросу заключения сепаратного мира с Германией у Ленина и его единомышленников были большие сложности. Они не находили поддержки ни у членов правительства, ни у членов ЦК РСДРП(б), ни со стороны влиятельных партий, особенно эсеров. Так, известно, что на расширенном заседании ЦК РСДРП (б) 11 (24) января, на котором Ленин выступил с тезисами по вопросу о немедленном заключении мира, за них проголосовали 15 человек, то есть менее четверти участников совещания; 32 человека поддержали позицию «левых коммунистов», требующих продолжения войны, и 16 – позицию Троцкого. Но Ленина результаты голосования не обескуражили. Он собирает одно совещание за другим. Так, 21 января (3 февраля) на совещании представителей разных политических течений за «германский аннексионистский мир» выступили 5 человек, против – 9. Не принесли желаемого успеха и заседания ЦК 17 и 18 февраля. Однако, не обсуждая этот вопрос в правительстве, Ленин утром 19 февраля «от имени Совнаркома» посылает немцам следующую радиограмму: *«Ввиду создавшегося положения, Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция. – А.А.). Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные*

²³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 82.

²⁴⁰ Людендорф Э. Указ. работа. С. 90.

²⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 581.

²⁴² Zeman A. *Germany and the Revolution in Russia. 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* L; N.V. 1958. P.70.

германским правительством точные условия будет дан немедленно».²⁴³ Эти действия нельзя расценить иначе, как мошенничество и прямое пособничество германскому правительству. В период переговоров о сепаратном мире газета «Русь» писала:

«В.И. Ленин-Ульянов вполне оплатил Германии за бесплатный проезд в германском запломбированном вагоне. Он вместе со своими соратниками заплатил ей кровью, – кровью тысяч русских граждан, слезами жен и матерей, разрушенной Москвой и тысячами ужасов, весьма приятных немецкому сердцу».²⁴⁴

Однако немцы, прочно удерживая в руках послушного российского премьера, предъявили российскому правительству новые, еще более тяжелые условия мира. В связи с этим Ленин 23 февраля вновь созывает заседание ЦК партии. Бурное и острое обсуждение вопроса показало, что число противников подписания условий мира с Германией преобладает. Более того, в конце заседания группа «левых коммунистов» (Бухарин, Ломов, Бубнов, Пятаков, Яковлева и Урицкий) заявила в знак протеста, что уходит со всех ответственных партийных и советских постов. Вечером того же дня Ленин организует объединенное заседание фракции большевиков и левых эсеров ВЦИК. Но и это заседание никакого решения не приняло. Собственно, Ленин и не пытался ставить на голосование вопрос о подписании мира с Германией, поскольку было очевидно, что число противников его позиции возросло. Тогда Ленин идет на авантюру. В срочном порядке, **в 3 часа ночи** 24 февраля, созывается заседание ВЦИК. После доклада Ленина, против подписания мира выступили «левые коммунисты», меньшевики, левые и правые эсеры, анархисты. Однако это не помешало Ленину и его окружению путем грубого нарушения демократических принципов, подтасовок фактов и фальсификаций документов протасовать предложенную им резолюцию о принятии немецких условий мира.

В официальной литературе подчеркивается, что *«116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся, заседание утвердило предложенную большевиками резолюцию о принятии немецких условий мира»*.²⁴⁵ Эти сведения весьма и весьма сомнительны. Как можно принять их всерьез, если отсутствуют материалы по процедуре голосования и списки членов ВЦИК, участвовавших в этом заседании? Во-вторых, следует отметить, что голосование проводилось при отсутствии кворума. Да и можно ли было приступать к самой процедуре голосования, если в это время, в другом помещении, проходило совещание большинства «левых коммунистов» – одних из основных противников подписания мира с Германией? Среди них были и члены ЦК.

Наконец, как можно было менее чем за полтора часа открыть заседание ВЦИК, выслушать доклад, задать вопросы докладчику и выслушать его ответы, выступить в бурных прениях, зачитать резолюцию, провести поименное голосование, подсчет голосов, огласить результаты голосования да еще принять постановление СНК по данному вопросу? А то, что на всю процедуру, связанную с обсуждением и вынесением решения по заключению мира с Германией и ее союзниками, ушло лишь **полтора часа**, свидетельствует документ, подписанный Лениным:

«Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 1/2 часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».²⁴⁶

С полной уверенностью можно сказать, что этот документ Ленин подписал без обсуждения на СНК. Да и о каком постановлении СНК вообще могла идти речь, если после выхода из него 22 февраля многих его членов он фактически распался?

О том, что постановление и резолюция в пользу подписания мира с Германией рождались нечестным путем, свидетельствует и такой факт. Брестский мирный договор поддержали 7 из 15 членов ЦК партии большевиков. Против сепаратного мира выступали Бухарин, Троцкий, Дзержинский, Рыков, Радек, Бубнов, Преображенский, Ломов, Крестинский, Косиор, Осинский, Стуков, Ногин, Спундз, Фенигштейн, Урицкий, Иоффе, Пятаков, Яковлева, Рязанов, Штейнберг, Спиридонова, Смирнов, Бронский, Прошьян, Покровский, Трутовский, Милютин, Теодорович, Комков и многие другие политические деятели. Против унизительного договора протестовало

²⁴³ *Мирные переговоры в Брест-Литовске*. Т. 1. М. 1920. С. 264.

²⁴⁴ «Русь». 1918. 18 января.

²⁴⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 490–491.

²⁴⁶ Там же. С. 381.

большинство левых эсеров, занимающих ответственные посты в государственном аппарате и входящих в состав ВЦИК.

3 марта 1918 года в 5 часов 50 минут в Брест-Литовске был подписан сепаратный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией – с другой. Германское правительство торжествовало. Благодаря пособничеству Ленина оно получило возможность перебросить значительную часть своих войск с Восточного фронта на Западный.

Что касается Ленина, то ему «мирная передышка» была нужна еще больше, чем Германии, чтобы как можно быстрее укрепить свою власть в огромной стране. Надо было собрать и бросить все силы (в том числе наемных головорезов, уголовников, голодных китайских волонтеров, военнопленных германской и австро-венгерской армий и прочих «интернационалистов») на подавление народного сопротивления большевикам.

Любопытна позиция немецкого генерала Гофмана в отношении переговоров германских властей с большевиками о сепаратном мире:

«Я много думал о том, – пишет он, – не лучше было бы германскому правительству и верховному главнокомандованию отклонить какие бы то ни было переговоры с большевистской властью. Тем, что мы дали большевикам возможность прекратить войну и этим самым удовлетворить охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть. Если бы Германия отказалась от переговоров с большевиками и согласилась бы иметь дело только с представителями полномочного правительства, избранного свободным голосованием, большевики не в состоянии были бы удержаться».²⁴⁷

А вот как комментировал подписание этого договора американский дипломат Э. Сиссон:

«Германия заключила русский мир с собственным подставным правительством, ложно называющимся Советом Народных Комиссаров... Германия положила на русский народ особо тяжелые условия мира как наказание за слишком честолюбивые стремления своих же наемников к власти и за то, что они надеялись хоть на короткое время не только завладеть Россией, но перехитрить своих хозяев и обратить симулированную германскую революцию в настоящую.

Но хитрость их оказалась игрушкой в руках грубой германской силы. В действительности Германия перехитрила большевиков переговорами с Украинской Радой в тот момент, когда они воображали, что обманывают Германию. Однако Германия не отказалась от большевистских главарей, признавая их дальнейшую пользу для Германской мировой кампании, направленной на внутреннюю дезорганизацию народов, с которыми она воюет. Но она ограничила их деятельность пределами замкнутой провинции, в каковую теперь превратилась Великая Россия».²⁴⁸

Во многом можно согласиться с Сиссоном, за исключением одного: он недооценивал большевиков, хотя стговор с Вильгельмом II обошелся им действительно не дешево. Россия обязывалась произвести полную демобилизацию своей армии. Иными словами, она лишалась возможности защитить свой суверенитет. Военные суда России должны были перебазироваться в русские порты и немедленно разоружиться. От страны отходили Польша, Литва, Курляндия (Латвия), Эстляндия (Эстония). В руках немцев оставались все районы, которые были к моменту подписания договора заняты германскими войсками. На Кавказе Россия, в ущерб народам Армении и Грузии, уступала Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами, причем Россия обязывалась заключить с Украинской Центральной Радой мирный договор, а также вывести свои войска из Финляндии и с Аландских островов. Правительство России обязывалось прекратить всякую агитацию против правительства суверенной Финляндии. (Здесь уместно сказать еще об одной, мягко выражаясь, неточности советской историографии, преподносящей дело так, будто Финляндия обрела государственную независимость благодаря подписанному Лениным декрету СНК от 31 (18) декабря 1917 года. Между тем выделение Великого княжества Финляндии из состава России произошло совершенно при иных обстоятельствах. После падения монархии в России в финском обществе заметно усилилось патриотическое движение, охватившее все слои населения. После октябрьского переворота в Петрограде финские боевые отряды стали разоружать российские войсковые части, дислоцированные в Финляндии. И как результат этого патриотического движения уже в ноябре

²⁴⁷ Гофман Макс. *Записки и дневники*. 1914–1918. Перевод с немецкого. – «Красная газета». Л. 1929. С. 114.

²⁴⁸ *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 18.

1917 года в Финляндии образовалось национальное правительство во главе со Свинхувудом. А 6 декабря Финляндский Сейм утвердил декларацию правительства о государственной независимости Финляндии.)

По договору военнопленные обеих сторон возвращались на родину, но Россия обязывалась уплатить большую сумму за содержание своих военнопленных. Наконец, вновь вступали в силу статьи невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 года. *«Позорный мир с Германией, сдача на милость безжалостного врага, разбил все иллюзии, – с горечью писал в апреле 1918 года журнал «За Родину». – Этот «мир» вскрыл до очевидности предательскую роль тех, кто звал к немедленному разоружению, кто скрыто и явно втоптал в грязь идею патриотизма, обороны страны, кто сумел влить яд разложения в ряды оставшихся еще на посту защитников фронта и тем самым открыл дорогу врагу».*

А вот мнение командующего германской армией на Восточном фронте генерал-фельдмаршала П. Гинденбурга:

«Нечего и говорить, что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Великороссии. Впрочем, тогда там так волновались, но я лично не верил в длительное господство террора».²⁴⁹

Мирный договор развязал руки военным ведомствам стран австро–германского блока. Приведенная ниже таблица²⁵⁰ наглядно показывает, какому грабежу подверглась Украина с начала весны и до ноября 1918 года.

«Всего вывезено для всех государств, заключивших договор:

(Германия, Австро-Венгрия, – Болгария, Турция)	113`421 тонна
Из них для Австро-Венгрии –	57`382 тонны
Из них круп и муки –	46`225 тонн

	Всего	Из них Австро-Венгрии
Масло, жир, шпик	3`329`403 кг	2`170`437 кг
Растительное масло	1`802`847 кг	977`105 кг
Сыр, творог	420`818 кг	325`103 кг
Рыба, мясные консервы, селедки	1`213`961 кг	473`561 кг
Рогатый скот	105`542 шт. (46`834`834 кг)	55`461 шт. (19`505`760 кг)
Лошади	95`976 шт. (31`625`175 кг)	40`027 шт. (13`165`725 кг)
Солонина	2`927`439 кг	1`571`569 кг
Яйца	75`200 шт.	32`433 шт.
Сахар	66`809`969 кг	24`973`443 кг
Разные продукты	27`385`095 кг	7`836`287 кг
ВСЕГО:	172`349`556 кг	61`528`220 кг
Яиц	75`200 ящ.	32`433 ящ.
ИТОГО:	30`757 ваг.	13`037 ваг.»

С подписанием Брестского договора возобновились дипломатические и консульские отношения между Россией и Германией. С этого момента действия сторон стали приобретать все

²⁴⁹ Воспоминание Гинденбурга. М.: «Мысль». 1922. С. 57.

²⁵⁰ Сведения взяты из: О. Чернин. Указ. работа. С. 275.

более открытый, тесный и энергичный характер. Так, приехав в Москву, немецкий посланник граф Мирбах, по поручению своего правительства, провел предварительную беседу с председателем ЦИК Я. Свердловым. Затем, 16 мая, он был принят главой советского правительства – Лениным, с которым он имел продолжительную беседу. В тот же день Мирбах направил канцлеру письмо, в котором изложил основное содержание беседы с Лениным.

Мирбах пишет, что Ленин верит в свою звезду и настроен оптимистически. Он признает, что система непоколебима, хотя количество нападающих, то есть противников, все более увеличивается. Говорит, что ситуация требует больших усилий, чтобы сохранить систему. Свою уверенность он основывает на том, что правящая партия является единственной, располагающей организационной силой, в то время как все остальные едины лишь в отрицании системы. В остальном же они находятся в раздоре и не имеют ничего того, что имеют большевики.

Мирбах считал, что все это более или менее отвечает действительности, но все-таки тон, с которым Ленин говорит о бессилии врагов, указывает на то, что он недооценивает противников.

Ленин признавал, что его противники находятся не только в правых партиях, но и в собственном лагере. Оппозиция в собственном доме критикует его за то, что Брест-Литовский договор, который он заключил, был ошибкой, так как Россия все больше оккупируется, и что это не принесло мира народам России. И он соглашается, что некоторые события недавнего прошлого оправдывают нападки противников. Поэтому его желание направлено на то, чтобы как можно скорее создалась ясность прежде всего в том, чтобы при нашем содействии был бы заключен мир в Гельсингфорсе и Киеве. В заключение Мирбах пишет, что Ленин не жаловался на то, что положение очень затруднительное. Он избегал показать то трудное положение, в котором продолжительное время действительно они находятся.²⁵¹

Утром следующего дня, в 10 часов 30 минут, Мирбах посылает в Берлин зашифрованную телеграмму. Вкратце обрисовав ситуацию в Петрограде и ссылаясь на общее тяжелое положение («Prekare Lage»), в котором оказались большевики (мощное антибольшевистское движение на флоте, возглавляемое моряками крейсера «Олег», выступление Преображенского полка в Сестрорецке, восстание в Сибири, руководимое атаманом Оренбургского казачьего войска Дутовым, плохая организация руководства большевиков в центре и т.д.), Мирбах ставит перед рейхс-канцлером вопрос о неотложной значительной материальной помощи Ленину.²⁵²

В сущности, в Берлине по каналам разведорганов, обосновавшихся в Петрограде и по всей России, были хорошо информированы о политической ситуации в Петрограде и вокруг него, и уже предпринимали шаги, чтобы, хотя бы на время, держать у власти вассальное большевистское правительство. Расчетливые германские политики и генералы хорошо понимали, что материальная помощь, которую они оказывали большевикам на протяжении четырех лет и которую собирались оказать им теперь, диктуется тем, чтобы воспользоваться плодами Брестского мирного договора. Материальная помощь большевикам была несравнима с теми огромными материальными затратами, которые несла Германия на Восточном фронте, не говоря уже о многочисленных людских потерях.

Судя по приведенной ниже телеграмме, материальная помощь Германии большевистскому правительству стала поступать в крупных суммах регулярно.

«Москва, 3 июня 1918...

Посланник – Министерству иностранных дел

Расшифровка № 233 на телеграмму № 161²⁵³

При сильной конкуренции со стороны Антанты ежемесячно требуется 3 000 000 марок. В случае возможного в скором времени неизбежного изменения нашей политической линии следует считаться с увеличением потребности

Мирбах».

Берлин удовлетворил просьбу Мирбаха телеграммой от 10 июня.

Не умаляя роли Мирбаха в немецко-большевистских связях после подписания Брестского договора, должен отметить, что все же не он играл первую скрипку в этих тайных связях. Повидимому, особыми полномочиями обладал советник германского посольства в Москве Тругман. Тот самый, который в 1916 году руководил специальным отделом под кодовым названием

²⁵¹ См.: Heresch Elisabeth. Nikolaus II. Fligheit, Luge und Verrat. Wien. 1992. S. 354–355.

²⁵² Там же. С. 356–357.

²⁵³ Ссылка, вероятно, неверна (A21670).

«Стокгольм», основная задача которого заключалась в поддержании контактов с группой германских агентов, занимающихся подрывной деятельностью в России (Ганецкий, Радек и другие). Зашифрованная телеграмма, отправленная Трутманом в Берлин 5 июня, о многом говорит:

«Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь ичерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок».²⁵⁴

Приведенный ниже документ показывает, как и с какой оперативностью отреагировал официальный Берлин на депешу Трутмана.

«...Берлин, 11 июня 1918
Дорогой Кульман!

В ответ на Ваше послание от 8 этого месяца, в котором Вы переслали мне записку A.S. 2562 относительно России, я готов одобрить представленное, без указания оснований, предложение об ассигновании 40 млн. марок для сомнительной цели»²⁵⁵ (выделено мной. – А.А.)²⁵⁶.

В рассматриваемый период все основные государственные, частные акционерные банки и банкирские конторы России были национализированы и находились под контролем советского правительства. Казалось, после этого потребность большевистского правительства в немецких деньгах уже должна была бы отпасть. Однако факты говорят об обратном. Напрашивается вопрос: для какой же тогда «сомнительной цели» германские власти ассигновали России 40 млн. марок? Потребовались большие усилия, чтобы разгадать и эту загадку. Она, на мой взгляд, заключалась в следующем.

После удавшегося государственного переворота в Петрограде, большевистское правительство, как известно, приступило к «триумфальному шествию» советской власти по всей территории бывшей Российской империи. А эта задача была куда более сложной, чем захват власти в центре. В сущности, это было началом гражданской войны. А добровольно участвовать в братоубийственной войне было не так уж много охотников, если не брать в расчет небольшое число формирований Красной гвардии и моряков Балтийского флота, определенное количество оболваненных большевиками рабочих и крестьян, анархистов, любителей приключений и разного рода криминальных элементов и сомнительных личностей. Вот тогда-то у гениального Ленина зародилась идея завербовать в Красную Армию, на немецкие марки, хорошо обученных и дисциплинированных австро-венгерских и немецких военнопленных. Приведенные выше и в 10-й главе факты участия немецких и австро-венгерских военнопленных в октябрьском перевороте, военно-карательных и диверсионных операциях в составе Красной Армии и ЧК в годы гражданской войны дают основания для такого вывода. А то, что россияне не желали участвовать в братоубийственной войне, подтверждается такими фактами.

Только в мае 1919 года специальными отрядами было задержано 79 036 дезертиров.²⁵⁷ В июне 1919 года под страхом «суровой кары» (то есть расстрела) сдались властям 98.183 дезертира. Всего же в 1919 году число задержанных и приведенных в регистрационные пункты составило 1 млн. 761 тысяча дезертиров и 917 тысяч уклонившихся от призыва в Красную Армию.²⁵⁸ Было над чем подумать большевистскому вождю, и выход из этого положения им был найден.

Подписанием сепаратного мира с Германией предательская деятельность Ленина и его сообщников не закончилась. Именно тогда, когда войска Антанты летом 1918 года перешли в решительное контрнаступление против немцев, когда, по признанию генерала Людендорфа, 8 августа наступил «самый черный день германской армии в мировой войне»,²⁵⁹ Ленин пошел на новые, еще более серьезные уступки Германии.

То, что Германия в середине августа оказалась в тяжелейшем военно-политическом положении, вынуждены были признать участники совещания, проходившего в отеле «Британик»

²⁵⁴ Zeman A. *Germany and the Russian Revolution*. P. 70.

²⁵⁵ Документ подписан госсекретарем Цеммерманом.

²⁵⁶ В.Э.: В интернетовской версии ничего не выделено.

²⁵⁷ Оликов С. *Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним*. М. 1926. С. 27.

²⁵⁸ Там же. С. 27–31.

²⁵⁹ Цит. по: *История дипломатии*. Т. 2. С. 359.

13 августа в бельгийском городе Спа, главари германской военщины и внешнеполитического ведомства.²⁶⁰ Это признавал и Вильгельм II. Более того, он предложил начать мирные переговоры с Антантой через Нидерландскую королеву.²⁶¹ И тем не менее 27 августа 1918 года в Берлине был подписан русско-германский дополнительный договор, который строго устанавливал восточные границы Эстляндии и Лифляндии. Россия обязывалась «отступить от верховной власти над этими областями», но должна была заключить торговое соглашение с Прибалтийскими странами. Россия предоставляла Германии четвертую часть всей добытой в Баку нефти и всех нефтяных продуктов. За Германией сохранялась оккупация Донецкого угольного бассейна. По дополнительному финансовому соглашению Советская Россия обязывалась уплатить Германии 6 млрд. марок в шесть приемов. Причем первый взнос в 1,5 миллиарда (из них – 245`564 килограмма золота и 545 миллионов кредитными билетами) – немедленно. Второй взнос – к 10 сентября, примерно в той же пропорции, четыре взноса (30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г.), каждый – по 50`676 килограммов золота и по 113 с лишним миллионов рублей кредитными билетами. Один миллиард марок погашался доставкой русских товаров в период между 15 ноября 1918 года и 31 марта 1920 года. Два с половиной миллиарда погашались билетами особого 6-процентного займа, который обеспечивался государственными доходами, особенно арендной платой за концессии, данные немцам. Погашение последнего миллиарда марок должно было определяться особым соглашением.²⁶²

Русско-германский дополнительный договор стал исправно выполняться. Так, в Отчете по золотому фонду за 1918 год указано, что «платеж Советской России Германии по Брестскому мирному договору составил 124`835`549 рублей 50 копеек золотом».²⁶³

Обо всем этом договаривались тогда, когда Россия уже лежала «во мгле», а ее народ голодал. Но что было Ленину до реальных людей! Ослепленный идеей «всеобщего братства» и «мировой революции», он оптом и в розницу продавал интересы страны ради сохранения своей власти. О том, что Ленин стал вассалом германского правительства, говорит и такой факт. 25 июня 1918 года Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждалась нота германского посла В. Мирбаха по поводу затруднений получения депозитов из российских банков немецкими вкладчиками. СНК выносит постановление, снимающее всякие препятствия по выдаче немцам принадлежащих им денег и ценностей из банков России.

Не менее чудовищны и другие факты, свидетельствующие о том, как Ленин хладнокровно предавал интересы России. В конце мая 1918 года Ленин получил телеграмму от выксунских²⁶⁴ «товарищей», в которой те сообщали, что они «едут на пароходах со своими отрядами и пулеметами добывать хлеб силой».²⁶⁵ В ответной телеграмме выксунским грабителям Ленин пишет, что их действия он воспринимает как «превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом», и подчеркнул при этом, что они поступают «как истинные революционеры» и что эти действия якобы необходимы «для общего дела спасения от голода всех голодающих».²⁶⁶

Наивные выксунцы и не подозревали, ради кого они силой отбирают хлеб у своих соотечественников-хлеборобов.

Между тем телеграмма Ленина комиссару железнодорожной станции Орша²⁶⁷ Д.Е. Иващенко от 4 июля 1918 года проливает свет на эту подлую и мерзкую историю с хлебом. Она ясно показывает, кому предназначался русский хлеб:

«Благодарю за пропуск 36 вагонов в Германию: это для наших бедствующих военнопленных (?). Прошу опровергать все гнусные клеветы и помнить, что мы должны помогать нашим военнопленным изо всех сил».²⁶⁸

И это не всё.

²⁶⁰ Там же. С. 359–360.

²⁶¹ Там же. С. 360.

²⁶² Там же. Л. 363.

²⁶³ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 45.

²⁶⁴ Выкса – город в Нижегородской губернии (области).

²⁶⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 431.

²⁶⁶ Там же. С. 86.

²⁶⁷ Станция на демаркационной линии.

²⁶⁸ Там же С. 112.

22 июня 1918 года советское правительство в ответ на требование генерала Гофмана приняло решение о перевозке на судах Новороссийской транспортной флотилии 20 000 германских и австрийских военнопленных в Констанцу.²⁶⁹ И это далеко не единственный факт. Согласно договору между так называемым советом солдатских депутатов 1-го германского армейского корпуса, находящегося в русском плену, с одной стороны, и Временным Рабоче-Крестьянским правительством Украины и Советом Народных комиссаров РСФСР, с другой стороны, немецкий армейский корпус был пропущен через территорию России и Украины в Германию.²⁷⁰

И еще один сюжет из деятельности Российского *Робеспьера*. В дни, когда Германия под ударами войск Антанты готова была признать полную капитуляцию, Ленин принимает сенсационное решение: 19 октября 1918 года он подписывает декрет СНК, предоставляющий немцам Поволжья автономию с большевистским названием «*Трудовая коммуна немцев Поволжья*». Заметим, что в то время ни одна из многочисленных коренных наций и народностей России не имела своей автономии. Но, судя по всему, это не беспокоило большевистского вожда: пришедший к власти ренегат исправно исполнял обязательства, данные им его покровителям, сполна расплачиваясь за российский трон.

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку, поскольку предельно ясно, что главный идеолог большевизма, Владимир Ильич Ульянов (Ленин), был предателем Родины, тесно связанным с немецкими властями.

Однако, на мой взгляд, с профессиональной точки зрения было бы неправильно и даже безответственно оставлять без рассмотрения еще два пакета уникальных источников, способных пролить дополнительный яркий свет на преступную деятельность Ленина и его единомышленников.

Речь идет о документальных материалах, раскрывающих связи большевиков во главе с Лениным с агентом германских спецслужб Карлом Моором.

Коммунистические биографы дают о Мооре весьма ограниченную и обтекаемую информацию:

«Моор (Moog), Карл (род. в 1853 г.) – немецкий социал-демократ. В годы мировой империалистической войны оказывал содействие политическим эмигрантам в Швейцарии. В 1917 году находился в Стокгольме. После Октябрьской революции жил в Москве»²⁷¹.

Эти сведения не только скупы, но и не точны. Между тем составители этой справки, на мой взгляд, сознательно опустили многие важные, документально подтвержденные факты. Почему? Думается, что ответ на вопрос найдем после рассмотрения всех документальных материалов, касающихся взаимоотношений Ленина и его ближайших соратников с так называемым «немецким социал-демократом» Карлом Моором.

Владимир Ульянов и Карл Моор впервые познакомились на конгрессе II Интернационала, который проходил 15–21 августа 1910 года в Копенгагене. Имя Моора неоднократно упоминается в переписке Ленина со Шкловским.²⁷² Осенью 1913-го и весной 1914 года Ленин имел встречу с Моором во время Циммервальдской (Швейцария) конференции, проходившей 5–8 сентября 1915 года. Еще ранее, в начале 1915-го, Моор выступал в роли «адвоката» Ленина перед полицейскими властями города Берна по поводу его проживания в швейцарской столице. Кстати, с ходатайством о проживании в Берне Инессы Федоровны Арманд, близкого друга Ленина, Моор также обращался в полицейское управление. Моор оказывал Ленину и другие услуги, связанные с житейскими проблемами. Подозрительно легко Моор справлялся с ними. Повидимому, в это время²⁷³ Моор уже был германским секретным агентом, приставленным к Ленину и ближайшему его кругу соратников-большевиков, также связанных с немцами.

Судя по сохранившимся источникам, прямые и косвенные контакты Ленина с Моором продолжались и в последующие годы. Так, в письме Шкловскому, посланном Лениным из

²⁶⁹ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3834.

²⁷⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3103.

²⁷¹ Ленин В.И. ПСС, Т. 50. С. 547 (см. также: Т. 49. С. 652).

²⁷² Шкловский Г.Л. (1857–1937) – член РСДРП с 1898 г., большевик, с 1909 г. жил в Швейцарии. После Февральской демократической революции вернулся в Россию. До 1925 г. был на дипломатической работе, затем перешел на издательскую деятельность.

²⁷³ После переезда Ленина из Поронино в Швейцарию.

Флюмса (Швейцария) в Берн 6 августа 1916 года, в частности, говорится: *«Дорогой Г.А.! ...Добыли ли от Моора печатный экземпляр «бумаги» по делу Ц²⁷⁴? Это необходимо. Не забудьте! Надо добыть во что бы то ни стало, а то потеряет, мерзавец!»*²⁷⁵ В этот же день²⁷⁶ Ленин пишет еще одно письмо Шкловскому:

«Дорогой Г.А.! Вы забыли мне ответить по одному пункту, именно насчет печатного документа, который мы с Вами снесли – помните? – адвокату²⁷⁷ для Моора. Надо во что бы то ни стало вытребовать этот документ назад. Не забывайте, пожалуйста, навещать иногда этого адвоката и «ловить» иногда Моора, чтобы вытянуть сей документ».²⁷⁸

Рассмотренные выше документы, свидетельствующие о связях Ленина с Моором, это, так сказать, всего лишь «вершки», прелюдии к сенсациям. К их рассмотрению мы и приступим.

Как уже известно, группа политических эмигрантов во главе с Лениным при содействии немецких властей 27 марта (9 апреля) выезжает из Швейцарии и 31 марта (13 апреля) 1917 года прибывает в Стокгольм. А в это время Моор уже в Стокгольме. С какой целью, без особых хлопот, он приехал в Стокгольм? Находясь в Швеции с весны 17-го года, Моор доносил германскому посланнику в Берне Ромбергу о прибытии русских эмигрантов в Стокгольм и об их отъезде в Россию. Телеграммы такого же характера поступали и в отдел политики Генерального штаба Германии. Карл Радек, хорошо знавший Моора еще с 1905 года, в своей статье в «Известиях» в июне 1932-го, посвященной смерти последнего²⁷⁹, в частности, писал: *«Немедленно после февральской революции он (Моор. – А.А.) переехал в Стокгольм, где оказывал помощь заграничному представительству большевиков»*²⁸⁰. С Моором там встречались, кроме Радека, также Боровский, Ганецкий, Семашко и другие. Получая от Моора деньги, они, конечно, догадывались, точнее знали, кто в действительности их субсидирует, но не в их интересах было распространяться на этот счет. Напротив, большевистские идеологи всячески старались скрыть, замаскировать этот факт. Так, составители XIII тома ленинского сборника (вышел в 1930 г.) в примечании, касающемся личности Карла Моора, пишут, что *«швейцарский»*²⁸¹ *социалист намеревался передать большевикам некоторую сумму денег»; в заседании от 24 сентября 1917 года ЦК РСДРП якобы отклонил это предложение «ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств»*.²⁸² Это же заведомая ложь! Впрочем, давайте все по порядку.

После окончания второй мировой войны из материалов МИД Германии стало известно, что Карл Моор под кличкой «Байер» являлся платным секретным агентом генеральных штабов кайзеровской Германии и Австро-Венгерской империи и что через него большевики также получали денежные субсидии.

Известно, что после провала июльского (1917) путча, Ленин вынужден был срочно скрыться. Находясь в Гельсингфорсе, он 17 августа, как уже известно, отправляет письмо в Стокгольм заграничному бюро ЦК. Предупредив Ганецкого о том, чтобы тот заметал следы «немецких денег», Ленин хитроумно пишет и о Мооре:

«...Не помню (?), кто-то передавал, кажись, что в Стокгольме, после Гримма и независимо от него, появился Моор... Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы, принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т.е. не быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т.п.»²⁸³ *(выделено мной. – А.А.)*.

²⁷⁴ Возможно, речь идет о каком-то документе по Циммервальдской конференции.

²⁷⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 275.

²⁷⁶ Очевидно, получив от Шкловского письмо.

²⁷⁷ Речь идет об адвокате Цграгене.

²⁷⁸ Там же. С. 276.

²⁷⁹ К. Моор умер в Берлине 14 июня 1932 года.

²⁸⁰ «Известия». 1932 г. 15 июня.

²⁸¹ Тут уже «швейцарский», а не «немецкий» социалист.

²⁸² *Ленинский сборник*. Т. XIII. М. 1930. С. 281–282.

²⁸³ Там же. С. 276.

Вот как встревожен был Ленин появлением на горизонте К. Моора.

Это письмо со всей ясностью и определенностью говорит о том, что Ленин знал всю подноготную Моора и страшно был напуган тем, что вслед за Парвусом, Ганецким, Козловским и другими, разоблаченными русской контрразведкой как агенты германской разведки, как бы не высветилось в печати имя Моора – также платного немецкого агента, выполняющего роль посредника в оказании денежной помощи большевикам. Об этом свидетельствует такой факт.

Возвратившись из Швейцарии в Россию в конце июня 1917 года наивный Шкловский предупреждает Ленина о том, что К. Моор – немецкий агент. Ниже читатель убедится в том, что Шкловский действительно предупреждал Ленина.

После прихода большевиков к власти, немецкая агентура свободно стала разгуливать по России, выполняя различные задания своего правительства. Оказавшись в зависимости от немецких властей и опасаясь шантажа за связь с ними в период подготовки и осуществления государственного переворота, большевистские лидеры не чинили немецким агентам препятствий. Напротив, оказывали им различные услуги, беспрекословно выполняли их требования. В свою очередь, большевистское правительство продолжало получать материальную помощь от немецких властей.

Как же чувствовал себя К. Моор, приехавший в Россию вскоре после октябрьского переворота? Бывал он в Петрограде, а после переезда советского правительства в Москву он тоже переселяется туда и даже встречается с Лениным. Прикрывшись мандатом социал-демократа, Моор беспрепятственно вел агентурную деятельность. Моор предпринимает и дерзкие шаги: в начале декабря 1918 года обращается к Ленину с просьбой освободить из-под ареста Пальчинского.²⁸⁴

Как же отреагировал Ленин на «просьбу» Моора по поводу освобождения П.И. Пальчинского, которого до октября 1917 года он называл: «*слуга капиталистов*», «*саботажник*», «*казнокрад*» и грозился после прихода пролетариата к власти отдать его «*на суд народа*».²⁸⁵

3 декабря 1918 года Ленин отправляет циничную и лицемерную телеграмму в Петроград Зиновьеву, а копию – председателю петроградского отдела ВЧК:

«Тов. Зиновьев!

Тов. Карл Моор, швейцарец,²⁸⁶ прислал мне длинное письмо с просьбой освободить *Пальчинского*, ибо он-де крупная техническая и организационная сила, автор многих трудов и т.п. Я слышал и читал о Пальчинском как спекуляторе и пр. *во времена Керенского*.

Но я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? Серьезные? Почему не применен к нему закон об амнистии?

Если он ученый, писатель, нельзя ли ему – в случае наличия серьезных улик против него – предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т. п.).

Прошу мне ответить *письменно и немедленно*» 639.²⁸⁷

Из этой телеграммы нетрудно понять, что Ленин, в сущности, дает санкцию на освобождение Пальчинского, тем самым беспрекословно выполняет требование Моора.

Выполнив ряд заданий своих хозяев, так называемый швейцарец К. Моор на время покидает Россию и едет в Берлин, очевидно, для доклада о проделанной работе.

С провозглашением России в 1990 году независимым суверенным государством и особенно после провала августовского (1991) коммунистического путча, в демократической печати стали появляться статьи, в которых большевики во главе с их признанным вождем Лениным на документальных материалах разоблачаются в связях с германскими спецслужбами, доказывається, что июльский (1917) контрреволюционный путч и октябрьский государственный переворот были осуществлены на немецкие деньги и с помощью германских разведывательных органов. Особую реакцию и переполох вызвали у адептов коммунистической идеологии статьи,

²⁸⁴ Пальчинский П.И. (расстрелян сталинскими палачами в 1930 г.) – инженер, организатор синдиката «Продуголь». После Февральской революции 1917 г. – товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Во время октябрьского переворота был начальником обороны Зимнего дворца.

²⁸⁵ См.: Ленин В.И. ПСС. ТТ. 32, 34, 50.

²⁸⁶ Выше было указано, что «Моор... – немецкий социал-демократ».

²⁸⁷ Там же. Т. 50. С. 214–215.

опубликованные в журнале «Столица».²⁸⁸ В печати, по радио и телевидению ученые мужи большевистского пошиба безуспешно пытались опровергнуть факты, обличающие большевиков в измене родине и в преступлениях перед народами России. Известные усилия в этом направлении предпринимал и экс-президент СССР М.С. Горбачев. Убедившись в бесплодности предпринятых мероприятий, они избрали новую тактику, которая, по их мнению, должна была реанимировать авторитет «пролетарского вождя» и его партии.

Вся эта – белыми нитками шитая – новая тактика заключалась в том, что ее разработчики уже не отрицают получения большевиками денег от немцев, но лишь с той разницей, что в качестве основного и единственного поставщика крупных денежных субсидий выступает теперь не германский банк, а «безобидный» и «ничем не скомпрометировавший себя», сочувствующий большевикам, то ли австрийский, то ли немецкий социал-демократ Карл Моор.

Так, бывший работник ИМЛ при ЦК КПСС, печально известный историк В.Т. Логинов в своей статье, опубликованной в сборнике в 1991 году под названием «Ленин, о котором спорят сегодня», пишет:

«Существует несколько документов, которые все эти годы порождали у «разоблачителей» определенные надежды. И опубликованы они были не за рубежом, а у нас в стране. В 1923 году их напечатал журнал «Пролетарская революция». Это были письма Ленина Я. Ганецкому, перехваченные русской контрразведкой, на основании которых летом 1917 года и было сфабриковано «дело» по обвинению Ленина в шпионаже в пользу Германии. В письмах шла речь о денежных переводах, направлявшихся из Стокгольма в Петроград. Откуда и чьи это деньги? Архивные документы позволяют сегодня раскрыть и этот источник финансирования большевистской партии. Он связан с именем Карла Моора – старейшего швейцарского социал-демократа. Незадолго до 1917 года Моор получил большое наследство²⁸⁹ и кредитовал многих социал-демократов. С ним-то и была достигнута договоренность о крупном денежном займе большевикам. Сколько получили? В январе 1926-го после того, как специальная комиссия установила полную сумму долга за 1917–1918 годы, ему было возвращено 38.430 долларов (около 200 тысяч швейцарских франков по тогдашнему курсу)».²⁹⁰

Напрашивается вопрос: знал ли Логинов о решении ЦК РСДРП от 24 сентября 1917 года, рассмотренном выше, «Сводке Российской контрразведки» от октября 1917 года и о письме Шкловского Ленину от 16 сентября 1921 года, когда сочинял эти строки?

Думается, нет надобности еще раз возвращаться к сюжету о получении Лениным денег от немцев с апреля по октябрь 1917 года и даже в 1918 году и позже, поскольку, как заметил читатель, он обстоятельно был рассмотрен выше. А вот о Мооре, так называемом «швейцарском социал-демократе», продолжим разговор, чтобы не осталось и тени сомнения в том, что наш незадачливый горе-ученый своей новой версией вновь попал, мягко выражаясь, впросак.

В 40-м томе ленинского сборника, опубликованном в 1985 году, его составители поместили весьма интересный источник. Это сопроводительная к письму Шкловского записка Ленина заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту. Вот ее содержание:

«29.IX.1921 г. т. Уншлихт! Автор письма тов. Шкловский, лично мне известный по загранице до революции 1917 (и с 1905 г.) большевик; за добросовестность его я вполне ручаюсь. Прошу Вас прочесть его письмо и принять к сведению; м.б. дадите моему уполномоченному в Риге соответствующий **приказ**. Письмо прошу, вместе с письмом Шкловского, послать по прочтении **СЕКРЕТНО** т. Молотову для ознакомления всех членов П-Бюро.

С К(оммунистическим) пр(иветом) Ленин»²⁹¹ (выделено мной. – А.А.).

Самого письма Шкловского в ленинском сборнике нет, но есть комментарий составителей к слову «*приказ*»: «Речь идет об использовании Г.Л. Шкловского на дипломатической работе в Германии».²⁹² Наглая ложь! Вымысел!

²⁸⁸ См.: Арутюнов А. «Был ли Ленин агентом германского Генштаба?» – «Столица». 1991. № 1(7); его же: «Родимое пятно большевизма». «Столица» 1991. № 4(10). и др.

²⁸⁹ Из западных источников информации выясняется, что Моор действительно получил небольшое наследство, но это было еще в 1908 году, и он его давно прокутил.

²⁹⁰ Ленин, о котором спорят сегодня. М.: Политиздат. 1991. С. 103–104.

²⁹¹ Ленинский сборник. Т. 40. М. 1985. С. 91.

²⁹² Там же. С. 92.

С таким вымыслом невозможно мириться, и вот почему. Дело в том, что в рассматриваемый период Шкловский уже был на дипломатической работе и находился в это время в Берлине. Во-вторых, любому понятно, что вопросом трудоустройства на дипломатическую работу занимался во всяком случае не уполномоченный ВЧК в Риге, которому надо было дать «приказ». И последнее. Несерьезно допустить мысль, что с решением об использовании того или иного человека на дипработе необходимо было *секретно* ознакомить всех членов Политбюро. Все это было выдумано сотрудниками ИМЛ.

Вся эта ложь и фальсификация понадобились для того, чтобы скрыть письмо Шкловского, не придать его гласности, и тем самым спасти партийную верхушку во главе с Лениным от разоблачения в связях с немецкими разведорганами, от которых поступали в партийную кассу крупные денежные субсидии.

Между тем письмо Шкловского в числе многих других находилось в «секретном» фонде Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. И оно, как мина, всплыло на поверхность. Этому документу цены нет!

Предоставим возможность читателю ознакомиться с содержанием письма Шкловского – этого наивного человека, друга Ленина.

«Берлин 16/IX-1921
Дорогой Владимир Ильич!

Пишу Вам впервые из Берлина и по следующему поводу. Я встретил здесь Моора. Вы, вероятно, помните, что я считал его немецким агентом и протестовал против его поездок в Россию, чем навлек на себя гнев т. Радека. Мои дальнейшие наблюдения за ним меня в роде деятельности Моора ничуть не разубеждали.

Сейчас он приехал к нам с каким-то швейцарско-итальянским спекулянтом, который хочет делать какие-то дела с Россией. Об этих делах он беседовал со Стомоняковым,²⁹³ и их касаться не буду. Коснусь другой стороны дела. Моор рассказал мне, что во Франции готовится новая интервенция большого масштаба. Подготавливается новая врангелевская армия. Дальнейшие мои вопросы привели меня к его спекулянту. Я два раза «ужинал» с ними и вынес убеждение, что они знают, о чем говорят, и что это дело серьезное... Спекулянт, по-видимому (и он, и Моор предпочитают об этом умалчивать), совмещал в свое время военные поставки со шпионажем. Торговые связи у него большие, не малы они, вероятно, и по части шпионажа. Спекулянт «друг» Советской России (враг Франции за ее политику по отношению к Италии) хочет вести дела с Россией и помогать ей чем может... Его «друг» живет во Франции, принят в военных кругах, пользуется доверием врангелевцев, желает за хороший, очевидно, гонорар работать для России. И Моор, и спекулянт едут в Ригу с тем, чтобы оттуда переправиться в Россию.

Мое мнение, что ни того, ни другого в Россию пустить не следует, но что сведения у них серьезные и, быть может, кой-какой нашей организации их услугами воспользоваться интересно будет.

Во всяком случае, и это главное, на что я хочу обратить Ваше внимание, что на основании моих разговоров с этими господами я почти уверен, что новая интервенция врангелевцев в широком масштабе во Франции готовится. О своих делах распространяться не буду. Плохо, это все, что могу Вам сказать.

Всего хорошего. Привет и наилучшие пожелания Вам и Н(адежде) К(онстантиновне) от семьи.

Ваш Г.Л. Шкловский.

Мой адрес: Берлин. Торговое представительство²⁹⁴ (выделено мной. – А.А.)²⁹⁵.

Ознакомившись с письмом Шкловского и выполнив указание Ленина о посылке его письма и письма Шкловского Молотову, Уншлихт 3 октября 1921 года извещает Ленина об исполнении указания.

²⁹³ Стомоняков Б.С. (1882–1941) – член РСДРП с 1902 г., большевик. С 1904 г. жил за границей. Поставлял оружие в Россию. В мировую войну служил в болгарской армии. С 1917 г. – член Болгарского посольства в Голландии. После октябрьского переворота переехал в Петроград. Выполнял ряд ответственных дипломатических функций советского правительства. С 1920-го по 1926 год являлся торговым уполномоченным Советской России в Берлине. С 1934-го по 1938 год – заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

²⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 911. Л. 1–3.

²⁹⁵ В.Э.: В интернетовской версии ничего не выделено.

Однако, просмотрев другие неопубликованные документы из того же партийного архива и проанализировав последующие события, прихожу к твердому убеждению, что между Лениным и Уншлихтом кроме переписки состоялся еще и устный разговор тет-а-тет.

Трудно сказать, в какой форме и под каким предлогом это было сделано, но то, что Ленин дал устное указание Уншлихту не препятствовать въезду Моора в Россию, это неоспоримый факт. Доказательством сказанному – приезд Моора в Россию. Следует отметить, что Моор вполне мог приехать из Берлина в Москву, минуя Ригу. Но он этого не сделал. Почему? С уверенностью можно сказать, что намеревался встретиться и переговорить с Ганецким, который в то время²⁹⁶ находился в Риге, исполняя обязанности полпреда и торгпреда России в Латвии. А в Москве Моор умудряется встретиться с Лениным.

К началу декабря, видимо, закончив свои дела в России, Моор собирается уехать из Москвы, но ему очень хочется повидаться с Лениным. 2 декабря 1921 года Моор из гостиницы «Савой» отправляет Ленину небольшую записку на немецком языке. Эта записка также находилась в «секретном» фонде упомянутого выше партархива. Вот ее содержание.

«Дорогой товарищ Ленин.

Я должен скоро уехать, не могу ли я до отъезда зайти к Вам на 1/4 часа? Было бы тяжело и грустно мне в мои 68 лет уехать из Москвы, не повидавшись еще раз с Владимиром Ильичем.

Дружеский привет. Карл Моор».²⁹⁷

Получив записку от «мерзавца» Моора, Ленин 6 декабря пишет ответ. Биографы сообщают, что письмо Ленина не разыскано.²⁹⁸ Однако по письму Ленина Моору остались следы:

«В ЦПА И МЛ хранится конверт за № 1183/418 в с надписью В.И. Ленина: «тов. Карлу Моору. Гост. «Савой», № 226 (от Ленина). Genossen Karl Moog, а также записка К. Моора В.И. Ленину от 2 декабря 1921 года с надписью В.И. Ленина: «Отвеч. 6/XII, в архив». В журн. исх. док. за № 1183 имеется запись: «Карлу Моору (запечат. конв.)»²⁹⁹.

Однако этими документами и материалами не исчерпывается дело о взаимоотношениях большевистских вождей и лидеров с немецким тайным агентом К. Моором. В «секретном фонде» имеется еще один уникальный по своему характеру документ, на котором сохранились «отпечатки пальцев» аж пяти (!) большевистских вождей: Ленина, Сталина, Зиновьева, Молотова и Ганецкого. Сочинил его Я. Ганецкий. Адресовано оно Молотову.

Нетрудно понять Ганецкого, посредника между немцами и большевистским вождем, обеспокоенного частыми наездами Моора в Москву и, очевидно, шантажировавшего его. Письмо Ганецкого – откровенное признание в переживании за связь с Моором и вместе с тем предложение покончить раз и навсегда с этим «социал-демократом» и заодно со скандальной историей с «немецкими деньгами»:

«Москва, 10 мая 1922 г. В Центральный Комитет тов. Молотову.

Уважаемый товарищ.

До сих пор я не получил от Вас указаний, что сделать с привезенными из Риги 83.513 датских крон. Если возражений нет, я просил бы поручить кассиру (*Финансового отдела*. – А.А.) ЦК взять их у меня.

Однако напоминаю, что несколько раз было принято, быть может, устное постановление возвратить деньги Моору. Указанные деньги фактически являются остатком полученных сумм от Моора. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него.

Жду от Вас срочных указаний. С коммунистическим приветом Ганецкий».

В нижней части письма сделана приписка, адресованная лично Ленину:

«Владимир Ильич. Н.П. Горбунов сообщил мне, что Вы были за то, чтобы Моору возвратить деньги. Во всяком случае необходимо со стариком покончить».

²⁹⁶ В 1920–1921 годах.

²⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 22404.

²⁹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 34.

²⁹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 524.

Ганецкий» 649.³⁰⁰

Ленин читал это письмо и, более того, сделал на его лицевой стороне сверху замечание: «См. оборот. Ленин».³⁰¹

На обороте письма Ленин собственноручно пишет Сталину:

«т. Сталин.

Я смутно припоминаю, что в решении этого вопроса я участвовал. Но как и что, забыл. Знаю, что участвовал и Зиновьев. Прошу не решать без точной и подробной справки. Дабы не ошибиться и обязательно спросить Зиновьева.

10.V. Ленин»³⁰².

Нетрудно заметить, что Ленин лукавит и умывает руки. С письмом ознакомился первый генсек большевистской партии И. Сталин. И, по-видимому, он потребовал от Зиновьева объяснений по этому поводу. А тот в свою очередь, высказал свои соображения:

«т. Сталину.

По-моему, деньги (сумма большая) надо отдать в Коминтерн. Моор все равно пропьёт их. Я сговорился с Ганецким не решать до приезда Радека.

20.V.1922 г. Зиновьев».³⁰³

Запись, сделанная Зиновьевым, показывает, что К. Радек, как и Я. Ганецкий, прямо причастен к передаче немецких денег большевикам. Это однозначно.

Итак, как бы ни выкручивался Ленин, что «никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали», все же факты, обличающие его во лжи, всплыли на поверхность.

Общий вывод: группа большевиков – предателей Родины из высшего партийного эшелона во главе с Лениным, преследуя свои корыстные цели, выражающиеся в намерении узурпировать государственную власть в России, преднамеренно пошла на тайный сговор с германским Генштабом и, получая от него крупные субсидии, вела подрывную деятельность в пользу Германии, всеми средствами стремилась подорвать доверие народа к Временному правительству. Своей агитацией, подстрекательством, наконец, подкупом рабочих, солдат и матросов большевики разлагали и дезорганизовывали фронт и тыл, ослабляли военную и экономическую мощь страны, призывали к «перерастанию войны империалистической в гражданскую» и тем самым расчищали себе путь к власти.

* * *

В связи с исследованием вопроса о связях большевиков с немецкой разведкой особый интерес вызывают загадочные массовые поджоги и уничтожение архивов, которые имели место в России после октябрьского переворота. Оснований для такого сопоставления более чем достаточно. Особого внимания заслуживает история поджога архива в Рыбинске. А история эта такова. В сентябре 1917 года началось немецкое наступление на Балтийском море и на Северном фронте. Учитывая возможность захвата Петрограда неприятельскими войсками, Временное правительство заблаговременно распорядилось эвакуировать особо важные государственные архивные материалы в г. Рыбинск. Ценой больших усилий столицу отстояли. А вот уберечь ценные архивы не удалось. В декабре 1917 года в результате поджога полностью сгорели архивные фонды, перевезенные из Петрограда.³⁰⁴ Нет сомнения в том, что это была заранее спланированная акция. Следует отметить, что сгорели в основном архивные материалы Полицейского и Жандармского управлений. Совершенно очевидно, что кто-то был заинтересован в уничтожении именно этих документов.

Чрезвычайное происшествие в Рыбинске не носило частный характер. По мнению авторитетных архивных работников, начавшееся после октября 1917 года истребление «архивных материалов... приняло массовый характер».³⁰⁵ В этом не трудно убедиться. Так, поджогу и разгрому подверглись архивные фонды в Нижнем Новгороде, хранившиеся в Кремлевских

³⁰⁰ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25064. Л. 1.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же. Л. 1 об.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ «Архивное дело». 1925. Вып. 2. С. 144.

³⁰⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 840. Л. 27.

башнях: «Белая³⁰⁶ горела 14 раз, Алексеевская – 9, Тайнинская – 4, Георгиевская – 4».³⁰⁷ Подобные акты вандализма повторялись в Нижегородской губернии в 1918, 1919 и в 1920 годах, причем эти варварские преступные деяния осуществлялись, как выясняется, «исключительно красноармейцами»,³⁰⁸ «под руководством начальника артиллерийского училища».³⁰⁹ Несомненно, красный командир действовал по указанию сверху. Очевидно, замечались следы темных дел.

Поджигали архивы и в Твери: там полностью были уничтожены документы Полицейского и большая часть Жандармского управлений.³¹⁰ Уничтожены и расхищены архивные материалы Жандармского управления в Коломенском уезде,³¹¹ Костромской губернии³¹² и в других регионах. На прошедшем в 1925 году Первом съезде архивных деятелей РСФСР называлось множество фактов поджогов, уничтожения и расхищения архивов. Установлено, что архивные фонды пропадали как в Центре, так и на местах.³¹³ С началом НЭПа архивные материалы превращались в товар и реализовывались на рынке. Только «из архива Московской книжной палаты в 1922 году было продано 10 000 пудов архивных материалов».³¹⁴ По свидетельству заведующего архивным бюро Тверской губернии, «архивные материалы за 1917–1918 годы о существовании власти на местах в большей части похищены и уничтожены».³¹⁵

Уничтожались архивные документы, имеющие историческое и научно-познавательное значение. Так, в соответствии с циркуляром Главархива от 12 сентября 1919 года с сентября по декабрь 1919 года на переработку из Лефортовского архива³¹⁶ в Главбумпром были отправлены около 220 тонн ценнейших документов по истории русской армии конца XVIII – начала XX веков, в их числе:

месячные донесения войсковых частей начиная с 1793 года – 4000 пудов;
дела Комиссариатского и Правиянтского департаментов с 1811 по 1865 год – 2000

пудов;

дела Отдельного гренадерского корпуса с 1816 по 1865 год – 400 пудов;
дела штаба Отдельного корпуса внутренней стражи с 1816 по 1865 год – 800 пудов;
дела по рекрутским наборам с 1828 по 1865 год – 1500 пудов;
формулярные списки офицеров русской армии с 1849 по 1900 год – 4500 пудов;
именные списки генералов и старших офицеров с 1880 по 1913 год – 2000 пудов;
дела русско-турецкой войны 1877–1878 годов – 2500 пудов;
дела русско-японской войны 1904–1905 годов – 2000 пудов...³¹⁷

Всего же в данном архиве в 1919–1931 годах было уничтожено и сдано на переработку около 85 тысяч пудов (1360 тонн) различных документов.³¹⁸

Должен отметить, что большевистское правительство занималось не только уничтожением архивных документов. Архивы страны были взяты под строгий контроль. Особое внимание уделялось подбору кадров для работы в архивных учреждениях. Так, в отчете о своей поездке в Ленинград в июле 1924 года В.В. Адоратский, в частности, писал: «...Вообще мною была дана директива набирать (в архивные учреждения. – А.А.) только коммунистов. Беспартийных набирать лишь в виде исключения, когда имеются солидные рекомендации и никаких сомнений нет, что этот человек близкий нам».³¹⁹

Как видим, делалось всё для того, чтобы не всплыли на поверхность документы, дискредитирующие партию большевиков, особенно ее лидеров.

Особый интерес и тревогу у вождей большевиков вызывали многочисленные документы и материалы, относящиеся к социал-демократическому движению, истории большевизма и биогра-

³⁰⁶ Название башни.

³⁰⁷ Там же. Д. 346. Л. 3.

³⁰⁸ Там же. Д. 841. Л. 1.

³⁰⁹ «Архивное дело». 1923. Вып. I. С. 96.

³¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 536. Л. 209 об. – 210.

³¹¹ ЦГАОР. ф. 5325. Оп. 9. Д. 606. Л. 12.

³¹² Там же. Д. 343. Л. 3.

³¹³ Там же. Д. 841. Л. 8.

³¹⁴ Там же. Д. 840. Л. 26–28.

³¹⁵ Там же. Д. 839. Л. 4.

³¹⁶ Ныне Российский Государственный Военно-исторический архив.

³¹⁷ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1000.

³¹⁸ См.: Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. *Красные конкистадоры*. М.: «Соратник». 1994. С. 255.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. Р. 5325. Оп. 1. Д. 62. Л. 45–47.

фии Ленина, которые находились за границей. Их особенно волновали берлинский архив российских социал-демократов, парижский архив зарубежной политической агентуры бывшего Департамента полиции, архивы Краковского воеводства и Чехословакии, а также частные собрания документов и материалов общественно-политического и революционного характера. Эти документы и материалы находились, в основном, в Англии, Австрии, Германии, Франции, Швеции, Швейцарии, Польше, Чехословакии.

Для их поиска и покупки начиная с 1923 года в заграничные командировки были направлены опытные агенты Политбюро, Коминтерна и Института партии ЦК РКП(б). Среди них: Н.С. Ангарский (Клестов), В.А. Бухгольц, Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг), Миллер Р. и другие. С некоторыми агентами были заключены договоры. В частности, с Ангарским Истпарт заключил договор на предмет «собрания и покупку за рубежом материалов для биографии В.И. Ленина».³²⁰ Денег на приобретение документов и материалов не жалели. Например, телеграфом в Берлин Ангарскому в первый раз было переведено 22 000 долларов.³²¹ Однако исполнителям этих заданий было ясно, что большевистских лидеров интересуют больше те документы, которые со временем могли всплыть на поверхность и бросить тень на «доброе» имя вождя. Не случайно вся переписка с агентами и со всеми партийными организациями на эту тему осуществлялась секретно. Организовав это мероприятие, власти позаботились, чтобы не произошла утечка информации о содержании получаемых из зарубежных стран ящиков с документами. С этой целью власти дали руководителям таможи указание, чтобы поступающие в адрес Института В.И. Ленина грузы отпускались без таможенного досмотра.³²² А поступали в Москву десятки ящиков. И тем не менее в целях соблюдения секретности проводимых мероприятий, особо важные документы отправлялись в Россию дипломатической почтой.³²³

Должен отметить, что работа агентов за рубежом проходила небезуспешно, хотя приходилось много ездить и налаживать деловые контакты с разными людьми, включая и с лицами из криминальной среды. С миссией искателя Миллер побывал в Германии, Австрии, Швеции, Дании и приобрел там ряд документов и иных материалов, которые затем отправил в Россию. В августе 1924 года он даже имел встречу с Парвусом.³²⁴ Удалось ли заполучить от него какие-либо документы, неизвестно. Известно лишь, что в том же году Парвус умер.

В Польше Ганецкому в конце 1923 года удалось приобрести важные документы по политической биографии Ленина. Среди них были и такие, в которых прослеживается его связь с австрийскими и немецкими спецслужбами. Удовлетворенный результатом поездки Ганецкого в Польшу, директор Истпарта Л.Б. Каменев в январе 1924 года отправил Краковскому воеводе Ковалиновскому письмо, в котором выразил благодарность за содействие, оказанное Ганецкому в поиске документов.³²⁵

Особо следует сказать о деятельности не менее опытного агента Н.С. Ангарского. За два года работы за рубежом ему удалось выявить и купить несколько сот документов по истории РСДРП, большевизма и социал-демократического движения. Среди них – весьма интересные. Заплатил за них щедро.

Так, за 30 писем Ленина, несколько редких брошюр и листовок Ангарский заплатил Розалии Марковне (вдове Г.В. Плеханова) 5 000 долларов. Бывшему чиновнику охранного отделения Департамента полиции Л.П. Меньшикову за полторы сотни разных книг, воззваний, прокламаций и партийных листов отдал 10 000 франков. Рукопись речи по аграрному вопросу, написанной Лениным для депутата 2-й Государственной Думы Г.А. Алексинского, приобрел за 1500 долларов. За несколько десятков журналов и газет, издательства «Вперед», циркуляры и письма ЦК – 5400 долларов, а за опубликованные статьи Ленина, черновики и различные афиши с указанием его имени – еще 240 долларов.³²⁶

Ангарский купил для партии большевиков и отправил в Москву много других «культурно-исторических» документов и материалов. Потратил на это большие средства – те самые, которые были выручены за счет реализованных на Западе ценностей, изъятых из российских церквей. Однако приобретенные Ангарским материалы были не те, которые хотела заполучить партийная

³²⁰ РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

³²¹ Там же. Л. 9.

³²² Там же. Л. 37.

³²³ Там же. Л. 44.

³²⁴ Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 19. 57.

³²⁵ Там же. Л. 3.

³²⁶ Там же. Л. 78–87.

элита. Ангарский это понимал, поэтому он медленно и терпеливо искал подходы к нужным документам. Речь идет об архиве Министерства внутренних дел Временного и отчасти царского правительств. А когда, наконец, удалось подобраться к ним, он направил Л.Б. Каменеву секретную депешу. Вот что торжествующе сообщал он своему партийному боссу: «Касательно Парижского архива охранного отделения. Ключи у нас. 17 ящиков в доме посольства, где проживает Маклаков.³²⁷ Ящики взять, по моему мнению, легко... Прошу меня уведомить»³²⁸.

В Москве с большим ликованием восприняли сообщение Ангарского. Однако руководителям Института В.И. Ленина сначала хотелось знать о содержании ящиков Парижского архива. Об этом было передано Ангарскому.

Ангарскому потребовалось немало времени и усилий, чтобы выйти на контакт с бывшим комиссаром Временного правительства С.Г. Сватиковым, у которого находились все важные документы, касающиеся деятельности Ленина и других лидеров большевистской партии за границей.

Получив от Сватикова нужные сведения об этих документах, Ангарский послал Каменеву пространное секретное письмо. Ограничусь изложением лишь той части его письма, в которой содержатся, на мой взгляд, наиболее интересные, если не сказать больше, факты.

«...Вот какие док(ументы) предлагает Сватиков. Донесение и наблюдение т.н.³²⁹ Бюро Бинда и Самбена. Бинд возглавлял иностр(анных) филеров. Материалы 1915–1917 г. до февраля. В донесениях сообщается о посещении Лениным и Троцким в конце 16 и январе 1917 г. немец(кого) и австр(ийского) консула в Цюрихе, Базеле и др. местах. Подробный доклад о «поведении» Ленина и Троцкого за 1916–1917 г., намеки на получение денег Троцким и многими др(угими). Бандит³³⁰ просит 1000 дол. Я купить отказался, заявив, что никакой ценности этот документ не имеет, всем набил оскомину и надоел; да и мало что Бинд напишет! Наконец, обидно покупать частями наш же архив. Я попробую принять меры к охране архива. Если же Вас эти документы интересуют, можно поторгаться, бандит уступит...»³³¹

Спрашивается, зачем проявлять заботу об охране архива охранного отделения Департамента полиции Временного правительства, если содержащиеся в нем документы никакой ценности не представляют? Ясно, что Ангарский так сказал Статикову с умыслом, чтобы как можно дешевле приобрести компрометирующие Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров документы. Что же касается позиции кремлевских руководителей, то у них по данному вопросу двух мнений не было: Ангарский получил добро на покупку указанных выше документов, а со Статиковым, конечно, поторговался. Последнему при скудных материальных условиях некуда было деваться. В итоге, все интересующие Политбюро ЦК ВКП(б) документы из парижского архива Департамента полиции благополучно поступили в Москву.

К сожалению, мы не знаем о дальнейшей судьбе этих документов. Вполне возможно, что многие из них по указанию Политбюро были уничтожены. Но не думаю, что этим решением, если оно в действительности было принято, лидеры партии смогли застраховать себя от позорного разоблачения. С уверенностью можно сказать, что приведенных выше фактов более чем достаточно, чтобы сорвать маску с лица политических авантюристов, подло предавших Россию и ее народ.

³²⁷ Маклаков В.А. (1869–1957) – посол Временного правительства во Франции.

³²⁸ РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

³²⁹ Тайных наблюдателей.

³³⁰ Имеет в виду Сватикова.

³³¹ Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 19. Л. 89–90.

Глава 10. Секретные документы обличают

Каждый гражданин обязан
умереть за Родину, но никого нельзя
обязать лгать во имя Родины.

Шарль Луи Монтескье

Начавшиеся 3 декабря 1917 года в Брест-Литовске переговоры о перемирии между двумя основными воюющими странами – Россией и Германией закончились, как уже известно, заключением 3 марта 1918 года сепаратного мира. С момента перемирия Россия становится проходным двором для немецкой агентуры и сотрудников «Nachrichten Büro» (Разведывательное бюро) германского Генерального штаба.

Прикрывшись мантией дипломатов и торговых представителей, сотрудники немецких разведорганов стали активно вступать в контакт с лидерами партии и членами большевистского правительства, сотрудниками ВЧК, чиновниками различных ведомств и организаций, вести работу по расширению агентурной сети в России. Вся их деятельность после октября 1917 года была направлена на то, чтобы максимально ослабить военно-экономический потенциал России и тем самым создать благоприятную политическую и психологическую обстановку в правительстве, партийных кругах, да и в целом в стране, ускоряющую процесс подписания мирного договора с Германией и ее союзниками.

Пользуясь откровенным попустительством большевистского правительства, Русское отделение германского Генерального штаба засылало в Россию все новые агентурные силы, которые вербовали платных агентов и осведомителей из большевистской среды для выполнения различных заданий. Образовавшееся в Петрограде «орлиное гнездо» фактически брало под свой контроль всю деятельность российского правительства и его структуры в центре и на местах, всеми средствами стремилось подчинить их работу интересам Германии. И, надо сказать, с поставленной перед ними задачей опытные германские разведчики и дипломаты успешно справлялись.

В предыдущей главе шла речь о германских субсидиях большевистским лидерам для проведения ими подрывной деятельности, направленной на организацию контрреволюционного переворота в России и ее изоляцию от военно-политической борьбы в Европе. Причем при анализе вопроса автором были использованы материалы в основном отечественного происхождения. Однако, на мой взгляд, целесообразно дать читателю возможность ознакомиться с документами, которые были ранее недоступны даже исследователям. Это редчайшие материалы, проливающие дополнительный свет на темные (сознательно запутанные) страницы большевистской истории. Я имею в виду сборник «Немецко-Большевистская Конспирация», изданный Правительственным Комитетом общественного осведомления Соединенных Штатов Америки в Вашингтоне еще в октябре 1918 года.

Сборник содержит серию документов и материалов (около 70 единиц) с комментариями о письменных сношениях между германским и большевистским правительствами, спецслужбами двух стран, а также доклад Эдгара Сиссона, являющегося специальным представителем указанного Комитета в России зимой 1917–1918 годов.

К сборнику приложено заключение специального комитета, тщательно исследовавшего документы на предмет их достоверности. Оно было сделано специалистами во главе с видными американскими учеными – основателем архивного дела в США, редактором «Американской исторической ассоциации» Франклином Джеймсоном и профессором Чикагского университета, крупным специалистом по России и большим знатоком русского языка Самуэлом Харпером, которые подтвердили, что документы, подвергнутые экспертизе, являются подлинными.

Сборник опубликован на английском и русском языках. Он снабжен интересным предисловием, отрывок из которого приведен ниже³³²:

«...Документы эти показывают, что нынешние вожди большевистского правительства, Ленин и Троцкий, и их соучастники – германские агенты.

³³² Текст предисловия и документов приводится без всяких исправлений, но в новой орфографии.

Они показывают, что большевистская революция была подготовлена Высшим Германским Генеральным Штабом и финансирована Германским Императорским Банком и другими германскими финансовыми учреждениями.

Они показывают, что Брест-Литовский договор, – предательство русского народа германскими агентами – Лениным и Троцким; что немцами поставленный комендант был выбран для «защиты» Петрограда против немцев; что германские офицеры были секретно приняты Большевистским Правительством в качестве военных советников, в качестве соглядатаев за посольствами союзников России, в качестве офицеров в русскую армию и в качестве управляющих большевистскими военными, иностранными и внутренними делами. Короче говоря, они показывают, что настоящее Большевистское Правительство совершенно не русское правительство, а правительство германское, действующее в интересах Германии и изменяющее русскому народу, как оно изменяет и естественным союзникам России, единственно в интересах Императорского Германского Правительства...»³³³

Должен сразу сказать, что, глубоко изучив документы, приведенные в сборнике, я в целом согласен с авторами предисловия. Думается, что это сможет сделать и читатель. Однако, как мне представляется, было бы неправильно рассматривать деятельность большевистских вождей исключительно в интересах Германии, как об этом говорят авторы сборника. На протяжении почти двух десятков лет вожди большевиков вынашивали план захвата власти в России. Другое дело, что без разносторонней, в первую очередь материальной, помощи немецких властей они никогда не смогли бы осуществить государственный переворот. В свою очередь, немцам нужна была сила, которая изнутри разрушала бы военно-экономическую мощь России, разлагала русскую армию и тем самым облегчала ведение войны Германией на Восточном фронте с перспективой заключения с большевиками сепаратного мира после их прихода к власти. Иными словами, немцы использовали большевиков в качестве пятой колонны.

Сегодня вряд ли может появиться сомнение в том, что большевиков субсидировали немецкие банки. Тем более что найдены свидетельства самого Ленина о том, что им были получены через Козловского деньги от Парвуса и Ганецкого, от которых он отрекся в июле 1917 года. Наконец, факт получения денег большевиками от немецких властей был доказан документами РЦХИДНИ и политического архива МИД Германии, приведенными в 9-й главе. И тем не менее в то далекое жаркое лето Троцкий, защищая Ленина (и себя, конечно) от обвинения в шпионаже, на заседании ЦИК 17 июля 1917 года говорил: *«Ленин боролся за революцию тридцать лет. Я борюсь против угнетения народных масс двадцать лет. И мы не можем не питать ненависть к германскому милитаризму. Это (о шпионаже Ленина. – А.А.) может сказать только тот, кто не знает, кто такой революционер»*³³⁴.

Октябрьский переворот положил конец всем разговорам о «немецких деньгах». Тем более что декретом от 27 октября (9 ноября) 1917 года почти все органы демократической прессы закрывались.³³⁵ Но, как выясняется, секретные связи большевиков с германскими властями и их разведорганами не прекратились и после октября. Напротив, судя по содержанию документов и материалов, попавших по различным каналам в руки агентов иностранных спецслужб, они стали носить все более широкий и разносторонний характер. Следует заметить, что один из документов, подтверждающих контакты немцев с большевиками, был опубликован в Парижской газете «Le Petit Parisien» еще зимой 1917 года. Позже, в сентябре 1918-го, первую серию документов (7 единиц) опубликовали в Нью-Йоркской газете «Evening Post». Однако тогда советские официальные органы особо не возмутились, если не считать публикацию в «Правде», в которой говорилось о подложности этих документов. В последующие годы информационный голод стал более усиливаться в связи с возведением большевистским правительством «железного занавеса» и жестким контролем над издательской деятельностью. И вообще, в условиях коммунистического режима вряд ли нашелся бы в стране хоть один храбрец, осмелившийся провести экспертизу «документов Сиссона» на предмет их достоверности.

Должен отметить, что реакция на публикацию «документов Сиссона» среди общественно-политических кругов Запада (и прежде всего в США) была неоднозначна. Одни считали, что большевистский переворот в России – это действительно результат преднамеренного тайного сговора Ленина и его сообщников с германскими властями, и эта позиция, со ссылкой на

³³³ *Немецко-Большевистская Конституция*. Вашингтон. 1918. С. 1.

³³⁴ «Известия». 1917. 19 июля.

³³⁵ Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1928 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 24–25.

документы, широко распространялась в периодической печати, находя все большее число сторонников. Иные скептически относились к этому бесспорному факту, но ничем не объясняли свое недоверие к опубликованным документам. Но так или иначе, вердикт, вынесенный американскими специалистами Джеймсоном и Харпером, почти 38 лет не подвергался ревизии. И одной из причин «отсутствия» у ученых интереса к «документам Сиссона», на мой взгляд, было то, что они не имели возможности прикоснуться к оригиналам. Это обстоятельство требует некоторого разъяснения.

Дело в том, что после окончания работы по экспертизе документов Комитет общественного осведомления передал оригиналы президенту США Вудро Вильсону. Казалось, они были надежно спрятаны. Однако позднее, в 1921 году, сотрудники нового хозяина Белого дома, У. Гардинга, не смогли обнаружить в архивах резиденции президента оригиналы документов о большевистско-немецких тайных связях. Более 34 лет оригиналы числились в списке пропавших. Но в декабре 1952 года, когда президент Гарри Трумэн собирался покинуть Белый дом, неожиданно в одном из тайных сейфов его резиденции были найдены «пропавшие» оригиналы.

Этим, очевидно, воспользовался известный американский историк, лингвист и дипломат Джордж Кеннан. Хорошо владея русским и немецким языками, Кеннан с большим энтузиазмом приступил к их научной экспертизе. Предмет исследования настолько захватил Кеннана, что он не упустил случая, чтобы встретиться с экс-премьером России А.Ф. Керенским, чтобы узнать его отношение к «документам Сиссона». Итоги своей работы с оригиналами Кеннан в 1956 году изложил в июньском номере «The Journal of Modern History», издаваемом в Чикаго.

Внимательно изучив труд Кеннана, к сожалению, должен констатировать, что он меня разочаровал. Удивило меня прежде всего то, что он, бесспорно авторитетный ученый, из 70 документов подверг экспертизе относительно полно лишь 12 (№№ 5, 7, 9, 15, 17, 19, 22, 23, 27, 37А, 43, 53)³³⁶. При выполнении столь серьезной и сложной задачи Кеннан почему-то пренебрег многими приемами и методами источниковедческого анализа письменных документов, выработанными исторической наукой. Фактически при экспертизе Кеннан основное внимание уделил графологическому аспекту. Причем экспертизе подверг не резолюции, подписи и прочие пометки, сделанные на документах руководителями советского правительства и чиновниками различных ведомств, как следовало бы поступить, а письмо некоего А. Оссендовского от 13 ноября 1917 года, адресованное своему приятелю «Евгению Петровичу»³³⁷.

Сравнивая почерк Оссендовского с подписью «Bauey», сделанной на документах начальником Русского Отделения германского Генштаба латинскими буквами, Кеннан находит в буквах «В», «а» и «и» сходство.³³⁸ Это, по-видимому, случайное сходство послужило для него зацепкой для пространного расплывчатого размышления и «основанием» для выводов, отличных от устоявшихся. Но Кеннан дальше общих размышлений и суждений не пошел, ибо прекрасно понимал, что малейшая попытка идентифицировать почерки, содержащиеся в совершенно разных источниках, вольно или невольно приведет к абсурдному выводу о том, что Бауэр и Оссендовский одно и то же лицо. И хотя доводы Кеннана касательно противоречивости «документов Сиссона» носят абстрактный характер, неубедительны и требуют серьезных научных аргументов, тем не менее он все же делает претенциозное заключение: «*фактически существует сильная очевидность противоположного*» (мнения. – А.А.)³³⁹, то есть мнения, противоположного Джеймсону и Харперу.

Заключение Кеннана, естественно, пришлось по душе кремлевским идеологам.³⁴⁰ Однако на эту работу они никак не отреагировали, полагая, что лучше будет, если о «документах Сиссона» научная, да и вообще широкая общественность страны «победившего социализма» вообще не будет знать. Лишь после распада коммунистической империи на страницах периодических изданий стали появляться многочисленные статьи, в которых на документальной основе осуждалась преступная деятельность большевиков во главе с Лениным и их последователей.

Но о «документах Сиссона» ничего не публиковалось. Убедившись, что новая власть не справляется с инакомыслящими, как это делали большевики после захвата власти и на протяжении всей 70-летней истории, постепенно заговорили адепты коммунистической

³³⁶ См.: «The journal of Modern History». Vol. XXVIII. ND 2. June. 1956. P.137.

³³⁷ Ibid. P. 148.

³³⁸ Ibid. P. 151.

³³⁹ Ibid. P. 154.

³⁴⁰ По приглашению Кеннан приезжал в Москву и даже выступал перед учеными Института истории АН СССР.

идеологии. Уже в 1991 году было опубликовано несколько сборников статей,³⁴¹ в которых делалась отчаянная, но безуспешная попытка реанимировать Ленина и марксистско-ленинскую идеологию, находящуюся уже на свалке истории, вернуть наше общество в тоталитарное прошлое.

Поскольку все эти статьи и отдельные работы ни прямо, ни косвенно не касались «документов Сиссона», то ограничусь оценкой и анализом лишь тех публикаций, авторы которых в одних случаях прямо, а в других косвенно поддерживают выводы Кеннана.³⁴² Прямо скажу: амбициозные и бестактные статьи, опубликованные в «Правде», не заслуживают того, чтобы уделить им хоть какое-либо внимание. Поэтому подробно остановлюсь на статье, опубликованной в журнале «Новая и новейшая история», которая по ряду причин требует серьезного разбора.

В статье «Большевики и «германское золото». Находки в архивах США» ее автор, некий В.А. Мальков, то ли по наивности, то ли по какой-либо другой, неведомой науке причине, как мне показалось, полагает, что путем подлога, фальсификации и извращения фактов и событий можно достичь научного признания. Впрочем, не будем голословными, а приступим к разбору статьи. Уже на первой странице своего наукообразного труда наш исследователь ставит странный вопрос:

«Почему, например, выдающиеся российские политики прошлого, дипломаты и государственные деятели, живые участники и свидетели драматических событий 1917 года так вяло и недружно отреагировали на сообщения о том, что Ленин вернулся весной 1917 года в Россию с заданием германского Генштаба подорвать военную мощь страны изнутри, добиться сепаратного мира?»³⁴³ (Выделено мной. – А.А.).

Удивляет нас, как можно браться за столь серьезную проблему, совершенно не зная литературу вопроса и не соприкасаясь с источниками?! Если бы наш незадачливый автор перелистал хотя бы 31-й том сочинений Ленина, бегло просмотрел такие издания, как «Рабочая газета», «Дело народа», «Единство», «Живое слово», «Речь», «Голос солдата», «Петроградская газета», «Маленькая газета», «Известия» и другие, то, думается, что такой вопрос у него не возник бы.

О содержании этих газет достаточно подробно было сказано в 5-й главе. Здесь же еще раз остановлюсь на признании Ленина, что в апрельских демонстрациях *«из лозунгов часто попадает на знаменах «долой Ленина»»*³⁴⁴. «Русская воля» во весь голос говорит *«Ленин – предатель!»*³⁴⁵. «Маленькая газета» решительно требовала *«расследования обстоятельств приезда Ленина и других большевиков через территорию Германии»*³⁴⁶...

Не разобрался автор статьи и с обращением князя Г.Е. Львова вечером 4 июля 1917 года к редакторам столичных газет с просьбой снять материалы, обвиняющие Ленина и его сообщников в государственной измене якобы из-за их «поверхностности и необоснованности». Ох, как далек автор от истины. А она заключалась в том, что многие члены коалиционного правительства, «выдающиеся российские политики», и лидеры партии эсеров не меньше, чем большевики, боялись расследования дела о «немецких деньгах» и возвращении политических эмигрантов в Россию через территорию Германии. А причин для боязни было больше, чем можно предположить. Лидеры партии эсеров так же, как и вожди большевиков, имели тайные связи с германскими властями и их спецслужбами. Они так же получали от немцев денежную помощь, обещая вести пацифистскую пропаганду в России. Наконец, многие эмигранты из партии эсеров во главе с Виктором Черновым возвратились в Россию весной 1917 года тем же путем, что и большевики. Достаточно ознакомиться с двумя совершенно секретными документами, чтобы в этом убедиться.

Так, из секретного донесения посла Германии в Швейцарии Ромберга канцлеру Бетману Гольвегу от 27 марта 1917 года (В.Э.: См. {R-LENINI}) узнаем о переговорах «с русским доверенным лицом» Вайсом (Цивиным), партийная принадлежность которого уже упоминалась

³⁴¹ См., например: «О Ленине – правду». Л., 1991, «Ленин, о котором спорят сегодня». М. 1991 и др.

³⁴² См.: «Правда». 1993. 18 марта и 29 апреля; «Новая и новейшая история». 1993. № 5.

³⁴³ «Новая и новейшая история». 1993. № 5. С. 42.

³⁴⁴ Ленин В.И. ПСС. Т.31. С. 325.

³⁴⁵ «Русская Воля». 1917. 15 июня.

³⁴⁶ «Маленькая Газета». 1917. 14 апреля.

выше. Ссылаясь на гарантию, данную Вайсом во время беседы, Ромберг сообщает канцлеру, что «революция будет весной этого года...». Вайс сказал также, что «в интересах его партии посоветовал бы начать наступление, как только он увидит, что тенденция к миру не может держать верх». Из письма Ромберга можно понять, что он уверен в активизации работы Вайса-Цивина. Поэтому он самым настоятельным образом рекомендовал «предоставить в распоряжение Вайса на апрель месяц снова 30 000 франков, которые он в первую очередь хочет использовать, чтобы сделать возможным поездку в Россию важным товарищам по партии». В заключение донесения Ромберг пишет: «Я могу ли к 1 апреля просить указания о выдаче Вайсу 30 000 франков, и могу ли я обещать ему дальнейших субсидий, я увижу его 2 апреля»³⁴⁷.

Получив положительный ответ из Берлина, 2 апреля Ромберг направил из Берна рейх-канцлеру телеграмму:

«В ответ на телеграмму № 376³⁴⁸ от 1-го этого месяца имею честь сообщить, что снял со счета 30 000 франков в Швейцарском национальном банке для Вайса. Ромберг».

Судя по содержанию письма Ромберга от 27 марта 1917 года, русские политические эмигранты уже много лет находились на содержании немецких властей и отработывали за полученные деньги предательской деятельностью против России. Основанием для такого вывода служит, в частности, секретный документ из Политического архива МИД Германии. Это послание Ромберга рейхс-канцлеру Бетману Гольвегу от 23 января 1916 года. В нем посланник ставит вопрос о предоставлении в распоряжение социал-революционера Цивина-Вайса 25 000 франков. (См. копию документа ниже.) Имеются и более ранние документы, подтверждающие связь эсеров с немцами.

Думается, этих сведений было бы предостаточно, чтобы на суде над Лениным и его сообщниками лидерам партии эсеров сесть рядом с большевиками на скамью подсудимых. Именно этим можно объяснить тот факт, что входившие в правительство эсеры (Керенский, Чернов и другие) повернули ход расследования преступной деятельности большевиков в обратную сторону, сняв тем самым петлю с собственной шеи. Этим можно объяснить и то, что в своих мемуарах Керенский уходит от подробного разбора германо-большевистских тайных связей и от вопроса о «немецких деньгах», ссылаясь на то, что архивы военного министерства и разведорганов Генштаба Германии якобы сгорели при пожаре.³⁴⁹ Нет, они, к счастью, не сгорели, а, как видим, бережно хранятся в Политическом архиве МИДа Германии.

Не выдерживает научной критики и высказывание автора указанной статьи, где он говорит, что «ни англичане, ни французы не пошли на публикацию чего-либо похожего на «документы Сиссона»»³⁵⁰. А ведь выше уже приводились издания, в которых раньше всех были опубликованы документы, иллюстрирующие немецко-большевистские контакты. Серьезный исследователь должен был бы знать об этом, а не заниматься пустословием.

И последнее. В своей статье автор дважды (!) повторяет: ««документы Сиссона» – подделка»³⁵¹, подчеркивая при этом, что к такому «однозначному выводу» пришел Д. Кеннан. Но при этом он ни разу не делает ссылку на источник. Думается, что этим грубым нарушением элементарных правил оформления научно-справочного аппарата и неумением анализировать источники он собственноручно расписался в дилетантстве и тенденциозности, пытаясь написать научную статью.

Однако вернемся к основным вопросам главы.

Отношение к материалам, содержащим переписку немецких разведорганов с большевистскими государственными ведомствами, среди сотрудников спецслужб и дипломатов западных стран было неоднозначным. Например, профессиональный английский военный разведчик Сидней Рейли (Розенблюм) в одном из своих писем В.Л. Бурцеву писал:

«В 1918 году, когда я был в России, у меня в руках были значительно более веские доказательства о сообществе большевиков с немцами. Все эти доказательства тогда были переданы в английское и французское министерства иностранных дел»³⁵².

³⁴⁷ Копию секретного донесения Ромберга канцлеру и его перевод на русский язык см. в Приложении.

³⁴⁸ Телеграмма рейх-канцлера Ромбергу.

³⁴⁹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1992. С. 217.

³⁵⁰ «Новая и новейшая история». 1993. № 5. С. 45.

³⁵¹ Там же. С. 45, 52.

³⁵² Цит. по: «Огонек». 1990. № 48.

А вот его коллега Роберт Брюс Локкарт, являющийся генеральным консулом Великобритании в России в 1915–1917 годах, а с января 1918 года и до 1 сентября 1918-го (то есть до его ареста сотрудниками ВЧК) – главой британской миссии при правительстве Советской республики, совершенно противоположного мнения. В своих воспоминаниях «Мои встречи с Лениным, Троцким и другими» Локкарт, в частности, приводит разговор с Троцким, состоявшийся у него 24 февраля 1918 года:

«Вы получили какое-нибудь сообщение из Лондона?» – спросил он все еще злым голосом. Я сказал, что ответа на мои телеграммы пока нет, и выразил уверенность, что большевикам не будет отказано в британской поддержке, если они предпримут настоящие усилия, дабы в руках немцев не оказалось пол-России! «Значит, у вас нет новостей для меня! – воскликнул Троцкий. – А у меня для вас есть! Пока вы тут стараетесь пускать мне пыль в глаза, ваши соотечественники и французы ведут против нас интриги с украинцами, которые уже продались немцам. Ваше правительство занято подготовкой японской интервенции в Сибири. А все ваши миссии устраивают здесь против нас заговоры, объединившись со всякими буржуазными подонками. Вот полюбуйтесь!» Схватив со стола пачку бумаг, он сунул их мне в руки. Это были подделанные оригиналы документов, копии с которых я уже видел. На них стояла печать германского Генерального штаба, имелись подписи немецких офицеров. Адресованы они были Троцкому и содержали различные инструкции, которые он как «немецкий шпион» должен был выполнять. В одной бумаге даже давался приказ «способствовать перевозке двух немецких подводных лодок по железной дороге из Берлина во Владивосток!».

Я видел эти «документы» прежде: их какое-то время назад распространяли в союзнических миссиях в Санкт-Петербурге, причем один комплект «оригиналов» был куплен американским агентом, а потом обнаружилось, что эти «инструкции», полученные из столь удаленных друг от друга мест, как Спа (Бельгия), Берлин и Стокгольм, напечатаны на одной и той же пишущей машинке». ³⁵³

Локкарт не поверил документам. И главная причина в том, что он клюнул на тщательно разработанный немецкой разведкой (возможно, совместно с ВЧК) план секретной переписки. Видимо, он заключался в том, чтобы содействовать сознательной утечке и распространению «секретной» информации, причем все это делалось с такой откровенностью и «оплошностью», чтобы вызвать у противников явное недоверие к документам. Думается, то, что все документы, действительно поступавшие из разных мест, были отпечатаны на одной и той же машинке (если действительно были), – этот блестящий прием был направлен исключительно на дезинформацию разведорганов стран Антанты. Локкарт не сумел разгадать этот хитроумный план, а Троцкий, надо отдать ему должное, великолепно обвел его вокруг пальца, дав ознакомиться с содержанием некоторых документов, являющихся действительно подложными. И цель, которую ставили перед собой разработчики конспиративной переписки, в значительной степени была достигнута.

Хотелось бы остановиться на ошибках, которые допустил Локкарт из-за невнимательности.

Документ, о котором он пишет, был адресован не Троцкому, а «В Совет Народных Комиссаров» ³⁵⁴. В нем говорилось об обращении германского Верховного морского командования к Российскому правительству с предложением «принять меры к доставке в Тихий океан *трех подводных лодок в разобранном виде по железным дорогам*» ³⁵⁵ (выделено мной. – А.А.). Непростительно опытному разведчику слово «*трех*» перепутать со словом «*двух*». И последнее. Локкарт пишет, что на документах, с которыми он ознакомился в кабинете Троцкого, «*имелись подписи немецких офицеров*». Между тем почти на всех документах, которые будут рассмотрены ниже, есть еще и резолюции, а также разного рода пометки, сделанные правительственными должностными лицами и чиновниками аппарата комиссариатов Советской России. Но Локкарт их почему-то не заметил, во всяком случае он о них ничего не говорит. А не заметил их он по простой причине: этих подписей на просмотренных им документах не было и не могло быть, поскольку Троцкий подсунил ему действительно подложные «оригиналы», а не подлинники, на которых имелись резолюции (в том числе и самого Троцкого). Что же касается американского агента, купившего, как пишет Локкарт, «комплект оригиналов», то им был, судя по всему, Эдгар

³⁵³ Цит. по: «Эхо планеты». № 40–41 (131–132). 1990. 1–12 октября.

³⁵⁴ Немецко-Большевистская Конспирация. С. 15.

³⁵⁵ Там же.

Сиссон, и рассматриваемые ниже материалы представляют собой копии документов, сделанные с «американского комплекта».

Изучение документов показало, что в ряде случаев они не свободны от грамматических ошибок, неточностей и других погрешностей, допущенных при переводе текста с английского и немецкого на русский, а также при прочтении рукописных резолюций, пометок и замечаний, сделанных различными должностными лицами. Например, запись Н. Скрипника на документе № 2 (подробно он будет рассмотрен ниже) приведена в такой редакции: «*Передано комиссии для борьбы с контрреволюцией. Затребовать документы. М. Скрипник*». Между тем эту запись следует читать так: «*В комиссию по борьбе с к.-р. Затребовать документы Н. Скрипник*». Запись, сделанную ниже, пока еще не удалось прочесть, но уже установлено, что подпись «НГ» принадлежит секретарю Ленина Н.П. Горбунову. Еще один пример. Вторая подпись слева на документе № 3 расшифрована как Меканошин, в то время как настоящая фамилия уполномоченного Совета Народных Комиссаров, подписавшего этот документ, – Мехоношин. Неверно указаны фамилия и имя еще одного большевистского комиссара. Так, в примечании к документу № 11 Сиссон пишет: «Комиссар М. Меншинский», в то время как правильно следовало бы указать В. Менжинский. Неправильно прочтена и резолюция Л. Троцкого на документе № 14. В примечании Э. Сиссона к этому документу говорится, что «он (Троцкий. – А.А.) собственноручно написал на полях: «*Прошу обсудить Л.Т.*»». Однако эту резолюцию, адресованную «Д.Д.», следует читать так: «*Д.Д. Прошу переговорить. Л.Т.*»...

Таких неточностей и погрешностей в сборнике довольно много. В ходе изучения и анализа содержащихся в нем материалов было выявлено и наличие сомнительных документов. Например, документ № 23 о подводных лодках, который в числе других был представлен Троцким Локкарту. Известно, что прием смешивания подлинных документов с подложными с целью дезинформации противника применялся еще до нашей эры. И удивительно, что именно на этом попался английский разведчик Локкарт.

Интересен документ № 7, в котором, по поручению местного Отдела германского Генерального штаба, Разведывательное Отделение «конфиденциально» сообщает Троцкому «*имена и характеристики главнейших кандидатов в переизбираемый* (на III Всероссийском съезде Советов. – А.А.) *Центральный Исполнительный Комитет*». Однако вряд ли педантичные немцы с таким промедлением (на третий день работы съезда) стали бы направлять столь категоричное письмо народному комиссару по иностранным делам, к тому же в обход главы правительства. Вызывает сомнение и тот факт, что в этот список включен непримиримый противник большевиков Ю.О. Мартов. (Полностью этот документ с комментариями Сиссона будет приведен ниже.)

Однако источниковедческий анализ документов, критика их содержания, а также сравнительный анализ сведений, содержащихся в этих источниках, с другими документами и материалами (в том числе из бывшего архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) не дают оснований усомниться в подлинности и достоверности большинства документов.

В сборнике, состоявшем из 6-ти глав, документы сгруппированы по тематическому принципу. Такой метод подачи документов возможно оправдан и объясним, но при этом нарушается принцип историзма. Поэтому их разбор следует начать с документа № 5, так как он является первым известным (пока) по времени о немецко-большевистских секретных сношениях.

Документ 5

«Гр. Генерал-Стаб.
Сентрал Абтайлунг, Секцион М.
Берлин.
Октября, 1917 г.

Правительству Народных Комиссаров:

Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии г.г. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское Отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного Отделения Штаба. Во главе Петроградского Отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Любертц, шифрованная подпись Агасфер.
Майор фон-Бельке, шифрованная подпись Шотт.
Майор Байермейстер, шифрованная подпись Бэр.
Лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное Отделение, согласно договора с г.г. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контр-революционным движением, а также будет выполнять разведочную и контр-разведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжение Правительства Народных Комиссаров командированы консультанты по Министерству Иностранных Дел – г. Фон-Шенеман, по Министерству финансов – г. Фон-Толь.³⁵⁶

Начальник Русского Отдела Германского Генерального штаба:

О. Рауш. Адъютант Ю. Вольф.

(И ниже в том же письме).

В Комиссариат по Иностранным делам:

Указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном Комитете и условились с Муравьевым, Бойс и Данишевским о совместных действиях. Все они поступили в распоряжение Комитета. Консультанты явятся по назначению.

Председатель Военно-Революционного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов: А. Иоффе

Секретарь: П. Крушавич.

27-го Октября 1917 года 698.³⁵⁷

Примечание³⁵⁸: Этот документ показывает выработку условий дальнейшей деятельности. Если Рауш в то время находился в Берлине, то он, вероятно, немедленно вслед за тем отправился в Петроград. Письмо это было, вероятнее всего, написано в Финляндии, а не в Берлине. В некоторых других заголовках писем, в которых обозначено Берлин, слово это зачеркнуто пером. Писчие принадлежности доставлялись в Петроград с большим трудом. Майор Люберте сделался начальником Разведочного отделения (Нахрихтен Бюро). Кронштадт был летом главной квартирой Ленина. Имя Раскольников будет упоминаться в связи с проектом продажи русского флота Германии. Дыбенко был Комиссаром флота, Морским Министром, человеком властным и очень остроумным. Зиновьев – Председатель Петроградского Совета, являвшийся в течение зимы самым могущественным местным учреждением из всех Российских Советов. Он еврейского происхождения и хорошо воспитан. Иоффе, в письме о согласии большевиков присоединиться к немцам, еще раз выступает тем, кем он действительно является – следующим за Лениным по значению посредником во всех делах, имеющих чрезвычайное значение для Германии.

Имею фотографию обоих писем»³⁵⁹.

С позиции источниковедения, достоверность и подлинность этого документа оказалась бы равной нулю, если бы не имелись другие материалы, устанавливающие их внутреннюю взаимосвязь, идеологическую и политическую общность с изучаемым источником. В ходе исследования удалось выявить несколько существенных документов, позволивших убедиться в подлинности документа № 5. Это прежде всего факты, содержащиеся в документах № 3 (протокол и два циркуляра), факсимиле которых приведены ниже. Их значение трудно переоценить.

Анализируя, в частности, протокол, отметим, что под ним поставили свои подписи уполномоченные Совета Народных Комиссаров И.А. Залкинд,³⁶⁰ Е.Д. Поливанов 702,³⁶¹ К.А. Мехоношин,³⁶² А.А. Иоффе³⁶³ и адъютант «Нахрихтен Бюро» в Петрограде лейтенант Генрих³⁶⁴, что неоспоримо говорит об их причастности к немецко-большевистским секретным связям. А

³⁵⁶ В списках сотрудников Народного комиссариата финансов фон Толь не значится. Возможно, он сменил фамилию.

³⁵⁷ *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 10.

³⁵⁸ Здесь и после каждого документа примечания сделаны Э. Сиссоном.

³⁵⁹ *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 10.

³⁶⁰ Залкинд И.А. (1885–1928) – советский дипломат, член большевистской партии с 1903 г. Один из организаторов НКВД РСФСР. В 1917–1918 гг. – сотрудник НКВД.

³⁶¹ Поливанов Е.Д. (1889–1938) – ученый-востоковед, член большевистской партии с 1919 г. После октября 1917 г. работал в НКВД, был заместителем наркома и заведующим отдела Востока.

³⁶² Мехоношин К.А. (1889–1938) – партийный и государственный деятель, член большевистской партии с 1913 г. С 1917 г. – член Военной организации при ЦК РСДРП(б), Всероссийского бюро военных организаций, член Петроградского ВРК. С ноября 1917 г. – заместитель наркома по военным делам.

³⁶³ Иоффе А.Д. (1883–1927) – советский государственный и политический деятель, дипломат. В 1918 г. – председатель, затем член советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске. Полпред РСФСР в Германии в 1918 г.

³⁶⁴ Генрих (Гартвиг) – офицер Русского разведывательного отделения Генштаба Германии.

Генрих, как явствует из документа № 5, в числе других офицеров был командирован в Петроград «для учреждения Разведочного Отделения Штаба» и, с одобрения Иоффе, приступил к своим обязанностям.

Вряд ли у кого-либо могут вызвать сомнения результаты графологической экспертизы, произведенной американскими учеными, установившей принадлежность имеющихся на протоколе подписей. И все же самым пикантным и сенсационным фактом, содержащимся в протоколе, является то, что на нем оставил свой автограф – «ВУ» (Владимир Ульянов) – сам Ленин! Эта небольшая пометка является безупречным свидетельством причастности Ленина к тайным связям с немецкими властями. (Пометку Ленина смотри в левом верхнем углу протокола.)

В примечании к документу № 5 Сиссон пишет, что «Кронштадт был летом главной квартирой Ленина». Возразить против такого утверждения затруднительно, поскольку из 9-й главы (документы № 11 и № 12) известно, что именно в это время со счета «Дисконто-Гезельшафт» через Стокгольм и Гельсингфорс переводились Ленину в Кронштадт крупные суммы денег. Из 5-й главы читателю также известно, что летом 1917 года Ленин скрывался от Временного правительства в Кронштадте. И этот факт подтверждают лидеры «Военки» при ЦК большевистской партии. Наконец, из той же главы известно, что большевистское правительство открыто вербовало в Красную Армию немецких и особенно австро-венгерских солдат и офицеров. Поэтому документ № 5 – первый после октябрьского переворота шаг в секретных сношениях германских разведывательных служб с большевистским правительством – не вызывает сомнения.

Из «фактиков» выделяется следующий: в рекомендательном письме Рауша, в приписке Иоффе в последней фразе, говорится, что «консультанты явятся по назначению». Так вот, упомянутый в письме фон Шенеман³⁶⁵ действительно был направлен на работу в НКВД в качестве консультанта, что подтверждается нерасшифрованной его биографией в указателе имен в 53-м томе ПСС Ленина, а также письмом последнего Чичерину от 25 июля 1921 года.³⁶⁶

Документ 3

«Протокол (Военный Комиссариат.)

Д. № 232 – два приложения.

Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета Народных Комиссаров из дел Контр-Разведочного Отделения Петроградского Округа и бывш(его) департамента Полиции, по поручению Представителей Германского Генерального Штаба в Петрограде изъяты:

Циркуляр Германского Генерального Штаба за № 421 от 9 июня 1914 года о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии и

Циркуляр Генерального Штаба Флота Открытого Моря за № 93 от 28 ноября 1914 года о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное Отделение Германского Штаба в Петрограде.

Уполномоченные Совета Народных Комиссаров.

Г. Залкинд

(Неразборчиво, но, может быть, Мехоношин.)

Е. Поливанов

А. Иоффе

Означенные в настоящем протоколе циркуляры №№ 421 и 93, а также один экземпляр этого протокола получены 3 ноября 1917 года Разведочным Отделом Г.Г.Ш. в Петербурге.

Адъютант: Генрих

Примечание. Прилагаемые циркуляры написаны по-немецки: перевод³⁶⁷ следует ниже»³⁶⁸.

«Гр. Генерал-Стаб. Централь Абтейлунг Секцион М. № – Берлин.

Циркуляр от 9 июня 1914 года. К Бециркскомандантен.

В течение 24 часов по получении сего циркуляра, Вам предписывается известить все промышленные предприятия по телеграфу, что пакеты с промышленными мобилизационными

³⁶⁵ Шенеман (Шейнман) М.М. – одно и то же лицо, советник в НКВД РСФСР.

³⁶⁶ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 53. С. 64, 504.

³⁶⁷ В переводе содержится ряд грамматических ошибок, но смысл текста сохранен.

³⁶⁸ Немецко-Большевистская Конспирация. С. 5.

планами и регистрационными листами, которые упомянуты в циркуляре Комиссии Графа фон-Вальдерзе и Каприви от июня 27-го дня 1887 года, должны быть вскрыты.

№ 421 Мобилизационный Отдел»³⁶⁹.

«Г. С. дер-Гох-Се-Флотте.

№93.

Циркуляр от Ноября 28-го дня, 1914 года, к морским Агентствам и Флотским Союзам:

Сим приказывается немедленно мобилизовать всех агентов разрушения и наблюдателей во всех тех коммерческих и военных портах, где производится нагрузка амуниции на суда, отправляющиеся в Англию, Францию, Канаду, Соед. Штаты Северной Америки и Россию, где находятся склады военной амуниции и где расположены боевые части. Необходимо нанять через посредство третьих лиц, не находящихся в каких бы то ни было отношениях с официальными представителями Германии, – агентов для устройства взрывов на судах, отправляющихся во враждебные страны, и для создания задержек намешательств³⁷⁰ и запутывающих приказов во время загрузки, отправки и разгрузки кораблей. Для сей цели мы обращаем Ваше особое внимание на артели нагрузчиков, между которыми находятся много анархистов и бежавших преступников; и тоже на немецкие и нейтральные конторы по отправке грузов, и на агентов враждебных стран, которые заведуют получением и отправкой военных грузов.

Средства, нужные для найма и подкупа лиц, необходимых для указанных целей, будут предоставлены в Ваше распоряжение по Вашему требованию.

Разведывательное Отделение Генерального Штаба Морского Флота.

Кениг

Примечание. Оба указанных циркуляра имеют пометки карандашом о том, что «одна копия была дана германскому «Нахрихтен Бюро» в Петрограде. Намерение Германии заключалось в том, чтобы изъять из архивов старого русского правительства доказательство, во-первых, того, что Германия начала в июне 1914 года свои активные приготовления к войне, которая застигла врасплох весь мир в августе 1914 года, во-вторых, чтобы устранить доказательство своей зависимости в устройстве поджогов и взрывов в Соединенных Штатах, в стране, с которой Германия в то время находилась в мире. Но в результате все это явилось новым доказательством правдивости обвинений. Очевидное смешение плохого и хорошего немецкого языка в этих циркулярах, как мне кажется, свидетельствует о попытке создать «алиби» в виду того почти неизбежного дня, когда циркуляры будут обнаружены.

Имею оригинал протокола и печатные циркуляры»³⁷¹.

И здесь Сиссон оказался прав. Приведенные выше циркуляры в свое время были перехвачены российской контрразведкой. Они под № 6 и № 7 включены в «Сводку Российской контрразведки»³⁷². Содержание циркуляров раскрывает преступные планы реакционных кругов кайзеровской Германии. Между тем большевистское правительство во главе с Лениным, выполняя поручение германского Генерального штаба, делало все, чтобы скрыть от мировой общественности преступления германских агрессоров, и свои также.

Документ, обозначенный в сборнике под № 1, по праву следует отнести к разряду особо важных, и в этом легко можно убедиться.

Документ 1

«Народный Комиссар по Иностранным Дела.

(Весьма секретно.)

Петроград, 16 ноября, 1917 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров:

Согласно постановления, вынесенного совещанием Народных Комиссаров тт. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, нами исполнено следующее:

В Архиве Комис. Юстиции из дела об «измене» т.т. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъять приказ Германского Императорского³⁷³ Банка за № 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег т.т. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др., за пропаганду мира в России.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Так в тексте.

³⁷¹ Там же. С. 9–10.

³⁷² РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 2.

³⁷³ Здесь и ниже издателями допущена ошибка; правильно – Имперского.

Проверены все книги Хиа-Банка в Стокгольме, заключающие счета т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по ордеру Германского Императорского Банка за № 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные Народного Комиссара по Иностранным Дела.

Е. Поливанов

Г. Залкинд

Примечание. Российский Совет Народных Комиссаров находился всецело под властью своего Председателя, Владимира Ульянова (Ленина), бывшего в ту пору Министром иностранных дел, – Льва Троцкого, в настоящее время состоящего Военным Министром, и Посла в Германии А. Иоффе. Письменная пометка на полях гласит: «Секретному Отделу В.У.». Так Ленин привык обозначать свои инициалы. По-английски было бы V.U. для обозначения Владимира Ульянова. Таким образом, если бы не нашлось нигде другого официального документа, удостоверяющего приказ Имперского Банка за № 7433, одного этого было бы достаточно для доказательства его содержания: и вот где находится звено, соединяющее Ленина непосредственно с его поступками и его виновностью. Но как бы то ни было, данные, составляющие содержание циркуляра, существуют, и они следующие:

Предписание: Числа 20-го марта, 1917 г. от Имперского Банка, представителям всех Германских Банков в Швеции:

Сим уведомляется, что требования денег, предназначенных для пропаганды в России, будут получены через Финляндию. Требования эти будут поступать от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, лиц, которым счет был открыт в согласии с нашим предписанием за № 2574 в агентствах, частных германских предприятиях в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны сопровождаться одной из двух подписей следующих лиц: Диршау или Милькенберга. При условии приложения одной из упомянутых подписей вышеназванных лиц, сии требования должны быть исполнены безо всяких отлагательств. – 7433, Имперский Банк.

В моем распоряжении нет ни копии этого циркуляра, ни фотографии, но документ № 2, ближайший по порядку, доказывает его достоверность, одинаково любопытно и безусловно. Этот циркуляр представляет собой особый интерес благодаря тому, что большевики публично отрицали его существование. Циркуляр этот был один из числа нескольких немецких циркуляров, напечатанных в Париже в газете «Ле Пти Паризьен», прошлой зимою. Большевистские газеты в Петрограде объявили его подложным. Залкинд, подпись которого появляется не только здесь, но также на протоколе (документ № 3), занимал пост Товарища Министра Иностранных Дел. Он был послан с поручением за пределы России в феврале, и он находился в Христиании в апреле месяце в то время, когда там находился и я.

У меня имеется фотография письма»³⁷⁴.

Как видим, документ весьма серьезный и требует глубокого анализа. Поэтому для установления его достоверности потребуются использовать дополнительные факты, содержащиеся в различных источниках, кроме документа № 2, на который справедливо ссылается Э. Сиссон.

Еще задолго до октябрьского переворота В.Л. Бурцев называл Ленина и ленинцев «немецкими агентами». А после июльского путча большевиков он направил в редакцию «Русской воли» два письма (7 и 16 июля), в которых осуждал предательскую деятельность Ленина, Коллонтай, Луначарского и других лидеров большевиков. Однако в качестве доказательства никаких фактов не приводил. В этой связи наибольший интерес вызывают воспоминания уже знакомого нам Б.В. Никитина. Он пишет, что некий Степин, занимающийся продажей швейных машин компании «Зингер», «как выяснило наше расследование, начиная с апреля месяца 1917 г. ...нанял людей для участия в большевистских демонстрациях... Степин был агентом Ленина»³⁷⁵.

Далее он говорит, что 3 июля, около 6 часов вечера, Степин попадает на удочку агента контрразведки Савицкого и сообщает ему, что «он первый человек» у Ленина, что последний ему во всем доверяет и сам дает деньги. Савицкий видел в шкафу у Степина много денег в мелких купюрах по 5–10–25 рублей³⁷⁶ для раздачи рабочим, солдатам и матросам. Никитин сообщает также, что у некоторых солдат, особенно у матросов, арестованных после июльского восстания, «мы находили... десятирублевки немецкого происхождения с двумя подчеркнутыми цифрами»³⁷⁷

³⁷⁴ Немецко-Большевистская Конституция. С. 7–9.

³⁷⁵ Никитин Б. Указ. работа. С. 68.

³⁷⁶ Там же. С. 105–106.

³⁷⁷ Там же. С. 107.

(речь шла о фальшивых деньгах, которые печатались в Германии и через Финляндию переправлялись в Россию).

Особый контроль, который был установлен контрразведкой на участке Петроград – Выборг – Торнео, вскоре дал свои плоды. Никитин пишет, что «в первых числах июня Переверзев сообщил мне, что ему удалось получить сведения при посредстве одного из членов центрального комитета большевиков, что Ленин сносится с Парвусом письмами, отправляемыми с особыми нарочными»³⁷⁸. По словам Никитина, на станциях Выборг и Торнео и по всей линии было усилено наблюдение; стали обыскивать всех приезжавших и переходивших границу.

«Не прошло и недели такого наблюдения, – пишет Никитин, – как в Торнео при обыске было обнаружено письмо, адресованное Парвусу. До конца июня таких писем было доставлено еще два. Все они, написанные одним и тем же почерком, очень короткие... Подпись была настолько неразборчива, что даже нельзя было прочесть приблизительно. Содержание писем весьма лаконично, без всякого вхождения в какие-либо детали. В них просто приводились общие фразы, вроде: «**работа продвигается очень успешно**»; «**мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы**»; «**будьте осторожны в письмах и телеграммах**»; «материалы, посланные в Выборг, получил, необходимо еще»; «присылайте побольше материалов» и «**будьте архисторожны в сношениях**» и т.п.³⁷⁹ (выделено мной. – А.А.). «Имея так много указаний, – продолжает Никитин, – установить автора писем было совсем недолго. Не надо было быть графологом, чтобы положить рядом с письмами рукопись Ленина, признать везде одного и того же автора»³⁸⁰.

Бесспорно, сведения, приводимые в воспоминаниях бывшего начальника петроградской контрразведки, весьма интересны. Однако, являясь своеобразным источником познания исторического процесса, мемуары особенно нуждаются в критическом анализе с тем, чтобы выяснить, насколько следует им доверять и в какой степени можно использовать. Задача довольно сложная и ответственная. В ряде случаев так и не удалось уточнить некоторые факты. Например, не имея протоколов допроса Степина и письменных докладов агентов контрразведки, трудно установить, действительно ли Степин 3 июля, около 4 часов дня, был в доме Кшесинской, как об этом пишет Никитин. Однако анализ воспоминаний в целом показал, что они написаны на основе документальных материалов, причем добросовестно, без тенденциозности. Например, Никитин пишет, что поскольку прапорщик Ермоленко «кроме голословных заявлений, не дал ничего, то все обвинение (в измене большевиков. – А.А.), построенное на его показаниях, по справедливости осталось неубедительным»³⁸¹. Никитин также признает ошибку капитана Снегиревского, который при аресте 9 июля Овсия Моисеевича Нахамкеса³⁸² забывает поставить на ордере число и тем самым дает последнему основание не подчиниться представителю правоохранительных органов. Наконец, приведенные Никитиным сюжеты наблюдения за А.М. Коллонтай на линии Петроград – Выборг – Торнео, полностью подтверждаются рассказами самой Коллонтай.³⁸³ Эти и многие другие факты дают основание считать книгу Б. Никитина достоверным источником.

И всё же воспользуемся плодами многолетних поисков и предоставим читателю возможность ознакомиться с секретным документом, перехваченным российской контрразведкой, который, очевидно, давал правоохранительным органам Временного правительства право на арест Нахамкеса (Стеклова), подозреваемого в антигосударственной деятельности:

«Берлин, 14 июня 1917 г. Господину Ниру в Стокгольме. В Ваш адрес через господина И. Рухзергена переведены 180'000 марок во время своей поездки в Финляндию, остальная же сумма поступает в Ваше распоряжение на агитацию против Англии и Франции. Сообщаем, что присланные письма Молянина³⁸⁴ и Стеклова нами получены и будут обсуждены. С уважением **Парвус**»³⁸⁵ (выделено мной. – А.А.).

³⁷⁸ Там же. С. 108.

³⁷⁹ Там же. С. 109.

³⁸⁰ Там же. С. 110.

³⁸¹ Там же. С. 54.

³⁸² Нахамкис (Стеклов) О.М. (1873–1941) – участвовал в социал-демократическом движении с 1893 г., со II съезда РСДРП(б) перешел к большевикам. После октябрьского переворота – редактор газеты «Известия ВЦИК».

³⁸³ См.: «Каторга и ссылка». 1927. С. 25–32.

³⁸⁴ Личность не установлена.

Приведенный документ прямо доказывает связь Стеклова с агентом германских развед-органов – Парвусом.

Теперь рассмотрим три письма, которые были изъяты при обыске граждан в Торнео, обратив особое внимание на выделенную мной фразу. Никитин, цитируя отрывки из этих писем, назвал их автора. Но он прекрасно понимал, что для установления истины нужен следственный эксперимент. Иными словами, необходимо было сравнить эти письма с другими письменными источниками, принадлежащими подозреваемому лицу. А такой возможности в тот момент у Никитина может быть не было, поскольку подозреваемый, Ленин, находился в бегах. Сегодня автора тех писем можно назвать безошибочно.

Известно, что Ленин к многим словам весьма часто прибавлял приставку «архи». Например, «архискверный Достоевский»³⁸⁶. С учетом данной привычки Ленина начался долгий и утомительный поиск. В одном лишь 49-м томе его трудов обнаружилось множество слов с этой приставкой (более 50-ти): «архиоппортунист», «архимерзость», «архисущественный», «архиосторожным», «архитрудно», «архиважно», «архиполезно», «архинадежными», «архидружественными», «архидоверчиво», «архискудный», «архиинтернациональное», «архисложное», «архиинтересное», «архикороткое», «советую быть архиосторожным», «надо быть архиосторожным»... и наконец: **«Будьте архиаккуратны и осторожны в сношениях»**³⁸⁷.

А теперь сравним эту последнюю фразу, взятую из письма Ленина Ганецкому и Радеку от 12 апреля 1917 года, с фразой из письма, адресованного Парвусу. Думается, нужды в комментариях здесь нет.

Вот только непонятно, для чего Ленину понадобилось после июльских событий устраивать комедию и писать опровержения, в которых он начисто отрешивался от Парвуса, называя его «рenegатом»?

Еще в статье «У последней черты», опубликованной в ноябре 1915 года, он писал: *«Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции... защищает немецких оппортунистов с невероятно наглым и самодовольным видом... он лижет сапоги Гинденбургу... «Колокол» г-на Парвуса – орган рenegатства и грязного лакейства в Германии»*³⁸⁸.

Это на словах. На деле же Ленин с протянутой рукой просит «рenegата», «шовиниста», «агента германского империализма» и «спекулянта» Парвуса: *«присылайте побольше материалов»*, то есть денег для оплаты государственного переворота в России, и при этом советует быть **архиаккуратным и осторожным в сношениях**.

Как известно, Ленин отрешивался и от Суменсон, которая также числилась в списке немецких агентов и была арестована 5 июля. Любопытную информацию сообщает Никитин в этой связи: *«Доказательства измены остались в банковских книгах. Упомянутая в газетах Суменсон подтвердила наши предположения больше, чем мы ожидали»*³⁸⁹. Вот эти банковские книги, о которых идет речь в документе № 1, и были изъяты из банка в Стокгольме и переданы «тов. Мюллеру... из Берлина».

Теперь, когда многие вопросы прояснились, необходимо вновь вернуться к документу № 1. Как видим, большевистские комиссары делали все возможное, чтобы упрятать факты, разоблачающие их вождей в измене Родине. Но против них выступает весьма серьезный документ № 2 от 12 февраля 1918 года. Значение этого документа трудно переоценить. Дело в том, что на нем имеются пометки и подписи Скрипника³⁹⁰ и Горбунова³⁹¹. Эти две подписи работников аппарата СНК являются неопровержимым доказательством тайных связей большевиков во главе с Лениным с германскими властями и их агентурно-разведочными службами и подтверждают достоверность документа № 1.

³⁸⁵ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 6.

³⁸⁶ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 295.

³⁸⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 23, 37, 65, 66, 78, 86, 156, 163, 199, 201, 209, 212, 224, 245, 277, 326, 339, 340, 344, 348, 363, 364, 365, 376, 377, 421, 438, 443...

³⁸⁸ Там же. Т. 27. С. 82–83.

³⁸⁹ Никитин Б. Указ. работа. С. 110.

³⁹⁰ Скрипник Н.А. (1872–1933) – член партии с 1898 г., активный участник октябрьского переворота. С 1917 г. на государственной и партийной работе в Петрограде; народный комиссар внутренних дел УССР, член Президиума ВУЦИК, член ЦК КП(б)У, народный комиссар просвещения УССР.

³⁹¹ Горбунов Н.П. (1892–1938) – член большевистской партии с 1917 г., секретарь председателя СНК РСФСР, с 1920 г. управляющий делами СНК РСФСР и СТО.

Документ 2

«Секретно

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров. 12 февраля 1918г.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометками и штемпелями Петербургского Охранного Отделения представляют собою подлинные приказы Имперского Банка за № 7433 от 2 Марта 1917 года об открытии счетов г.г. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира, по ордеру Имперского Банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

Начальник Отделения

Адъютант»

И тем не менее, на мой взгляд, целесообразно вновь обратиться к документам № 11 и № 12 из «Сводки Российской контрразведки», рассмотренным в 8-й главе. В первом документе (№ 11), как известно, говорится, что «со счета «Дисконто-Гезельшафт» списано на счет г. Ленина в Кронштадте 315 000 марок». Датирован сей документ 18 июня 1917 года, то есть за две недели до июльского путча большевиков. Во втором документе (№ 12), датированном 12 сентября того же года, отмечается, что «207 000 марок по ордеру Вашего господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены». Обе секретные телеграммы подписаны немецким представителем в Стокгольмском «Ниа-Банке» Свенсоном. И в действительности, деньги были получены доверенными людьми Ленина. И этот факт подтверждается не только секретными документами, перехваченными русской разведкой и «сиссоновскими документами» № 1 и № 2, но также свидетельствами Козловского, Суменсон, Никитина, Фофановой, наконец, самим Лениным. И не надо быть юристом или банковским чиновником, чтобы понять, что только при наличии счета у Ленина можно было производить такую банковскую операцию, как та, содержание которой приведено в документе №12.

В ноябре–декабре 1917 года в адрес советского правительства поступило еще 10 писем различного характера. Так, 1 ноября 1917 года Генштаб через германское Разведочное Отделение в Петрограде направил письмо в СНК (документ № 21) с просьбой сообщить «*тщательно проверенные сведения о количестве запасов боевого снаряжения в следующих пунктах: Петроград, Архангельск, Владивосток, Казань, Тифлис...*», требуя также «*указать количество и место хранения доставленных из Америки, Англии и Франции боевых припасов и те войсковые части, которые несут охрану военных складов*»³⁹². Подлинность этого документа несложно доказать: его так же, как и документ № 5, подписали О. Рауш и Ю. Вольф, и идентичность подписей легко может установить графологическая экспертиза. В письме от 19 ноября (документ № 6) германский Генштаб извещает СНК, что в распоряжение советского правительства направляются «в качестве военных консультантов и опытных боевых офицеров» 8 человек, с указанием их фамилий и воинских званий. Указанным лицам предписывалось **отобрать из русского плена немецких офицеров**, которые так же должны были находиться «*в полном распоряжении Русского Правительства, как это было установлено на совещании в Стокгольме при проезде гг. Ленина, Зиновьева и др. в Россию*»³⁹³. Документ подписан О. Раушем и Ю. Вольфом. Но это еще начало доказательства подлинности документа № 6. Среди восьми офицеров, направленных в распоряжение большевистского правительства, значатся майоры Эрих (Егоров) и Андерс (Рубаков), которые с помощью М.В. Фофановой и Эдгара Сиссона уже расшифрованы и опознаны, но они в плену не находились (этот сюжет обстоятельно рассмотрен в 8-й главе). Но этим не завершается анализ документа № 6, а, напротив, начинается. И самым интересным в его исследовании является то, что он получает официальное подтверждение советскими источниками. Судите сами: только в Барнаульском отряде ЧК служило 160 немцев, отобранных из числа бывших военнопленных.³⁹⁴

При содействии германского военного командования осуществлялась вербовка немецких солдат и офицеров в Красную Армию. Так, председатель Орловского губисполкома и губкомитета партии Волин по прямому проводу 29 ноября 1918 года сообщал Ленину о полученных им с Украины сведениях: «...*Вербуем добровольцев (?) германской армии в Красную Армию... Наши представители гарантированы от опасности, находятся под охраной немцев...*»

³⁹² *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 15.

³⁹³ Там же. С. 10–11.

³⁹⁴ «Красная книга ВЧК». Т. 2. С. 140.

(выделено мной. – А.А.) Выслушав Волина, Ленин посоветовал предложить немецким солдатам «немедленный союз с нами для быстрого восстановления Советской власти на Украине и для заарестования не только белогвардейцев, но и радовцев»³⁹⁵ (сторонников самостоятельного украинского государства. – А.А.).

Можно понять большевистских правителей, пополняющих свою армию военнопленными австро-венгерской, немецкой и турецкой армий, а также китайскими волонтерами. Дело в том, что россияне неохотно шли на братоубийственную войну. Более того, имели место массовые переходы частей Красной Армии на сторону «противника». Причем такие факты отмечены во все периоды гражданской войны, и даже в ее конце. В эти годы из Красной Армии ежемесячно дезертировали до 200 тысяч человек.³⁹⁶ Так, в телеграмме Сталина Ленину и Склянскому из Петрограда от 30 мая 1919 года говорится, что «*третий Петроградский полк перешел на сторону противника*»³⁹⁷. А в телеграмме с Юго-Западного фронта³⁹⁸ от 16 июня 1920 года, направленной в Москву, сообщается о переходе галицких войск на сторону противника.³⁹⁹ В Москве была создана так называемая международная Красная гвардия для охраны правительственных учреждений, в которую входили и немцы, и австро-венгры.⁴⁰⁰ В составе Красной Армии на командных постах было множество немецких и австрийских офицеров. Например, начальником штаба Актюбинского фронта был австрийский офицер Шпрайцер. Помощником командующего Забайкальским фронтом – немецкий офицер Зингер. Командующий 11-й армии – Геккер и многие другие. Был взят курс на формирование из военнопленных более крупных войсковых подразделений в составе Красной Армии. Об этом свидетельствует телеграмма Ленина председателю Сибревкома от 13 января 1920 года:

«Формирование немецко-венгерской дивизии из стойких и дисциплинированных элементов крайне целесообразно. Если возможно, желательно создание кавалерийской немецко-венгерской части, бригады, – если нельзя дивизии...»⁴⁰¹

Мне думается, что принимаемые решения и меры советского правительства абсолютно точно объясняет генерал Гоффман: «*Большевики боятся, что им не удастся без помощи немцев удержаться против Антанты и преодолеть внутреннее недовольство, в особенности крестьян*»⁴⁰² (выделено мной. – А.А.).

Военное командование позаботилось, чтобы пехотный строевой устав был в срочном порядке переведен на немецкий и венгерский языки.⁴⁰³ А «интернационалистов» было откуда брать: в русском плену на 1 сентября 1917 года было 2,1–2,2 млн. солдат и офицеров Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, из которых 186 347 человек составляли немцы и 1 876 038 человек – австро-венгерские пленные.⁴⁰⁴ Подобные факты содержатся и в документе № 35, который будет приведен ниже.

Документ № 36 от 28 ноября проливает свет на совместные согласованные действия германского, австро-венгерского и русского командования, указывает конкретных лиц от Советов, участвующих в этом «триумvirате» – Чудновский, Боярский, Пятаков, Губарский.⁴⁰⁵

Интересная информация содержится в письме «Нахрихтен Бюро» от 4 декабря (документ № 49). Немецкие разведорганы дают в Народный комиссариат по Военным делам список лиц российского происхождения, находящихся «на службе Германской Разведочной части». В указанном списке: Сахаров, Тер-Арутюнянц, Жук, Ильинский, Занько, Ярчук, Головин, Чернявский, Постников, Трушин, Шнейерман, Гаврилов. В письме сообщается также, что «все озна-

³⁹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 213.

³⁹⁶ Pipes Richard. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York: Vintage books.1995. P.60.

³⁹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 6271.

³⁹⁸ Командующий А.И. Егоров, член Реввоенсовета И.В. Сталин.

³⁹⁹ Там же. Д. 3574.

⁴⁰⁰ «Руль». 1921. 1 марта.

⁴⁰¹ *Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне СССР*. Сборник документов. Т. IV. М., 1968. С. 91.

⁴⁰² Гоффман Макс. Указ. работа. С. 262.

⁴⁰³ *Интернационалисты-трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики*. Т. 11. М., 1969. С. 234.

⁴⁰⁴ Там же. Т. 1. С. 15.

⁴⁰⁵ *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 20.

ченные лица находятся на постоянном содержании от Разведывательного отделения Германского Генерального Штаба»⁴⁰⁶.

Если учесть, что большинство из приведенных в документах № 36 и № 49 личностей относились к большевистской организации (Сахаров, Тер-Арутюнян, Чудновский, Постников, Пятаков и другие), и все они, плюс анархист Жук, были активными участниками июльского и октябрьского контрреволюционных мятежей, то нет оснований ставить под сомнение эти документы. Тем более что на них имеются «автографы» известных нам лиц.

Весьма срочное письмо от 9 декабря «Нахрихтен Бюро» адресовано Троцкому. Этот документ настолько серьезен, что следует привести его полностью.

Документ 35

«Г.Г. С., Нахрихтен Бюро, Секцион Р, № 181.

В. Срочно

9 декабря, 1917 г.

Г. Народному Комиссару по Иностранным Дела:

Согласно Вашему поручению. Разведочным Отделением 29 Ноября был командирован в Ростов майор Фон-Бельке, установивший там разведку за силами Донского Войскового Правительства. Майором был организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием: г.г. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольников, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму. Майор Ф. Бельке принял участие в командировании, но сбивчивые распоряжения официального командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга агенты убить ген. Каледина, Алексеева и Богаевского оказались трусливыми и не предприимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения ген. Каледина с англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор Ф. Бельке с паспортом финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете Председателя Совета в 10 час. вечера.

За Начальника Отделения:

Р. Бауер.

Адъютант: М. К. (?)

Примечание. Это является хладнокровным раскрытием германо-большевистского плана убийства Каледина и Алексеева, а также доказательством того обстоятельства, от которого так часто отрекался Смольный зимой, а именно, что Германские военнопленные были вооружены в качестве русских солдат для борьбы против русских националистов на Дону. Письмо также содержит полный список участников Июльского Конспиративного Совещания в Кронштадте. Замечание на полях против параграфа, говорящего об убийстве: «Кто их послал?» – написано неизвестным почерком. Майор фон-Бельке – немецкий офицер, о котором говорится в документе № 5. Его шифрованная подпись – Шотт.

Имею фотографию письма»⁴⁰⁷ (выделено мной. – А.А.).

Невозможно не согласиться с комментарием Сиссона. Тем более что агентурная и предательская деятельность большевиков в пользу Германии на документальной основе была уже аргументированно доказана выше. Что же касается трюков с переодеванием немцев в русскую солдатскую и матросскую форму для осуществления диверсионных операций, то об этом широко известно, и сюжеты подобного рода метаморфоз были описаны в 8-й главе. Кстати, в своей статье, опубликованной в «Известиях» 16 сентября 1922 года, Подвойский, Раскольников и Ягода пишут, что в период нахождения в Кронштадте в июле 1917 года Ленин также носил матросскую форму и в течение двух недель укрывался в кочегарках кораблей Балтийского флота.

С грифом «Весьма секретно» Петроградское Разведывательное Отделение германского Генерального штаба направило письмо в ВЧК. Этот документ со всей наглядностью показывает, как рука об руку работали чекисты Дзержинского и «Нахрихтен Бюро»:

Документ 25

«Г.Г.С., Нахрихтен Бюро, Секцион Р, № 168

(Весьма секретно) 17 декабря, 1917.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией.

⁴⁰⁶ Там же. С. 28.

⁴⁰⁷ Там же. С. 20.

Разведочное Отделение на запрос Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 17 декабря имеет честь сообщить список наблюдателей за миссиями союзных России государств.

За Великобританским Посольством – германские разведчики: Люце, Тельман, Поссель, Франц и Гезель; русские агенты: Овсянников, Глушенко и Балясин.

За Французским Посольством – германские разведчики: Сильвестр, Бутц, Фольгаген; русские агенты: Балашов, Турин, Гаврилов, Садовников и Шило.

За Посольством С.А.А.Штатов – германские разведчики: Штром, Бухгольц, Фаснахт, Турпер; русские агенты: Шпитцберг, Сокольницкий, Тарасов и Вавилов.

За Румынской Миссией – германские разведчики: Суттпер, Байдер и Вольф; русские агенты: Куль, Никитин, Золотое и Архипов.

За Итальянским Посольством – австрийские разведчики: Кульдер, фон Гезе, Гойн и Бурмейстер; русские агенты: Салов, Алексеевский, Кузмин.

Означенные Агенты должны исполнить все поручения миссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, погромами и пр.

Начальник Отделения: Агасфер.

Примечание. Немец, майор Любертс (Агасфер, см. док. № 5), поэтому являлся лицом, которое держало в течение всей зимы в качестве заложников всех послов союзных государств в России. Приведенные выше имена нельзя было проверить по крайней мере в Британском и Американском Посольствах. Все они могли быть наружными наблюдателями. Метод наружного наблюдения показан в документе № 27.

Имею фотографию письма»⁴⁰⁸.

Заметим, с какой оперативностью отреагировали немецкие разведорганы на запрос ВЧК. А то, что немецкие разведорганы и ВЧК работали рука об руку, говорит также документ № 38, под которым стоит личная подпись Залкинда, но почему-то заменена первая буква имени.

Не может не удивить текст да и само обращение ответственного сотрудника СНК РСФСР к представителю Германского Разведочного Отдела. Как видим, они уже стали «товарищами», совместно работающими на Германию.

Документ 38

«Комиссар по борьбе с Контр-Революцией и Погромами,
Декабря, 14-го дня. 1917 г.

Майору Фон-Бельке:

Многоуважаемый Товарищ. Довожу до Вашего сведения, что наши финские товарищи Рахья, Пукко и Энрот сообщили Комиссару по борьбе с контрреволюцией о следующих фактах.

Между английскими офицерами и финскими буржуазными организациями завязаны тревожащие нас связи.

В Финляндии установлены две радиостанции, которыми пользуются неизвестные лица, сообщающиеся шифром.

Между ген. Калединым и Американской Миссией существует несомненная связь, о чем нами получены точные сведения от Вашего источника, а потому необходим особо тщательный надзор за Американским Посольством.

Эти показания следует точно установить. Наши агенты безсильны.

Простите, что пишу на официальной бумаге, но спешу сделать это, сидя здесь в комиссии на экстренном заседании.

Готовый к услугам: Ф. Залкинд.

Примечание. В верхней части письма стоит заметка: «Комиссар по Иностранным Дела. Прошу точных инструкций. Шотт». Вопрос исходит от фон-Бельке и подписан его шифрованным именем (см. док. № 5). Письмо, может быть, означает, что Бельке, по мнению его хорошего друга Залкинда, знал способ внутреннего наблюдения за Американским Посольством.

Имею фотографию письма».⁴⁰⁹

На этом документе следует несколько остановиться, и вот почему. Дело в том, что «финские товарищи Рахья, Пукко и Энрот» попали в этот документ не случайно. Сепаратистские тенденции среди населения Финляндии наблюдались почти на протяжении всего периода ее вхождения в состав Российской империи. С началом мировой войны они еще больше усилились. Большевики подогрели эти чувства финнов, обещая после прихода к власти признать

⁴⁰⁸ Там же. С. 16.

⁴⁰⁹ Там же С. 24

независимость Финляндии. В этом вопросе позиция немцев и большевиков совпадала, и они всячески пытались использовать патриотические силы Финляндии в своих интересах. Документ⁴¹⁰, который приводится ниже, один из примеров использования финнов в борьбе против Российского государства.

«Циркуляр 23 сентября 1917 г.

Генеральный штаб военным наблюдателям на русско-шведской границе.

Предлагается Вам немедленно на вербовать из финнов, пожелавших поступить в ряды Германской Армии, агентов истребителей и направить их в Петроград и на все железнодорожные узловые пункты для выполнения программы, врученной им военным агентом.

Подписал: Генеральный Советник Армии Д-р Фишер»⁴¹¹.

Остается добавить, что Рахья, неоднократно упоминаемый в данной книге, вплоть до октябрьского переворота выполнял обязанности телохранителя и подручного Ленина.

В очередном письме от 20 декабря (документ № 18) «Нахрихтен Бюро» просит НКВД ускорить отправку агитаторов в лагеря для русских военнопленных в Германии с целью вербовки из их числа добровольцев отправиться в английские и французские войска для пропаганды мира в пользу Германии.⁴¹²

Должен отметить, что эту политическую акцию немцы развернули задолго до того, как США вступили в войну против австро-германского блока. Дальновидные немецкие политики понимали, что Германия может потерпеть полный крах в борьбе с Антантой. Они ясно видели, что ресурсы подходили к концу. Поэтому немецкая дипломатия, особенно с начала 1917 года, делала все возможное, чтобы приблизить мир для Германии, не жалея на это средства. Она, как мы увидим из приведенного ниже документа, прибегала к помощи русских эмигрантов, независимо от их партийной принадлежности:

«Председатель Рейнско-Вестфальского промышленного синдиката Кирдорф Центральной конторе «Хиа-Банкен» в Стокгольме, Председателю «Дисконто-Гезельшафт» в Стокгольме Свенсену-Бальцеру и представителю «Дейче-Банк» в Швейцарии г. Кирх.

Рейнско-Вестфальский угольно-промышленный синдикат поручает Вам располагать известным Вам счетом синдиката на предмет поддержки русских эмигрантов, желающих вести агитацию среди русских военнопленных и русской армии.

Подписал: Кирдорф».

Примечание.⁴¹³ Письмо это фигурировало дважды: в перехваченной переписке кн. Бюло... Луг...но,⁴¹⁴ а затем в делах швейцарских офицеров, обслуживающих германский генеральный штаб»⁴¹⁵.

Но этим не ограничивалась деятельность германской дипломатии, пытавшейся во что бы то ни стало добиться сепаратного мира России с Германией и тем самым спасти положение, в котором она оказалась. Весной 1917 года германская дипломатия для этой цели использовала вождей так называемой немецкой социал-демократии (Филипп Шейдеман, Эдуард Давид и другие). Последние принялись за работу по созыву в Стокгольме международной конференции, рассчитывая на ней склонить русских социалистов-революционеров к сепаратному миру с Германией. И хотя этот маневр немецкой дипломатии сорвался, тем не менее сохранился перехваченный российской контрразведкой документ, указывающий на то, что большевики и эсеры сотрудничали с немцами в этом вопросе и, более того, их деятельность материально обеспечивалась немецкими банками.

«Женева, 15 июня 1917 г. Господину **Фюрстенбергу**, в Стокгольме.

М.Г. (Милостивый Государь. – А.А.). Довожу для сведения и надлежащей регистрации, что по требованию господина **Каца**⁴¹⁶ на предмет издания максималистских брошюр выдано со счета

⁴¹⁰ Он также был перехвачен Российской контрразведкой, что еще раз доказывает достоверность «документов Сиссона».

⁴¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 4.

⁴¹² *Немецко-Большевицкая Конституция*. С. 15.

⁴¹³ Российской контрразведки.

⁴¹⁴ Прочсть эти два слова не удалось.

⁴¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 52. Л. 4.

синдиката 32'000 франков. Получение брошюр, номер накладной и время получения сообщите телеграммой на имя Деннера.

(Подпись) С уважением Крик-Дейч-Банк»⁴¹⁷

(выделено мной – А.А.).

Этот документ, помимо уже сказанного выше, свидетельствует и о сотрудничестве большевиков с эсерами. Как видим из текста, Фюрстенберг и Кац находятся в одной упряжке, управляемой немцами. Те и другие делали все возможное, чтобы подорвать военно-экономическую мощь России и довести ее до поражения в войне. Кстати, этой же тактики придерживались и большевики, и эсеры в период русско-японской войны.

Хищническая политика германских банкиров отражена в документе № 11. Немецкие финансовые воротилы ставят большевикам, а точнее, народам России, кабальные условия, которые, по их мнению, должны были быть приняты советскими лидерами после подписания Брестского мира.

Документ 11

«Рейхсбанк, № 12378. Берлин.

Циркуляр, напечатанный по-русски.

/Копия/

РЕЗОЛЮЦИЯ

Совещание Представителей Германских Коммерческих Банков, созванное по предложению германской делегации в Петербурге, Дирекцией Имперского Банка для обсуждения резолюций Рейнско-Вестфальского промышленного Синдиката и Гандельстага.

28-го декабря, 1917 г., Берлин.

Аннулируются все займы, облигации коих, находящиеся в руках германских, австрийских, болгарских и турецких держателей, подлежат, однако, реализации российским казначейством после заключения сепаратного мира в течение 12-ти месячного срока.

Допускается покупка всех русских государственных фондов и дивидентных бумаг представителями Германских Банков по курсу дня в вольной продаже.

После заключения сепаратного мира, по истечении 90-дневного срока, восстанавливаются все акции частных железнодорожных обществ, металлургических предприятий, нефтяно-промышленных компаний и химико-фармацевтических заводов. Примечание. Котировку таких акций принимают на себя биржи Германии и Австро-Венгрии.

Упраздняются и в течение пяти лет со дня мирного договора между Россией и Германией не допускаются английский, французский и американский капиталы в следующие предприятия: каменно-угольные, металлургические, машиностроительные, нефтяные, химические и фармацевтические.

По вопросу о развитии в России каменно-угольной, нефтяной, и металлургической отраслей промышленности учреждается высший совещательный орган в составе 10 специалистов от России и 10 от германских промышленных организаций и германских и австрийских банков.

Российское Правительство не должно вмешиваться в область вопросов, связанных с отчуждением в пользу Германии двух горно-промышленных округов в Польше – Домбровского и Олькушского, и в пользу Австро-Венгрии – нефтяного района в Галиции. Отчуждение последнего поднимается лишь в форме ограничения права заявок, отводов и приложения капитала к добыче и обработке нефти.

Германия и Австро-Венгрия пользуются неограниченным правом ввоза в Россию своих техников и квалифицированных рабочих.

Другие иностранные техники и рабочие в течение пяти лет после заключения мира с Германией вовсе не должны быть допускаемы.

Статистический Отдел добывающей и обрабатывающей промышленности при соответствующем правительственном органе должен контролироваться германскими специалистами.

Частные Банки в России возникают лишь с согласия и по плану союза германских и австрийских банков, причем котировку банковских акций на всех биржах Старого и Нового Света принимает на себя группа Дейч-Банка.

В портах Петербурга, Архангельска, Одессы, Владивостока и Батума учреждаются под руководством специалистов из Германии особые статистико-экономические комитеты.

Что касается таможенной, железнодорожной тарифной политики для урегулирования русско-германо-австрийских торговых отношений, то эта сторона экономического договора обсуждается особым Тарифным Советом при Гандельстаге.

⁴¹⁶ Он же Б.Д. Камков, лидер левых эсеров.

⁴¹⁷ Там же. Л. 5.

Подписали:
Председатель: Фон-Гвиннер
Секретарь: Беренблит

Примечание. Передаточная надпись, сделанная пером на фотографической копии резолюции, такова: «Председатель Центрального Исполнительного Комитета Комиссар М. Меньшинский⁴¹⁸ просит принять к сведению эту резолюцию и подготовить почву в Сов. Раб. и Солдат. Деп. на случай, если Совет Народного Хозяйства не примет этих желаний. Секретарь Я. Раскин». Меньшинский состоит Министром Финансов. Все эти условия были направлены против американского, английского и французского капитала и могли быть скрыты в секретной части этого германорусского договора. Мне не известно, какая участь постигла эту резолюцию в том именно виде, в каком она появилась в начале зимы. Имею, кроме помеченной фотографии, еще копию с циркуляра⁴¹⁹.

Документ № 11 весьма серьезный во всех отношениях. Но по объективным причинам Сиссон не мог дать развернутого комментария. В качестве же замечания должен сказать, что он обязан был заметить дезинформационную запись, сделанную на документе Я. Раскиным. Дело в том, что Менжинский не был Председателем ЦИК. А теперь по существу самого документа.

Уехав на родину в США, Э. Сиссон, естественно, не мог знать о судьбе Резолюции Рейхсбанка № 12378 от 28 декабря 1917 года. Но этот пробел в работе вдумчивого дипломата уже восполнен. Из 9-й главы читатель знает, что все пункты Резолюции и прочие требования Германии были не только выполнены большевистским правительством, но и перевыполнены. Достаточно вспомнить, что, кроме грабительского Брестского договора, 27 августа 1918 года был подписан к нему дополнительный русско-германский договор, состоящий из территориального и финансового соглашений. По последнему Россия обязывалась уплатить гибнувшей под ударами Антанты Германии 6 млрд. марок, из них около 450 кг (!) золотом на сумму около 2,5 млрд. марок. Это был настоящий грабеж России, который осуществлялся руками Ленина. За Германией сохранялась оккупированная территория площадью более 1 млн. кв. км...

Следует отметить, что Германия в счет репарации расплачивалась с Францией русским золотом. Вот что в этой связи писала берлинская газета русских эмигрантов «Накануне» 11 июня 1922 года:

«Сенатор Баден Виллен обратился к министру финансов (Франции. – А.А.) с письменным запросом относительно 400 млн. рублей золотом, которые были уплачены Германии на основании Брест-Литовского договора. Сенатор желает знать, что случилось с этой суммой. Находится ли эта сумма все еще в банке Франции? Не было ли допустимым употребить эту сумму на уплату части процентов, следуемых французским держателям русских займов?»

Беспрецедентный случай: два государства, входящие в Антанту (Англия и Франция), получают от побежденной Германии контрибуцию, а третье государство – Россия, наоборот, обязывается платить контрибуцию Германии.

Думается, нет необходимости вновь приводить факты, изложенные в предыдущей главе. Следует сказать о другом: собранная Сиссоном информация заслуживает доверительного отношения.

Документ, который приведен ниже, имеет чрезвычайно важное значение для изучения политики большевиков в период мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске. В советской историографии эти события целиком фальсифицированы. В роли предателя России представлен один Троцкий, который своей формулой «ни мира, ни войны» якобы поставил советскую власть перед угрозой гибели, а «благодетель» Ленин «разоблачал» (?) «авантюристическую и гибельную для советской республики тактику Троцкого». По сути, был разыгран своего рода политический спектакль, в котором каждый большевистский руководитель имел свою роль в соответствии со сценарием, расписанным германскими политиками.

Документ 37-А
«№ 771. ДЕЛО МИРНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.
(Секретно)
Брест-Литовск,

⁴¹⁸ Здесь и ниже читать – Менжинский.

⁴¹⁹ Немецко-Большевистская Конспирация. С. 12.

31-го декабря, 1917 г.

В Совет Народных Комиссаров:

Товарищ Л. Троцкий поручил мне довести до сведения Совета Народных Комиссаров мотивы его телеграфного предложения арестовать Румынского дипломатического Представителя в Петербурге.

Генерал Гофман, ссылаясь на совещание, которое имело место в Брест-Литовске между членами Германской и Австро-Венгерской делегаций 29-го Декабря, представил Русской Делегации от имени Германского и Австрийского Верховного Командования (в связи с этим была представлена расшифрованная радиотелеграмма) конфиденциальное требование относительно немедленного побуждения Румынской Армии признать необходимость перемирия и принимать условия демократического мира, выработанные Русскими Делегатами.

Непреклонность Штаба и всего командного состава Румынской Армии, о которой Верховное Командование Германской Армии получило самые точные агентурные сведения, портит прекрасное впечатление, произведенное в Германии и на всех фронтах русским предложением мира, которое дало возможность снова стимулировать общественное мнение против Англии, Франции и Америки, и эта непреклонность может привести к таким нежелательным и опасным осложнениям в вопросе о мире, что Германская армия перейдет на нашем фронте в атаку и что территории, занятые в России, будут аннексированы.

Генерал выразил мнение, что против мира могут быть казаки, некоторые украинские полки и кавказская армия и что в таком случае эти последние соединятся с Румынскими Армиями, что, согласно сведениям, имеющимся в Германском Штабе, входит в расчеты Каледина и Алексеева.

В интересах Германской и Австрийской Делегаций в высшей степени важно, чтобы в том, что касается заключения перемирия и принятия условий сепаратного мира между Россией и Германией, существовало полное согласие, ибо в данном случае Германское и Австрийское Верховные Командования предложат Румынии свои условия мира и будут иметь возможность возобновить свои операции на Западном фронте в очень большом размере; в то же самое время генерал Гофман в течение разговора с товарищем Троцким дважды намекнул на необходимость немедленного начала этих военных операций.

Когда тов. Троцкий заявил, что Совет не имеет никакой возможности повлиять на Румынский Штаб, то генерал Гофман указал на необходимость посылки надежных агентов в Румынскую Армию и на возможность ареста Румынской Миссии в Петрограде и на возможность принятия репрессивных мер против Румынского Короля и Румынского командного состава.

После этого интервью, тов. Троцкий по кабелю предложил арестовать Румынскую Миссию в Петербурге со всеми ее членами. Этот доклад посылается со специальным курьером, тов. И.Г. Бросовым, который имеет лично передать Комиссару Подвойскому некоторые сведения секретного характера относительно посылки в Румынскую Армию тех лиц, имена которых тов. Бросов сообщает. Содержание этим лицам будет уплачено из наличности Германского «Нафте-Индустриал Банк», который купил в окрестностях Бореслава предприятие Соединенной Акционерной Компании «Фанто и К». Главное управление этими агентами было доверено, согласно указанию генерала Гофмана, некоему Вольф Вонигель, который наблюдает за военными агентами стран, находящихся в союзе с нами. Что касается Английских и Американских Дипломатических Представителей, то генерал Гофман выразил согласие Германского Генерального Штаба на меры, принятые тов. Троцким и тов. Лазимировым, по отношению к наблюдению за их деятельностью.

Член делегации: А. Иоффе.

(Пометки на полях.)

Тов. Шишкевич: Снимите копию и пошлите Комиссару Иностранных Дел, лично тов. Залкинду.

Места, напечатанные сверху курсивом, были помечены: Сандерсу.

Доложено 4-го января относительно ареста Диаманди и других.

М. Шиткевич.

5-го Января 1918 года. – В канцелярию. Пошлите спешную телеграмму Троцкому относительно ареста Румынского Посланника. – Савельев.

Примечание. (По телеграмме Февраля 9-го). Число 12-го января (нового стиля) канун Русского Нового Года. В эту ночь Румынский Посланник был арестован в Петрограде и был освобожден только по соединенной просьбе всех посольств и миссий в Петрограде; затем он был выслан из России. Это письмо указывает, что Троцкий принял личную просьбу генерала Гофмана за приказание с его стороны. Важнее всего то, что этим срывается маска с публичных протестов Ленина и Троцкого, что они будто бы пытались препятствовать тому, чтобы мирные переговоры с Германией были сведены к военной выгоде Германии и во вред военным интересам Соединенных Штатов, Англии и Франции. Наоборот, обнаруженная здесь цель – заключается в том, чтобы помочь Германии путем возбуждения чувств против Англии, Франции и Соединенных Штатов и тем самым предоставить Германии возможность приготовиться к наступлению на Западном фронте. Приво-

дится название Германского Банка, платившего большевистским агитаторам среди Румынских солдат. Не является ли Вольф Вонигель, руководящий действиями агентов, известным в Америке Вольф фон-Игель? Сходство имен поразительное. Наконец, генерал Гофман и Германский Штаб удовлетворены наблюдением Троцкого над американскими и английскими дипломатами. Иоффе, который подписал письмо, – член Русской Комиссии Мира. С тех пор, как письмо это было написано, Залкинд уехал в Швейцарию со специальной миссией.

Примечание. (6-го июля, 1918 года). Он не доехал, так как ему не удалось проехать через Англию, и в Апреле он находился в Христиании»⁴²⁰.

К пространному примечанию Сиссона вряд ли можно что-либо добавить; документ не нуждается в дополнительной экспертизе, поскольку лицо, подписавшее его, Иоффе, является как бы своеобразным «нотариусом», подтверждающим подлинность документа. И всякая попытка доказать обратное окажется пустой тратой времени. Впрочем, это никогда не пытались делать идеологи большевиков.

С начала 1918 года «Нахрихтен Бюро» заметно активизировало свою деятельность. Это, очевидно, было связано с ухудшением положения войск германского блока на Западном фронте да и внутренним положением в Германии. В связи с этим Россия и Германия стали форсировать свои действия, связанные с подготовкой сепаратного договора. Судя по содержанию приводимых ниже документов, в январе – марте 1918 года их совместная деятельность была направлена против стран Антанты. И главными действующими лицами, осуществлявшими стратегические и тактические планы германских властей, были Ленин и Троцкий. Документ № 4 – яркое тому свидетельство.

Документ 4

«Г.Г.С. Нахрихтен Бюро, Секцион Г. № 35

17-го Января 1918 года.

В Комиссариат по Иностранным делам:

Отделением получены точные указания, что руководители господствующей теперь в России социалистической партии через г.г. Фюрстенберга и К. Радека ведут переписку с г.г. Шейдеманом и Парвусом относительно уничтожения следов деловых сношений с Имперским Правительством. Нам известно также, что эта переписка вызвана требованием руководящих групп немецких социалистов, видящих в указанных сношениях опасность для дела социализма. По поручению Штаба, имею честь просить подвергнуть этот вопрос особому обсуждению в присутствии представителя нашего Штаба г. Фон-Шенеман.

За начальника Отделения:

Р.Бауэр.

Адъютант (неразборчиво).

Примечание. Итак, мировая кара являлась очевидной для некоторых немцев. Из личностей, названных в данном письме, самая замечательная – Шейдеман, – лидер немецкого социалистического крыла, поддерживающего германское правительство. Уже раньше, однажды, его имя упоминалось в связи с «деловыми сношениями» русских большевиков с Имперским Правительством как лицо, написавшее письмо из Копенгагена в 1917 году некоему «г-ну Ольбергу», в котором заявлялось, что в контору Фюрстенберга через Хиа-Банк в распоряжение Ольберга положены 150'000 крон. В данное время, в январе месяцев, в Смольном, в Петрограде, Фюрстенберг старается помочь Шейдеману в сокрытии старых следов. Сам Радек, – ловкий польско-австрийский еврей, приехавший вместе с Лениным из Швейцарии. Вместе с Троцким он подготовил постановку публичного представления БрестЛитовского мира. Фон-Шенеман являлся уполномоченным немецким представителем при большевистском Министерстве иностранных дел. Имя его упоминается позже в документе № 5. Парвус являлся распределителем денег, предназначенных для немецкой пропаганды: главная его квартира находится в Копенгагене, и о нем установилось мнение, как о направляющей силе, действующей за спиной А. Иоффе. (О Парвусе см.: «Нью Юроп» 31 января 1918 года, с. 91–94)»⁴²¹.

Источниковедческий анализ приведенного выше документа, равно как и комментария к нему, имеет весьма важное и принципиальное значение в деле развенчания шаткой и искусственно выдвинутой американским историком и дипломатом Джорджем Кеннаном версии о том,

⁴²⁰ Там же. С. 21, 24.

⁴²¹ Там же. С. 10.

что «документы Сиссона» не являются подлинными. Попробуем еще раз опровергнуть этот вывод.

На мой взгляд, главным вопросом в определении достоверности исследуемого источника является выявление фактов, подтверждающих «деловые сношения» между большевиками и лидерами, как выразился Ленин, «таких отвратительных лакеев империалистической буржуазии, как Шейдемань, Легины, Давиды и К° в Германии»⁴²², о которых говорится в «сиссоновском документе». Должен сразу подчеркнуть, что такие факты имеются. И, как видим из комментария Сиссона, он владел такими фактами, когда готовил свой труд. Трудно сказать, по каким каналам поступала к нему информация, подтверждающая достоверность документа № 4, но то, что она действительно правдива, мы можем еще раз убедиться, используя общепринятый прием сравнительного анализа сведений источника с другими материалами, в которых отражены те же сведения.

Так из 9-й главы читатель уже знаком с документом № 16, в котором говорится, что «через Хиа-Банк на контору Фюрстенберга переводится 150 000 крон» для Ольберга. Отправлял эти средства из Берлина, как известно, Шейдеман. Известно читателю и о том, что этот документ был перехвачен русской контрразведкой еще 25 августа 1917 года, то есть раньше, чем его приобрел Сиссон. Сравнивая сведения, содержащиеся в двух разных источниках, мы обнаруживаем их полное сходство. Таким образом, мы можем говорить об идентификации информации, содержащихся в разных источниках: в документе № 16 «Сводки Российской контрразведки» и в комплекте «документов Сиссона». Это во-первых.

Из переписки Фюрстенберга, Радека и Воровского с Парвусом, которая приведена выше, также известно, что они действительно пытались замести следы тайных связей большевиков с немецкими властями и их спецслужбами. Эти факты как нельзя лучше доказывают, что комментарии Сиссона верны. Наконец, вспомним и о том, как после захвата власти большевики сожгли архив в г. Рыбинске, перевезенный по распоряжению Временного правительства из Петрограда в сентябре 1917 года, и тем самым уничтожили множество документов, которые могли бы пролить дополнительный свет на их преступную деятельность. Как видим, и тут Сиссон оказался прав, и факты, приведенные им, невозможно опровергнуть.

Факты откровенного содружества между германскими и большевистскими властями и их спецслужбами прослеживаются и в документе № 32. В нем содержится требование германских спецслужб выдать русский паспорт их агенту, который направляется на Северный фронт для наблюдения за деятельностью Начальника штаба фронта генерала Бонч-Бруевича.

В верхней части приведенного выше письма Троцкий дает указание «Запросить т. Иоффе Л.Т.». Ниже на полях читаем: «Согласно условию подлежит исполнению. А. Иоффе». Ниже неизвестный чиновник делает пометку о том, что паспорт на имя Ильина П.А. выдан.

С аналогичным требованием 26 февраля германский Генштаб обратился в СНК (документ № 43). Кроме этого, Верховное командование требовало разоружить и отозвать русскую Красную Гвардию из Финляндии. По сути дела, германские власти диктовали свою волю большевистскому правительству. Заслуживает внимания комментарий Э. Сиссона к этому документу, который полностью приводится вслед за самим документом.

«Примечание. В верхней части письма за подписью Н.Г., – инициалы секретаря Ленина Н. Горбунова, стоит приказ: «Послать⁴²³ Комиссару по Иностранным Делах и исполнить». На полях написано: «Паспорт № 211/№ 312», но, к сожалению, имя, под которым был выдан новый паспорт, не упоминается. Этот приказ объясняет отзывание русской Красной Гвардии из Финляндии в начале марта и предоставление финляндской Красной Гвардии своей собственной судьбе. Последняя, однако, позаботилась о том, чтобы разоружить русских матросов и солдат, когда они покидали Финляндию, ибо финны сами нуждались в ружьях и амуниции. При этом русские оказали в некоторых случаях сопротивление, но были окружены и обезоружены. Когда я был в Гельсингфорсе, в марте, Красная Гвардия и матросы каждую ночь перестреливались из ружей и пулеметов. Один из двух Финляндских Красногвардейских лидеров, почти наверное, Невалайнен, но при данных обстоятельствах я не могу сказать это наверное.

Приказ задержать все иностранные посольства в Красной Финляндии был дан одновременно с появлением одного из них на сцене. Причиной появления этого приказа было выставлено то обстоятельство, что иностранцы передают сведения Белой Гвардии. В то же время Белая Гвардия приложила все усилия, чтобы увеличить затруднения для прохода между линиями. Есть основание

⁴²² Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 93.

⁴²³ Правильно «переслать». (Уточнено мной. – А.А.)

приписать стараниям немцев те затруднения, которые чинились при проходе между финскими линиями с обеих сторон, так как немцы открыто оказывали помощь Белой Гвардии и в это же время вели интриги во внутренних Советах Красной Гвардии. Американская партия, припертая в Финляндии, пробралась только благодаря своей настойчивости и счастливым стечением обстоятельств. Британское Посольство прошло за день до издания приказа о закрытии границы. Французское и Итальянское Посольства принуждены были вернуться в Россию после месяца напрасных попыток выбраться.

Имею *оригинал письма* и *возвращенный паспорт*»⁴²⁴.

Рассмотренный выше документ также не нуждается в дополнительной экспертизе, поскольку на нем оставил свой автограф и личный секретарь Ленина – Николай Горбунов. А главное, все документы, содержащиеся в сборнике, были подвергнуты научной экспертизе крупными специалистами – Франклином Джеймсоном и Самуэлом Харпером еще в 1918 году. Должен заметить, что резолюции и подписи на различных документах облегчают экспертизу, связанную с работой по установлению их достоверности. В принципе лица, наложившие резолюцию на документах, берут на себя ответственность за его содержание и заданные ими указания различным чиновникам правительственного аппарата. Более того, своей подписью они удостоверяют подлинность документа.

В сборнике множество документов, к которым приложил руку Троцкий. Между тем, зная о существовании сборника, он в своих мемуарах умалчивает о компрометирующих его материалах. К их числу относится и документ № 26.

Документ 26

«Г. Г. С. Нахрихтен Бюро, Секцион Р, № 715

(Лично)

23 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела.

Согласно личных переговоров моих с г. Председателем Совета Народных Комиссаров, было решено задержать отъезд Итальянского Посольства из Петербурга и, по возможности, произвести обыск посольского багажа. Об этом решении считаю долгом известить Вас.

За Начальника Отделения:

Р. Бауер.

Адъютант

Генрих.

Примечание. Поперек верхней части письма написано Троцким – «Дать инструкции»⁴²⁵, и подписано оно его инициалами Л.Т. Здесь лаконично излагается, что германский офицер Генерального Штаба и Ленин на заседании приказали обыскать багаж посла дружественной России и воюющей с Германией страны и что Троцкий дал инструкции выполнить этот приказ. Примечание чиновника внизу дополняет картину: «передать Благодравову»⁴²⁶. (Правильно читать: «сообщить т. Благодравову». – А.А.) Последний был Комиссаром по Военному Положению в Петрограде. Поезд Итальянского Посольства был задержан в течение более 24 часов несколько дней спустя, когда Посольство старалось выехать. Товарищ Министра Иностранных Дел – Петров⁴²⁷, с явным возмущением сказал мне 2-го марта: «Итальянцы дали дипломатический паспорт посольскому повару». Таким образом, сказал он, обыск проезда был законным. Имел ли этот обыск большой успех, чем в тот раз, когда был остановлен и обыскан итальянский посол в своем автомобиле напротив Европейской гостиницы – я не слышал. В документе № 27 говорится об этом грабеже.

Имею *оригинал письма № 26*»⁴²⁸.

Не менее интересным по содержанию является документ № 13, адресованный Ленину. Он еще раз подтверждает позорную сделку большевистских вождей с немцами.

Документ 13

«В.⁴²⁹ – Секретно

⁴²⁴ Немецко-Большевистская Конспирация. С. 25.

⁴²⁵ Здесь неточность: Троцкий адресовал письмо Иоффе.

⁴²⁶ Благодравов Г.И. (1895–1937) – член большевистской партии с марта 1917 г. Участник октябрьского переворота. После прихода к власти большевиков – комиссар Петропавловской крепости.

⁴²⁷ Здесь описка: надо читать «зам. народного комиссара».

⁴²⁸ Немецко-Большевистская Конспирация. С. 16.

25 февраля 1918 г.

По донесениям нашей тайной агентуры, в отрядах, действующих против Германских войск и против Австро-Украинского корпуса, наблюдается пропаганда национального возмущения и борьбы с Немцами и их союзниками - Украинцами. Прошу сообщить, что предпринято правительством для прекращения этой вредной агитации.

Начальник Отделения
Адъютант».

Этому документу Э. Сиссон дает следующую оценку:

«Примечание. Поперек части письма написано: «Срочно. В Комм. по воен. дел. и в особ. Штаб. – А. Скрипник». Последняя фраза письма подчеркнута, и на полях отмечается вопрос с инициалами «Л.Т.». Первая пометка есть Ленинский приказ через секретаря, а вторая, по всей вероятности, может быть принята за оппозицию Троцкого каким бы то ни было действиям. Потеря Украины, вследствие противонемецкой интриги, была его больным местом; эта потеря сильно подрывала его престиж. Но это все же, по существу, несколько не уменьшило его подчинение Германии.

Имею оригинал письма»⁴³⁰.

Думается, Э. Сиссон ошибается, принимая хорошо отрепетированную дипломатическую игру Ленина и Троцкого за оппозицию последнего. Скорее всего, Троцкий не знал, что было предпринято по данному вопросу и, думается, что вопросительный знак, поставленный им на документе, адресован в свой адрес.

Секретное письмо «Нахрихтен Бюро», адресованное Председателю Совета Народных Комиссаров (см. документ № 12), – еще одно свидетельство деятельности Ленина в пользу Германии. Нет сомнения, что резолюции двух секретарей СНК – Горбунова и Скрипника были сделаны на письме по его устному указанию. Первый просит «Сообщить Мосолову», являющемуся комиссаром в штабе Северного фронта, а второй уточняет путь движения этого документа к адресату: «Передать в Комис(сию) по Воен(ным) делам». Из двух записей секретарей Ленина следует один вывод: документ, поступивший из немецких разведорганов, был принят к исполнению.

Документ 12

«Секретно.

Господину Председателю Совета Народных Комиссаров. 25 февраля 1918 г.

После совещания с Народным Комиссаром г. Троцким, имею честь просить срочно известить руководителей Контр-Разведки при Ставке – Комиссаров Фейерабенда и Кальмановича, чтобы они работали по-прежнему в полной независимости и тайне от официального Штаба Ставки и Генерального Штаба и Контр-Разведки Северного фронта, сносясь лишь с Народным Комиссаром прап. Крыленко.

Начальник Отделения
Адъютант».

Письмо Русского Отдела германского Генерального штаба (документ № 30), направленное лично Ленину, еще больше укрепляет уверенность в том, что глава советского государства и его единомышленники в рассматриваемый период целиком выполняли волю немецкого правительства.

Документ 30

«Секретно.

Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

26 февраля 1918 г.

№ 408

Отделение Штаба имеет честь просить сведения о настроении направляемых к Пскову отрядов и предостерегает от возможных печальных последствий, если в этих отрядах будет вестись патриотическая пропаганда и агитация против Германской Армии.

Начальник Русского Отдела
Германского Генерального Штаба

---

⁴²⁹ Восьма.

⁴³⁰ Там же. С. 13.

Адъютант».

К какому другому выводу можно прийти, читая резолюцию на письме, сделанную Скрипником: «Срочно: Председатель СНК просит т. Володарского⁴³¹ сообщить это агитац(ионному) отделу. Секретарь Н. Скрипник». В нижней левой части письма сделана пометка: «Ц.И.К. № 823 к докладу» и неразборчивая подпись.

Интересный комментарий к этому документу дает Э. Сиссон:

«...Посылаемые в это время в Псков отряды состояли из Красногвардейцев и рекрутов новой Красной Армии. **Псков был взят немцами без боя.** Имею оригинал письма»⁴³².

Диву даешься, как могла прийти в голову большевистским вождям идея отмечать 23 февраля как день рождения Красной Армии! Мне представляется, что исполнительной и законодательной властям есть над чем подумать.

Судя по содержанию документа №31, который также адресован Ленину, «Нахрихтен Бюро» выразило свое неудовлетворение медлительным действием большевистского руководства, проявленным в отношении письма от 26 февраля (документ № 30). Более того, оно потребовало также произвести кадровые перестановки в высшем командном составе армии. Поэтому Горбунов от имени Ленина дает распоряжение нижестоящим чиновникам: «*Вызвать т.т. Троцкого и Подвойского. Н.Г.*».

Документ 31

«В. Секретно.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров.
27 февраля 1918г.

Настоящим, не получив точного ответа на мой вопрос от 25 февраля, имею честь вторично просить в срочном порядке сообщить мне количество и качество сил, направляемых к Пскову и Нарве.

Одновременно, по поручению Представителя нашего Генерального Штаба, еще раз напоминаю о желательности назначения ген. П...⁴³³ на пост Верховного Командующего русскими вооруженными силами, вместо ген. Бонч-Бруевича, деятельность которого не встречает сочувствия Германского Верховного Командования. Теперь же, после покушений на жизнь и имущество немецких землевладельцев в Эстляндии и Лифляндии, что, по нашим сведениям, произошло с ведома ген. Бонч-Бруевича и националистической деятельности его в Орле, пребывание генерала на его посту нежелательно.

Начальник Отделения

Адъютант».

По требованию Германского Генерального штаба М.А. Бонч-Бруевич⁴³⁴ был отстранен от военных дел не только на Северном фронте, но и вообще от работы в военном ведомстве. Сам факт немедленного отстранения от занимаемой должности М.А. Бонч-Бруевича убеждает нас в том, что документ № 31 «В. Секретно», адресованный Ленину, является подлинным.

О совместной деятельности ВЧК и «Нахрихтен Бюро» говорит следующий документ.

Документ 29

«В. Секретно.

В Комиссию по борьбе с контр-революцией

Настоящим сообщается, что наблюдением и в случае необходимости нападениям на японских, американских и русских офицеров, командующих оккупационным корпусом в Восточной Сибири, заведуют наши агенты Штауфахер, Кригер, Гизе, Вальдейн, Буттенгоф, Даттан и

⁴³¹ Володарский (Гольштейн) М.М. (1891–1918) – член большевистской партии с 1917 г. После октябрьского переворота – комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной Газеты».

⁴³² *Немецко-Большевистская Конспирация*. С. 19.

⁴³³ Фамилию генерала невозможно прочитать.

⁴³⁴ Бонч-Бруевич М.Д. (1870–1956) – известный военный деятель, генерал-лейтенант, геодезист, специалист по аэросъемке. В царской армии занимал ряд штабных должностей, преподавал в Академии Генерального штаба. После октября 1917 г. перешел на сторону советской власти, занимал ряд ответственных должностей в военном ведомстве, но вскоре был освобожден от участия в работе в НК по военным делам и переведен на работу в систему ВСНХ.

Скрибанович, к коим и надлежит обращаться как комиссару Кобозеву,⁴³⁵ так и командированным Комиссией лицам. Адреса агентов указаны в списке №3.

Начальник
Адъютант».

На письме имеется пометка, сделанная, очевидно, руководителем, курирующим ВЧК. Этот неизвестный чиновник пишет: «Телегр(афировать) Кобозеву. Телегр(афировать) Стреабергу⁴³⁶. Но более интересна лаконичная запись, сделанная ниже на полях письма: «Дать список. Дз.». Автор ее – председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, обычная подпись которого выражалась этими двумя буквами. В указанном списке – фамилии агентов и их адреса:

Штауфахер, Владивосток, дом Панова.
Р. Кригер, Пякольск, Уссурийский.
А. Гизе, Иркутск, аптека Жинжеровой.
В. Вальдейн, Владивосток, соб. дом.
Буттенгоф, Хабаровск, Кунст и Альберс.
Даттан, Томск. Нечаевская ул.
Бр. Буздерг, Харбин, – Управление Кит. Вост. жел. дор.
Скрибанович, Благовещенск, дом Кунст и Альберс.
Панов, Владивосток, соб. дом.⁴³⁷

Список агентов, приведенный на письме «Нахрихтен Бюро», очевидно, дан сотрудником ВЧК. Следует заметить, что на диверсионную работу немецкие разведорганы направляли агентов не впервые, поскольку в документе указан «список № 3».

На протяжении всех лет коммунистического режима советская историография утверждала, что советизация страны проходила успешно и что этот процесс в основном был завершен к марту 1918 года. Однако это утверждение в корне не соответствует действительности. Так называемое триумфальное шествие советской власти затянулось на целых пять лет.

Следует сказать, что германские власти, заинтересованные в скорейшем подписании мирного договора с Россией, делали все возможное, чтобы ускорить процесс установления власти большевиков на местах. Они оказывали большевикам не только материальную помощь, но и отправляли в Россию для подавления народного сопротивления большевистской власти опытные военные подразделения германской армии и средства. Об этом свидетельствуют приводимые ниже документы из сиссоновского сборника.

Документ 8

«Рейхсбанк, № 2, Берлин,
(Весьма секретно)
8-го Января 1918 года.

Народному Комиссару по Иностранным Делама:

Сегодня мною получено сообщение из Стокгольма, что в распоряжение наших агентов переведено 50 миллионов рублей золотом для вручения их представителям Народных Комиссаров. Кредит этот предоставлен Правительству России на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторам в стране. Имперское Правительство считает своевременным напомнить Совету Народных Комиссаров необходимость усиления пропаганды в России, так как враждебное к существующей в России Власти отношение Юга России и Сибири очень озабочивает Германское Правительство. Необходимо послать повсюду опытных людей для установления однообразной Власти.

Представитель Имперского Банка.
Фон Шанц.

Примечание. Члены Красной Гвардии получали от 12 до 16 руб. в день в то время, как жалованье солдата едва достигало соответствующего числа в копейках. Это письмо указывает место, откуда получались деньги. Большевистское Правительство также требовало от владельцев заводов, чтобы они регулярно платили жалованье своим рабочим, в то время когда последние состояли на службе в Красной Гвардии. Пометка на письме указывает на то, что оно было

⁴³⁵ Кобозев П.П. (1878–1941) – член большевистской партии с 1898 г. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. являлся чрезвычайным комиссаром Оренбурско-Тургайской области.

⁴³⁶ Личность Стреаборга не установлена.

⁴³⁷ «Немецко-Большевистская Конспирация». С. 18.

направлено к Меншинскому, Министру финансов, при котором состоял в качестве эксперта-советника немец фон-Толь. Меншинский лично взялся за разрушение русских банков, маневр, посредством которого противники большевизма лишались средств к ведению военных действий. Это было классическим разрушением, выполненным во имя созидания»⁴³⁸.

Опровергнуть этот документ невозможно, поскольку на нем сделали пометки большевистские комиссары и прочие чиновники. Нельзя возразить и Сиссону. Хотелось лишь кое-что добавить к сказанному им, основываясь на свидетельствах современника тех лет.

Старый тифлисский рабочий А.Г. Мискин рассказывал, что он лично видел, как комиссары красногвардейских отрядов наживались, составляя фиктивные списки, по которым члены Красной Гвардии получали деньги за свою службу.

Документ 19

«Контр-Разведка при Ставке. Января 16, 1918 года.

В Совет Народных Комиссаров:

Настоящим довожу до сведения Народных Комиссаров, что через наши передовые линии, с именного разрешения Главковерха, проследовало 100 германских офицеров и 250 унтер-офицеров на наши внутренние фронты; часть германских офицеров отправилась на фронт Донской области, часть на фронт против ат. Дутова и часть отбыла в Восточную Сибирь и Забайкалье для наблюдения и, окажется возможным, для противодействия японскому оккупационному отряду и контр-революционным забайкальским казачьим офицерам.

Контр-Разведчик: П. Архипов.

Примечание. Следующий странный комментарий придает этому письму интерес, а именно: «Обвинение или глупое обвинение, ради личной выгоды? Сообщите товарищу Крыленко», подпись Н.Г.

Имею фотографию письма»⁴³⁹.

На сей раз, как мне представляется, Сиссон не разобрался в хитроумной записи Н. Горбунова. А тут как раз очень просто: ленинский секретарь, желая как-то замаскировать немецко-большевистские тайные связи, пытается представить дело так, будто контрразведчик Архипов якобы в корыстных целях доносит в СНК ложный компромат на Верховного Главнокомандующего.

Документ 7

«Г.Г.С. Нахрихтен Бюро,

Секцион Р, N 27.

(Конфиденциально)

12-го Января 1918 года.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела:

По поручению местного Отдела Германского Генерального Штаба, Разведочное Отделение сообщило имена и характеристики главнейших кандидатов в переизбираемый Центральный Исполнительный Комитет, и Генеральный Штаб поручил настаивать на непременно избрании ниже-следующих лиц: т.т. Троцкого, Ленина, Зиновьева, Каменева, Иоффе, Свердлова, Луначарского, Коллонтай, Фабрициуса, Мартова, Стеклова, Гольмана, Фрунзе, Ландера, Милька, Преображенского, Соллерса, Студера, Голдберга, Аванесова, Володарского, Раскольников, Стучка, Петерса и Нейбута.

О таком желании Генерального Штаба благоволите сообщить Председателю Совета Народных Комиссаров.

Начальник Отделения Агасфен.

Адьютант Генрих.

Примечание. Пометки гласят: «Копия передана Председателю Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. № 956». «Доставить Товарищу Зиновьеву и Секретному Отделу, М. Ов...(?)». Число 12-е января (русский календарь) совпало с неделей Всероссийского Съезда Советов в Петрограде, неделю спустя после насильственного разгона Учредительного Собрания. Выборы пришлось к концу недели и в действительности явились чисто механическими перевыборами почти всего прежнего исполнительного комитета Комиссаров. Несмотря на отсутствие точного списка, я все-таки могу показать, что настоящий исполнительный комитет был избран из этой группы. Что меня

⁴³⁸ Там же. С. 11.

⁴³⁹ Там же. С. 13.

больше всего удивляет, так это имя Мартова, главы предполагаемой отдельной фракции. Мартов, очень способный писатель, вместе с Троцким он подвизался в Париже на газетном поприще, но, говорят, в России между ним и Троцким произошел раскол. Доказательство того, что Германия продолжает относиться к нему благосклонно, имеет особое значение для дела. Г-жа Коллонтай, единственная женщина в этом списке, была Комиссаром Общественного Благосостояния.⁴⁴⁰ Она была послана в феврале месяце за границу для иностранной пропаганды, но дальше Скандинавии она не поехала и спустя некоторое время вернулась обратно в Россию. Каменев же, отправившийся вместе с г-жей Коллонтай из России, также старался вернуться обратно, но был арестован финской Белой Гвардией (а не немцами) на Аландских островах, и его освобождение послужило предметом целых переговоров. Он – шурин Троцкого. Свердлов состоял временным председателем Совета. Луначарский состоит Комиссаром Народного Просвещения. Стеклов состоит редактором официальной газеты «Известия». Володарский, который жил в Соединенных Штатах, был доверенным лицом Ленина. Он был убит в Москве, на последней неделе июня. Агасфер, который доставил предписание от имени Рауша, есть Майор Любертс.

Имею фотографию письма»⁴⁴¹.

В целом, не возражая Сиссону, вместе с тем хотелось сказать о следующем. Немецкие политики понимали, что, несмотря на тайные договоренности с большевистскими вождями, вопрос подписания мирного договора между Россией и Германией все же будет обсуждаться в ВЦИК, и в этом смысле немцам хотелось бы, чтобы в него вошло как можно большее число германофилов. Однако если учесть, что при обсуждении вопроса о подписании мира с Германией на заседании ВЦИК приняло участие 227 человек, то рекомендованный немцами список лиц для избрания в состав ВЦИК составлял менее 10 процентов от общего числа избранных в него из разных партий.

И еще один немаловажный вопрос. После разгона Учредительного собрания все высшие органы власти фактически автоматически потеряли свой юридический статус, поскольку они были избраны II Всероссийским съездом Советов в октябре 1917 года с оговоркой «впредь до Учредительного собрания». Поэтому Ленин и его единомышленники форсировали созыв III съезда Советов, чтобы не выпустить из рук узурпированную власть.

И последнее замечание. Этот съезд нельзя назвать Всероссийским, поскольку в его работе приняли участие делегаты далеко не со всех губерний России. По сути дела это был мошеннический прием организации съезда, как всегда используемый большевистскими вождями и лично Лениным.

Изучая документы сборника, нельзя не заметить, как день ото дня расширялись и углублялись контакты между сотрудниками спецслужб большевиков и немцев. Более того, тон обращения, категоричность и характер писем, исходящих от немецкой стороны, таковы, что можно подумать, будто немцы находятся у себя дома, а не в чужой стране. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди приобретенных Сиссоном документов имеются не только их фотокопии, но и сами оригиналы, о которых он говорит в конце своего примечания.

Документ 44

«Г. Г. С. Нахрихтен Бюро

Секцион Р, № 238.

7-го февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела.

Нам сообщено, что агенты Контр-Разведки при Ставке следят за командированным в Киев майором Эрихом. Прошу принять срочные меры к отстранению этого стесняющего деятельность названного офицера наблюдения.

Начальник Отделения:

Агасфер.

Адъютант Букгольм.

Примечание. Инициалы Чичерина – товарища Министра Иностранных Дел, подписаны на полях под заметкой: «Переговорить». Это письмо отмечает собою период острого раздражения из-за Украины между большевиками и немцами. Агасфер – Майор Любертс.

Имею оригинал письма»⁴⁴².

⁴⁴⁰ А.М. Коллонтай была назначена Наркомом государственного призрения.

⁴⁴¹ Там же. С. 11.

⁴⁴² Там же. С. 28.

Такой документ не нуждается в комментарии. Достаточно графологической экспертизой признать, что пометки, сделанные на полях документа, принадлежат Чичерину.

Документ 24

«Комиссар по Борьбе с Контр-Революцией и Погромами, № 445–63. Петроград.
Января 21 дня 1918 г.

Комиссару по военным делам Склянскому:

Наша агентура с Фурштадской улицы сообщает, что там отмечены посетившие три раза Американское Посольство два лица, до того не бывавшие в Посольстве. Майор Любертс просит указать Комиссару Подвойскому необходимость установления слежки. Прошу распоряжений.

Комиссар: А. Козмин.

Примечание. Майор Любертс считал нужным установить личность посетителей Американского Посольства. Подвойский был военным министром.

Имею фотографию письма»⁴⁴³.

Этот документ подтверждает факт совместного наблюдения большевистских и немецких агентов за посольствами Великобритании, Франции, США, Италии и Румынии, установленного еще в декабре 1917 года (см. выше документ № 25). Он также говорит о двойном подчинении большевистских агентов.

Документ 14

«Г. Г. С. Нахрихтен Бюро,
Секцион Р, № 278-611
7-го Февраля, 1918 года.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела:

До сведения Разведочного Отделения дошло, что данное Вами лично, господин Комиссар, в Брест-Литовске обещание не распространять в германских войсках социалистической агитационной литературы не исполняется. Прошу сообщить, какие будут по этому поводу приняты меры.

За Начальника Отделения Р. Бауер.

Адъютант Генрих.

Примечание. Резкие слова в обращении к Министру Иностранных Дел Правительства Советов Рабочих, Солдат и Матросов Российской Республики употреблены лицом, не равным Министру по рангу, а представителем немецкого Майора, стоявшего во главе одного из Разведочных Бюро Германского Правительства. Возмущился ли Троцкий, или же отрицал он это обвинение? Нет; – он собственноручно написал на полях: «Прошу обсудить Л.Т.», и тем он признает, что он дал обещание в Брест-Литовске. Поднятый вопрос касается лишь степени требуемого подчинения.

Имею оригинал письма»⁴⁴⁴.

По поводу неправильного прочтения Сиссоном резолюции Троцкого на этом документе я уже указывал в начале главы. Здесь же нужно отметить, что большевики никогда не отказывались от пресловутой идеи мировой революции. Поэтому ждать от них честного выполнения обещаний не приходится. Участие большевистских эмиссаров в Баварском мятеже о многом говорит.

В сборнике содержатся и такие документы, которые проливают свет на организацию большевиками открытого террора против польских патриотов, стремящихся после падения монархии в России возродить польское государство. В них ясно прослеживается реакционная сущность большевизма. Два примера:

Документ 41

«Контр-Разведка При Ставке, № 461
Январь, 28-го дня, 1918 г.

В Чрезвычайную Комиссию по Борьбе с Контр-Революцией:

Учрежденная особая Комиссия по борьбе с польскими контр-революционными войсками начала свою деятельность, все делопроизводство ее сосредоточено в Контр-Разведке при Ставке, где

⁴⁴³ Там же. С. 22.

⁴⁴⁴ Там же.

собираются все сведения о контр-революции на внешнем и внутреннем фронтах. В Комиссию прибыли члены Комиссии по борьбе с контр-революцией: Е. Мехоношин, Н. Зензанов, Желинский и из Севастополя тов. Тюрин. На совещание были вызваны агенты, изъявившие желание отправиться для борьбы с польским буржуазным офицерством: подп. Дембицкий, Болеслав Яхимович, Роман Стриевский, Иосиф Ясеновский и Михаил Адамович. Все эти агенты обязаны довести дело до открытого неподчинения солдат офицерам и до ареста последних.

В крайнем случае, Главковерх распорядился командировать Нахима Шера и Илью Разумова для истребления контр-революционных зачинщиков среди польских войск, и Комиссия признала возможным объявить все польские войска вне закона, когда эта мера представится необходимой.

Из Петербурга наблюдатели сообщили, что польские организации проявляют большую сдержанность и осторожность во взаимных отношениях.

Установлен, однако, несомненный контакт между находящимися в Петербурге Верховным Военным Советом и польскими офицерами и солдатами из буржуазно-помещичьего класса с контр-революционными польскими войсками. По этому поводу в Комиссариате по военным делам состоялось 22-го Января совещание т.т. Подвойского, Кедрова, Борецкова, Дыбенко и Ковальского. Комиссары по морским делам доложили, что моряки Трушин, Маркин, Пейнкайтис и Шульц требуют роспуска польских войск и угрожают в противном случае избиением польских легионеров в Петербурге. Главковерх полагает, что возможно направить гнев названных моряков и их группы на фронт против контрреволюционных польских войск.

В настоящее время наша агитация среди польских войск ведется очень оживленно и на разложение польских легионов имеется большая надежда.

Заведующий Контр-Разведкой:

Фейерабенд.

Примечание. Имею фотографию письма»⁴⁴⁵.

Документ 42

«Контр-Разведка При Ставке.

Января, 28-го дня, 1918 г.

В Комиссию по Борьбе с Контр-Революцией:

По поручению главковерха в ответ на Ваш запрос дополнительно к депеше сообщаю, что присланные с майором Байермейстером деньги здесь получены. В действующих против контр-революционеров фронтовых войск выделено для борьбы с поляками и румынами несколько батальонов. Плотим 12 рублей в день при усиленном пайке. Из нанятых частей, посланных против легионов, выделены два отряда: один из лучших стрелков для расстрела офицеров-поляков, другой из литовцев и латышей для порчи запасов продовольствия в Витебской, Минской и Могилевской губ., в местах сосредоточия польских войск. Некоторые местные крестьяне также согласны нападать на поляков и истреблять их.

Комиссар: Г. Мошолов.

Примечание: Эти два документа показывают, что политика, которую вели против этих патриотов-солдат, была одной из самых беспощадных и истребительных политик, финансируемых немецкими деньгами, врученными немецким офицером. Байермейстер упоминается в документе № 5.

Имею фотографию письма»⁴⁴⁶.

Я сознательно отказываюсь комментировать эти два документа. Пусть это сделает читатель, ознакомившись с ними.

Однако, чтобы облегчить работу читателя, необходимо было изучить и проанализировать все документы, а затем отобрать среди всей массы исторических источников те материалы, знакомство с которыми способствовало бы складыванию у читателя своего мнения о внутреннем мире, нравственном облике и психологии большевиков.

В заключение главы рассмотрим еще один весьма важный исторический документ из архива Сиссона – документ № 28, факсимиле которого приводится ниже.

Документ «доверительно» адресован Троцкому. Хочу особо подчеркнуть, что этот документ требует самого пристального изучения, поскольку в нем затронут вопрос, касающийся судьбы первенца российского флота. Заметим, что буквально за неделю до подписания мирного договора между Советской Россией и Германией этот документ ложится на стол Наркома иностранных дел. Судя по тому, что на документе отсутствует резолюция Троцкого, можно сделать вывод, что он дал своему секретарю устное распоряжение. Можно смело утверждать, что

⁴⁴⁵ Там же. С. 28.

⁴⁴⁶ Там же.

о существовании документа был осведомлен глава правительства – Ленин. Это документально будет доказано ниже.

Но, так или иначе, документ получает дальнейшее движение. Проследим за его направлением.

Сразу отметить, что рассматриваемый документ является оригиналом, чудом (!), приобретенным Эдгаром Сиссоном.

Документ 28

«24 февраля 1918 г.

Доверительно.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела.

По поручению Имперского правительства имею честь просить срочном порядке произвести анкету какие торговые суда, вспомогательные крейсера и транспорты могут быть отправлены в воды Тихого Океана, где Германское Правительство намерено создать для борьбы с американо-японской торговлей сильный коммерческий флот, плавающий под русским флагом.

Вместе с тем довожу до Вашего сведения, что в Балтийском Флоте Ваши матросы распродают с военных кораблей катера, мелкие механизмы, медные и бронзовые части машин и проч. Не было бы посему своевременным поднять вопрос о продаже Германии этих расхищаемых и разоряемых военных кораблей.

Решение Правительства благоволите мне сообщить.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба

Адъютант».

На полях письма имеются два указания. Против первого абзаца читаем: «Запросить у Ломова, Маркин»⁴⁴⁷. Против второго: «Раскольникову. Маркин». Несомненно, что оба указания исходили от Троцкого. Если первое касалось попытки Германии использовать Россию против Америки и Японии, то второе отражало преступное решение. По сути дела, судьба Балтийского флота поручалась платному агенту германского Генштаба, заместителю наркома по морским делам Ф.Ф. Раскольникову. Все шло к тому, чтобы сдать Балтийский флот немцам и использовать его против держав Антанты.

Этот предательский план, наносящий удар по мощи и престижу русского флота, был настолько очевиден, что не смог остаться незамеченным моряками, а тем более командным составом Балтийского флота. Возглавляемые бывшим царским контр-адмиралом А.М. Щастным и другими офицерами, военные моряки сделали все возможное и даже, казалось, невозможное, чтобы предотвратить государственное преступление. Как выясняется теперь, А.М. Щастный располагал сведениями, подтверждающими замыслы германского и большевистского правительств. В сложной ледовой обстановке с 12 марта по 22 апреля 1918 года они совершили беспримерный в военно-морской истории переход из Гельсингфорса (Хельсинки), Ревеля (Таллинн) и Аландских островов в Кронштадт и спасли около 250 боевых кораблей и вспомогательных судов, в том числе: 6 новейших линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок. О подвиге выдающегося флотоводца Щастного и моряков Балтийского флота писали газеты всего мира.

Щастный был вызван в Москву (якобы для доклада)⁴⁴⁸. Никому в голову не приходило, что приезду Щастного в Москву предшествовало секретное заседание с участием Свердлова, Троцкого, Дыбенко, Раскольникова и Сакса⁴⁴⁹. В принятом решении, в частности, подчеркивалось, что «...гражданин Щастный, обнаруживший недостаток твердости духа и распорядительности... вмешивавшийся в политические вопросы с явно реакционными целями, увольняется от службы и предается суду». Этот злонамеренный документ подписали Троцкий, Раскольников и Сакс.

⁴⁴⁷ Маркин Н.Г. (1893–1918) – член партии большевиков с 1916 г. Активный участник октябрьского переворота. В рассматриваемый период работал одним из секретарей Троцкого.

⁴⁴⁸ В Кронштадте были уверены, что в Москве Командующего Балтфлотом ждет высокая правительственная награда.

⁴⁴⁹ Сакс С.Е. (род. в 1889 г.) – в большевистской партии состоял с 1917 г. В 1918 г. – член коллегии Народного комиссариата по морским делам, затем член Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и командующий Астраханско-Каспийской флотилией. В 1919–1921 гг. – комиссар для особых поручений при управлении народного комиссариата по морским делам. Позднее работал в Главном управлении водного транспорта. В 30-х годах бесследно исчезает.

Обвиненный «в преступлениях по должности, в подготовке контрреволюционного переворота и государственной измене», 29 мая 1918 года Александр Михайлович Щастный был арестован. Производство следствия было возложено на члена ВЦИК В. Кингисеппа. (Кстати, в сентябре 1918 года СНК учредил Особую Следственную комиссию в составе П. Стучки, В. Кингисеппа и Я. Шейнкмана.) 21 июня, выполняя приговор Революционного трибунала при ВЦИК, в Здании бывшего Александровского училища вильгельмовские наймиты расстреляли верного сына Родины. Следует отметить, что для расстрела Щастного была отобрана специальная команда из китайцев.

Известный русский историк С.П. Мельгунов в своей книге «Красный террор в России», опубликованной в 1923 году на Западе, справедливо отметил, что с Щастным расправились только за то, что он «спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре»⁴⁵⁰.

С выводами Мельгунова трудно не согласиться. Следует привести также весьма важный факт, который, на мой взгляд, стал роковым в судьбе Щастного. Дело в том, что при аресте боевого командира в его портфеле были обнаружены фотокопии двух уникальнейших документов начальника германской контрразведки, адресованных председателю СНК Ленину и председателю РВС Троцкому. Эти документы были подброшены Щастному английской разведкой. В них содержались конкретные указания главарям большевистского правительства, как следует поступить с кораблями Балтийского флота, сосредоточенными в Гельсингфорсе.

Несмотря на многочисленные документальные материалы, доказывающие предательскую деятельность большевиков, в особенности их лидеров, по сей день появляются в печати статьи, в которых делается попытка все преступные акции, совершенные против России и ее народа, свалить на «врагов народа», репрессированных в годы сталинизма.

*«Достоверно известно, – пишет майор юстиции В. Звягинцев, – что до ареста между Троцким и Щастным произошел серьезный конфликт»*⁴⁵¹.

Ничуть не ставя под сомнение этот факт, должен сказать, что юрист Звягинцев глубоко заблуждается, если считает, что причиной гибели 37-летнего командующего Балтийским флотом А.М. Щастного явились только интриги, организованные против него Троцким. Причины расправы с честными и истинными патриотами России лежат намного глубже, и о них достаточно подробно было сказано выше; о них будет сказано и в последующих главах. Здесь же отметим, что Щастный сорвал предательский план большевистских лидеров и за это поплатился жизнью.

В нашей отечественной истории еще не мало белых пятен. Во многом это на совести авторов, которые освещали ее в соответствии с пожеланиями заказчиков из Кремля и со Старой площади. И неудивительно, что даже в таких солидных книгах, как «Боевой путь Военно-морского флота» (М.: Воениздат, 1974), «Гражданская война в СССР», выпущенная также Воениздатом в 1980 году, «Великий Октябрь и защита его завоеваний», опубликованная в 1987 году под редакцией академика И.И. Минца, не нашлось места, чтобы упомянуть имя славного моряка российского флота – А.М. Щастного.

Стоит ли удивляться такому факту, если в Большой Советской Энциклопедии не упомянуто имя прославленного моряка, героя русско–турецкой (1828–1829) и Крымской (1853–1856) войн и основателя города Новороссийска адмирала Л.М. Серебрякова.

Завершая рассмотрение фактов, изложенных в документе № 28, хотелось бы сказать, что сегодня имеются все основания утверждать, что план сдачи немцам кораблей Балтийского флота и затопление на Новороссийском рейде основной части судов Черноморского флота, которое было осуществлено 18 июня 1918 года по прямому приказу Ленина, – звенья одной и той же преступной цепи. Свидетельством тому – принятое решение о необходимости затопления кораблей Черноморского флота (см. документ ниже) и секретная директива, которую Ленин 28 мая направил командующему Черноморским флотом и главному комиссару флота. В ней строгое требование: *«Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт, Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего военного Совета,*

⁴⁵⁰ Мельгунов С.П. *Красный террор в России*. М. СП «РИСО», «PS». Изд. 5-е. 1990. С. 36.

⁴⁵¹ «Известия». 1990. 25 октября.

приказывает вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске. Ленин»⁴⁵².

Преступность очевидна. Судите сами. В мае 1829 года русский бриг Черноморского флота «Меркурий» в открытом море встретился с двумя турецкими линейными кораблями и не дрогнул. Более того, в неравном бою, длившемся около четырех часов, русские моряки вышли из него с честью. А вот вождь большевиков запрещает морякам Черноморского флота сражаться с врагами Отечества, в угоду Германии приказывает им затопить два линкора, шесть эскадронных миноносцев, девять эсминцев и коммерческие пароходы.

Резолюция В.И. Ленина о необходимости затопления кораблей Черноморского флота в Новороссийске в 1918 году: *«Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)»*

На этом можно было бы подвести черту. Но я себе не простил бы, утаив от читателя еще один чрезвычайно важный документ от 21 августа 1918 года. Он лишний раз доказывает тесную связь Ленина с властями Германии и ее Генштабом:

«Тов. Боровский!

Прилагаемое письмо к амер(иканским) р(абоч)им будьте добры распорядиться перевести на нем(ецкий) и скопировать поскорее, оригинал же пошлите Балабановой. Насчет истерик и проч. «ведомства», ей-богу. Вы придираетесь. Ни тени паники не было. **«Помощи» никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурман⁴⁵³ и на Алексеева⁴⁵⁴. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами. Не паника, а трезвый расчет. Привет Вам и Вашей жене от всех нас. Ваш Ленин...»⁴⁵⁵ (Выделено мной. – А.А.).**

Бесспорно, Ленин был главным действующим лицом в тайных связях большевиков с немцами. Но должен сказать, что преступная сеть большевиков была весьма широкая. В пользу Германии работали не только вожди большевиков и красные комиссары. В эту деятельность путем подкупа, обмана и угроз было втянуто множество людей: чиновники различных комиссариатов и ведомств; бывшие сотрудники царской охранки и их агенты; моряки и солдаты; хорошо оплачиваемые красногвардейцы, некоторые генералы и офицеры царской армии. Особую нагрузку несли, конечно, сотрудники ВЧК во главе с Дзержинским. Судя по документам сборника Э. Сиссона, они работали в тесном контакте с германскими разведорганами. Нельзя не заметить, что если ВЧК пристально следила за сотрудниками миссий бывших союзных с Россией государств, то на немецкую агентуру не обращала никакого внимания. Страна была буквально наводнена германскими агентами и диверсантами. С согласия правительства России, под крышей СНК, ЦИК, комиссариатов и ведомств, под видом консультантов и советников, а во многих случаях открыто (в Красной Армии и ЧК) орудовали сотни офицеров из Русского Отделения германского Генштаба.

В данной главе и в целом в исследуемой работе приведено, как заметил читатель, большое количество документальных материалов, воспоминаний и свидетельств современников тяжелых и мрачных годин, убедительно показывающих масштабы и характер преступлений, совершенных большевиками во главе с Лениным против Российского государства и его народа.

Несомненно, из всего изложенного выше каждый читатель вправе сделать свое резюме. Мне же хотелось лишь поставить вопрос: *Кем после всего, что стало нам известно, считать большевиков и их вождя, определившего свою партию как «ум, честь и совесть нашей эпохи»⁴⁵⁶?*

⁴⁵² Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М.: 1956. С. 36.

⁴⁵³ Мурманск.

⁴⁵⁴ Алексеев М.В. (1857–1918) – русский генерал. После Февральской революции 1917 г. – Верховный главнокомандующий, затем начальник штаба Верховного главнокомандующего Керенского. После прихода к власти большевиков возглавил Добровольческую армию, организованную на Северном Кавказе.

⁴⁵⁵ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22.

⁴⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 93.

Глава 11. «Крестный отец» красного террора

Жестокость не может быть спутницей доблести.

М. Сервантес

Акты преследования и насилия, вплоть до физического уничтожения личности, известны истории с незапамятных времен. А со второй половины XIX века террор стал применяться и в политических целях.

Террористические акты как средство политической борьбы впервые стали практиковаться в России с середины 60-х годов XIX столетия, когда в 1866 году Д. Каракозов⁴⁵⁷ предпринял попытку убить Александра II. Следующая волна приходится на конец 70-х – начало 80-х годов: на кровавую тропу вышли представители организации «Народная воля». Начиная борьбу с самодержавием, народовольцы приняли на вооружение индивидуальный террор. Наиболее известными представителями этого течения были А. Желябов⁴⁵⁸, С. Перовская⁴⁵⁹, С. Халтурин⁴⁶⁰ и другие.

4 августа 1878 года редактор газеты «Земля и воля» С.М. Кравчинский в ответ на казнь революционера И.М. Ковальского убил шефа жандармов, начальника III отделения Н.В. Мезенцова. 9 февраля 1879 года социалист-революционер Г.Д. Гольденберг застрелил харьковского генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина за жестокое обращение его подчиненных с политическими заключенными.

1 марта 1881 года народовольцу И.И. Гриневскому удалось убить Александра II. Участники покушения были казнены. Подверглась разгрому и их организация. Однако после непродолжительного затишья борьба возобновилась. На смену одним террористам пришли другие. Среди прочих выделилась террористическая фракция тайного общества «Народная воля», которая попыталась организовать 1 марта 1887 года покушение на Александра III. Организаторами покушения на жизнь царя были А. Ульянов (старший брат Ленина), студенты П. Андрюшкин, В. Генералов, В. Осипов и П. Швырев. Все они также были казнены.

В самом начале XX столетия террором занялись отдельные члены партии социалистов-революционеров (эсеров). Яркими их представителями стали С. Балмашев⁴⁶¹, Е. Созонов⁴⁶², Б. Савинков⁴⁶³, М. Спиридонова⁴⁶⁴, П. Карпович⁴⁶⁵. 11 февраля 1901 года Карпович смертельно ранил министра народного образования Боголепова. Его примеру последовал Балмашев, застрелив 2 апреля 1902 года министра внутренних дел Сипягина. Преемника последнего – министра внутренних дел и шефа жандармов Плеве – 15 июля 1904 года убил Созонов. 4 февраля 1905 года

⁴⁵⁷ Каракозов Д.В. (1840–1866) – русский террорист. 4 апреля 1866 г. неудачно стрелял в императора Александра II. Повешен.

⁴⁵⁸ Желябов А.И. (1853–1881) – революционный народник, один из создателей «Народной воли», ред. «Рабочей газеты», организатор покушения на Александра II. Повешен 3 апреля 1881 г.

⁴⁵⁹ Перовская С.Л. (1856–1881) – революционный народник, член «Народной воли», организатор и участница покушения на Александра II. Повешена 3 апреля 1881 г.

⁴⁶⁰ Халтурин С.Н. (1856–1882) – революционный народник, член «Народной воли». Покушался на Александра II. Повешен за участие в убийстве одесского военного прокурора В.С. Стрельникова.

⁴⁶¹ Балмашев С. В. (1881–1902) – эсер, повешен за убийство министра внутренних дел Сипягина.

⁴⁶² Созонов Е.С. (1879–1910) – русский революционер, эсер, погиб на каторге.

⁴⁶³ Савинков Б.Б. (1879–1925) – эсер, организатор ряда террористических акций. Во временном правительстве занимал пост товарища военного министра. После октябрьского переворота, как политический противник большевизма, эмигрировал за границу. В 1924 г. был арестован чекистами при переходе границы. Осужден, покончил жизнь самоубийством (?).

⁴⁶⁴ Спиридонова М.А. (1884–1941) – эсерка, политический и государственный деятель. После Февральской революции – лидер партии левых эсеров. В июле 1918 года организовала вооруженное выступление против большевиков, проводивших антинародную продовольственную диктатуру и массовый террор. Была арестована, осуждена. После, амнистии отошла от политической деятельности. Расстреляна в 1941 г. в заключении.

⁴⁶⁵ Карпович П.Я. (1874–1917) – эсер, в 1901 году смертельно ранил министра народного просвещения Боголепова. Был приговорен к 20-ти годам каторги. В 1907 г. бежал и эмигрировал. Член боевой организации эсеров. Позднее отошел от политической деятельности.

террористом-эсером И.П. Каляевым брошенной бомбой в Кремле был убит московский генерал-губернатор, великий князь С.А. Романов. Лидер партии эсеров М. Спиридонова в 1906 году убила тамбовского вице-губернатора Луженовского...

Ленин с одобрением воспринимал эти террористические акты. И надо отметить, что террористов он никогда не забывал. Об этом свидетельствует такой факт. 2 августа 1918 года в «Известиях» за подписью В.И. Ульянова-Ленина был опубликован «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР». Среди 31 фамилии, приведенной в списке, значатся террористы-убийцы И. Каляев, Н. Кибальчич, А. Желябов, С. Халтурин, С. Перовская.

В отличие от народовольцев, стремившихся через террор и заговор прийти к власти, эсеры применяли террористические акции в знак протеста против жестокости, произвола и насилия. Основную же свою политическую цель они видели в революционной борьбе, направленной на свержение самодержавия и установление демократической республики, вовлекая в эту борьбу широкие массы крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения России.

Однако все террористические акты, совершаемые как народовольцами, так и социалистами-революционерами до 1905 года, носили эпизодический, сугубо частный характер. Массовый же террор берет свое начало с октября 1905 года. Его инициатором и идейным руководителем стал Ленин. Именно под его руководством большевики осуществляли геноцид против собственного народа.

Ленин рассматривал террор как одну из основных форм классовой борьбы пролетариата. Известно, что еще в 1901 году в статье «С чего начать?», опубликованной в 4-м номере газеты «Искра», он со всей определенностью писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора»⁴⁶⁶. Высказывая свое отношение к террору, Ленин не преминул сделать колкое замечание в адрес Веры Засулич, которая в 3-м номере той самой «Искры» писала: «Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду».

Совершив государственный контрреволюционный переворот и захватив власть, Ленин взял курс на создание государства цивилизованного рабства, именуемого коммунизмом. Террор и насилие, совершаемые большевиками в ходе установления власти и строительства так называемого «коммунистического общества», являлись основными средствами и методами достижения их цели.

Справедливости ради следует сказать, что воинствующий пыл Ленина, его экстремистские действия не раз осуждали члены ЦК РСДРП и многие рядовые партийцы. Такие факты особенно были отмечены после июльского (1917) контрреволюционного вооруженного путча, организованного Лениным и его единомышленниками. Попытки товарищей по партии удержать его от бессмысленного контрреволюционного переворота делались и в октябрьские дни. Однако остановить рвущегося к власти «якобинца» никто не мог. Протестовали, критиковали и не более.

В первые же дни большевистского переворота (28 октября) члены ЦК РСДРП, не согласные с политикой и контрреволюционными действиями Ленина и его сообщников, обратились с воззванием к питерским рабочим. В нем, в частности, подчеркивалось:

«Революции нанесен тяжелый удар, и этот удар нанесен не в спину, генералом Корниловым, а в грудь – Лениным и Троцким... Не дождавись даже открытия съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, эта партия путем военного заговора втайне от других социалистических партий и революционных организаций, опираясь на силу штыков и пулеметов, произвела государственный переворот... Страна разорена трехлетней войной. Войска Вильгельма вторглись в ее пределы и грозят уже Петрограду... И над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержавия, над этой страной в такой критический момент большевики вздумали проделать свой безумный опыт захвата власти якобы для социалистической революции...»

Глядя на политическую авантюру, осуществляемую большевиками во главе с Лениным, Горький 20 ноября 1917 года с горечью писал в газете «Новая жизнь»: «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт... Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное

⁴⁶⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 5. С. 7.

расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею не менее кровавая и мрачная реакция».

Рассматривая террористические акции советского правительства, должен отметить, что зарубежная историография красного террора в России весьма обширна. Российская же делает пока лишь первые робкие шаги. Ей предстоит выполнить титаническую работу, связанную с фундаментальным изучением и анализом источников по отечественной истории. Особенно ответственно и критически надо изучить те сочинения, которые вышли из-под пера большевистских вождей, различных деятелей партии, комиссаров и красной профессуры. В них можно обнаружить множество фальсификаций и извращений исторических фактов, тенденциозность в их изложении.

Узурпировав власть, Ленин повел наступление на демократические свободы, завоеванные обществом в ходе Февральской революции. Первым шагом в этом направлении был подписанный им 27 октября (9 ноября) 1917 года Декрет о печати, на основании которого все демократические издания, кроме большевистских, стали закрываться. Уместно привести небольшой «утешительный» отрывок из этого декрета:

«Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены»⁴⁶⁷. «Свободу слова и печати, – писал в апреле 1918 года журнал «За родину», – советская власть подменила свободой самого наглого и беззастенчивого глумления над печатью и словом». О реакционных действиях советского правительства говорят такие факты: за два месяца 1918 года большевистское правительство закрыло только в Петрограде и Москве около 70 газет.

7 (20) декабря 1917 года Постановлением Совнаркома № 21 в стране создается карательно-террористическая организация – ВЧК. Назначение и подчиненность ее четко определены в следующем документе: *«ЧК созданы, существуют и работают, – отмечал ЦК РКП(б) в обращении к коммунистам – работникам чрезвычайных комиссий, – лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»⁴⁶⁸. С этого времени террор и насилие против широких слоев населения страны, независимо от их классовой и социальной принадлежности, в сущности были возведены в ранг государственной политики. Следуя указанию Ленина, кадры ЧК формировались прежде всего из проявивших себя большевиков. Правда, до лета 1918 года немало в ЧК было и левых эсеров, которые рука об руку с большевиками совершали террор и насилие над гражданами России. Руководители ВЧК не забывали слова своего вождя, который говорил: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»⁴⁶⁹. Создав большевистский карательный орган, Ленин направил его против своих политических противников, против всех, кто отрицательно воспринял советскую власть и ее идеологическую программу. Во главе этого карательного органа был поставлен Дзержинский.*

Известный исследователь большевистского террора Роман Гуль отмечал:

«...Дзержинский занес над Россией «революционный меч». По невероятности числа погибших от коммунистического террора «октябрьский Фукье-Тенвиль» превзошел и якобинцев, и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций. Связав с именем Дзержинского страшное лихолетие своей истории, Россия надолго облилась кровью»⁴⁷⁰.

Трудно не согласиться с Романом Гулем.

Грабительским актом советского правительства стала так называемая национализация банков. Мало кто знает, что из себя в действительности представлял декрет «О национализации банков», принятый ЦИК 14 (27) декабря 1917 года. Автором этого зловещего документа был все тот же Ульянов. В преамбуле декрета говорилось, что это мероприятие якобы осуществлялось

«в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения

⁴⁶⁷ *Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. Выпуск 1. 1917–1920 гг. М. 1978. С. 55.*

⁴⁶⁸ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (январь–март 1919 г.): Сборник документов. М. 1971. Т. 6. С. 62.

⁴⁶⁹ Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 281.

⁴⁷⁰ Гуль Роман. Дзержинский. (Начало террора.) Издание 2-е, исправленное. Издательство «Мос». Нью-Йорк. 1974. С. 12–13.

от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов – единого народного банка Российской Республики»⁴⁷¹.

В шестом (последнем) пункте декрета, очевидно, в целях усыпления бдительности населения, подчеркивалось: *«Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены»*⁴⁷². На деле большевистское правительство подвергло экспроприации все российское население, независимо от размера вклада, все подчистую. Оно не пощадило никого: ни рабочих, ни крестьян, ни тех, кто с оружием в руках защищал отечество. Это была открытая и наглая бандитская акция, острием своим направленная против широких слоев населения России.

Следующим шагом советского правительства было введение продразверстки. Автором этого преступного акта, который привел к братоубийственной гражданской войне, был все тот же Ленин. 9 мая 1918 года ВЦИК принял «Декрет о предоставлении народному Комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Постановление обязывало *«каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для посева полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости»*⁴⁷³. Вполне понятно, что крестьяне (а тем более казаки) восприняли этот декрет отрицательно. Обращает на себя внимание пункт, в котором говорится, что народный комиссар продовольствия наделен полномочиями **«применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов»**⁴⁷⁴. В принципе это – ленинский декрет. Достаточно ознакомиться с пунктом 7 этого ленинского положения, чтобы понять, какому жестокому террору подверглось трудовое крестьянство: *«...точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины»*⁴⁷⁵. Это был террор, на который крестьянство и казачество ответили массовыми восстаниями. Жесточайшим образом они были подавлены. Этими масштабными террористическими акциями руководили «пламенные революционеры»: И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, И.И. Ходоровский, И.Т. Смилга и другие большевики ленинской гвардии. Довольно метко отозвался генерал А.И. Деникин о Тухачевском, сказав, что он «безжалостный и беспринципный авантюрист». Эту характеристику можно отнести и ко всем «пламенным революционерам».

Одним из самых деятельных лиц, осуществляющих продовольственную диктатуру на местах, был Сталин. Именно его Совнарком «бросил» на этот участок работы. В мандате Сталина, подписанном Лениным, подчеркивалось: «Член Совета Народных Комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченный чрезвычайными правами...»⁴⁷⁶ Сталин незамедлительно стал использовать эти права. В письме Ленину из Царицына он подтверждает: *«Можете быть уверены, что не пощадим никого... а хлеб все же дадим»*⁴⁷⁷. В тот же день в разговоре с членом Реввоенсовета Восточного фронта К.А. Мехоношиным Ленин требует вести *«борьбу с... казаками... с тройной энергией»*⁴⁷⁸.

Одновременно с террором и грабежами крестьян Ленин начал претворять в жизнь разработанную им же аграрную политику. Свою программу он изложил еще на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, проходившем в мае 1917 года:

«Хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле» – это не выход из ужасного кризиса, из всеобщего разрушения, это не спасение. Необходима всеобщая трудовая повинность, нужна величайшая экономия человеческого труда, нужна необыкновенно сильная и

⁴⁷¹ Сборник документов по истории СССР. С. 68–69.

⁴⁷² Там же. С. 69.

⁴⁷³ Там же. С. с. 185.

⁴⁷⁴ Там же. С. 186.

⁴⁷⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 316.

⁴⁷⁶ Сталин И. Соч. Т. 4. С. 419.

⁴⁷⁷ Там же. С. 118.

⁴⁷⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 116.

твердая власть, которая была бы в состоянии провести эту всеобщую трудовую повинность... необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах...»⁴⁷⁹

Как видим, аграрная политика вождя заключалась в том, чтобы вновь закрепить крестьян, насильственным путем загнать их в крупные коллективные хозяйства.

Выступая на совещании делегатов комитетов бедноты 8 ноября 1918 года, Ленин говорил: «...если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист»⁴⁸⁰. Выполняя эту директиву, комбеды отобрали у кулаков 50 миллионов гектаров земли, что составляло примерно треть тогдашних сельскохозяйственных угодий. И вряд ли следует доказывать, что ликвидация кулачества началась именно в период «военного коммунизма». А впоследствии эта террористическая акция была лишь «логически» завершена прилежным учеником Ленина – Иосифом Сталиным. Жертвами этой акции стали 3,7 млн. крестьян: они были вывезены из веками обжитых мест и брошены на произвол судьбы в глухих районах Сибири и Казахстана. Там у многих трагически закончилась жизнь.

Сегодня очевидно – Ленин выступал против воли крестьян. На I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей (3–10 декабря 1919 г.) в докладах представителей с мест звучали серьезные критические замечания по поводу искусственной организации в их губерниях коллективных хозяйств. Так, председатель Губсоюза Владимирской губернии заявил, что «коммунары бегут из коммун, желая избавиться от всяких невзгод»⁴⁸¹. А представитель Тверской губернии прямо заявил, что «крестьяне предпочитают иметь собственное, хотя бы и маленькое и несовершенно хозяйство»⁴⁸².

Их позицию поддерживали многие работники Наркомата Земледелия (НКЗ), включая его руководителей, видных специалистов сельского хозяйства и теоретиков-аграрников. Участник упомянутого съезда, бывший инспектор НКЗ в 1918–1921 годах, профессор П.Я. Гуров в беседе со мной подтвердил, что сотрудники Наркомата и многие ученые-аграрники, например, А.Н. Чайнов, В.П. Кондратьев и другие, не скрывали своего отрицательного отношения к ленинской идее коллективизации. Они настойчиво пытались убедить Владимира Ильича в том, что коллективные хозяйства, даже при использовании самой передовой техники, успеха не принесут. Их отрицательное отношение к обобществлению крестьянских хозяйств нашло отражение во многих документах и публичных выступлениях. Небезынтересен в этом отношении отчет Наркомзема за пять лет Советской власти (1917–1922). В нем, в частности, сделано весьма лаконичное резюме: «Надеяться перестроить организацию путем укрепления совхозов и сельскохозяйственных коллективов – значит идти по утопическому пути»⁴⁸³.

А то, что вольный крестьянский труд на земле давал положительные плоды, говорят такие факты: в России в 1913 году урожай зерновых был на треть выше, чем в США, Аргентине и Канаде, вместе взятых. Европа не в состоянии была прокормиться без хлеба России. И вот спустя десятилетия, благодаря коллективизации сельского хозяйства, которая была проведена в СССР коммунистическими правителями, Россия превратилась из экспортера хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в импортера.

А вот еще один любопытный факт, показывающий (?) «преимущество» социалистического способа производства.

Профессор С.Ф. Найда рассказывал, что в 1940 году на приеме у «отца народов» был директор Института философии АН СССР П.Ф. Юдин. Он усердно говорил о преимуществах советской экономики перед капиталистической. «Преимущества, безусловно, есть, – сказал Сталин. – Однако почему до нашего прихода на Выборгской электростанции работали хозяин и пять инженеров, а сейчас работают триста человек и нельзя сказать, что тока стало больше?»

* * *

Особо следует сказать о казачестве, против которого фактически было совершено тягчайшее преступление, квалифицируемое как геноцид. Первым крупным репрессивным шагом советского правительства против казачества явилось Циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года. На основании этого документа совершались массовые грабежи и расстрелы казаков, изгнание их с родных, веками обжитых мест. В первую очередь террору подверглось

⁴⁷⁹ Там же. Т. 32. С. 188.

⁴⁸⁰ Там же Т 37 С 176

⁴⁸¹ ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 16. Ед. хр. 50. Л. 39–40.

⁴⁸² Там же. Л. 73.

⁴⁸³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 118.

Донское казачество. В результате преступной экономической и социальной политики советского правительства огромная масса казачьего населения оказалась в лагере Деникина и Колчака, ведя активную борьбу против большевиков.

Ответственны за это прежде всего Ленин, Свердлов и Троцкий. Но следует отметить, что круг виновных в организации репрессивных и террористических акций против казачества значительно шире. Сегодня нужно назвать их имена. Это ближайшие соратники Ленина: Сталин, Калинин, Дзержинский, Склянский, Орджоникидзе, Кржижановский, Луначарский, Крестинский, Ворошилов, Буденный, Фрунзе, Сокольников, Курский, Аванесов, Середя, Гитлис, Тухачевский, Мехоношин, Рогачев, Дыбенко, Крыленко, Белобородов, Данишевский, Базилевич, Герасимов, Весник... Этот список можно продолжить. На их совести сотни тысяч загубленных человеческих жизней, искалеченных судеб. Между тем их именами названы города, улицы, корабли, учебные заведения, колхозы, предприятия. Многим установлены памятники.

А правда такова. Опираясь на большевистских комиссаров и военачальников, действующих в строгом соответствии с директивами правительства и находящихся под пристальным наблюдением членов РВС, Ленин делал все возможное, чтобы стереть с лица земли восставшее население Дона, Кубани, Урала. В сущности, он поступал так со всеми, кто оказывал хоть малейшее сопротивление «единой», то есть его, воле.

Но вернемся к Циркулярному письму, подписанному по указанию Ленина его соратником – Свердловым. В нем предписывались массовые расстрелы казачьих верхов и всех без исключения, служивших в красновской армии, а также косвенно причастных к ним; полная конфискация имущества репрессированных; переселение коренных жителей и колонизация казачьих районов. Готовило эту директиву Донское бюро РКП(б) (ответственные от Донбюро Сырцов и член РВС Южного фронта Ходоровский). Она была согласована с Реввоенсоветом Республики (Троцким) и председателем ВЦИК Свердловым, а затем обсуждена в ЦК (докладчик Сырцов). В предварительном документе «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», от 23 января 1919 года, подписанном Свердловым, говорилось:

«Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы. В дальнейшем идут пункты, намечающие характер работы в казачьих районах. Этот циркуляр завтра же перешлю в политотдел с особым нарочным. Необходимо держать его в строжайшем секрете, сообщая только тем товарищам, которые будут нести работу непосредственно среди казаков. Полагаю, что приведенная мною выдержка ясна и точно отвечает на все наши вопросы».

А вот и само Циркулярное письмо, отправленное «всем ответственным товарищам»:

«Циркулярно, секретно. Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляет нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. **Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.** Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселения, где это возможно.

Уравнять пришлых «иностранцев» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

Выдавать оружие только надежным элементам из иностранцев.

Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство. Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП»⁴⁸⁴ (выделено мной. – А.А.).

Как видим, инициатива Циркулярного письма исходила из большевистского штаба, в котором Ленин играл главенствующую роль. Довольно метко охарактеризовал эту роль Виктор Чернов. В статье, опубликованной в эмигрантском журнале, он подчеркивал, что в партийной и государственной пирамиде после октябрьского переворота появляется «личный диктатор. Им стал Ленин»⁴⁸⁵.

Между тем находятся авторы (например, Ф. Бирюков⁴⁸⁶), которые пытаются внушить читателю мысль, что Ленин якобы ничего об этом документе не знал и потому непричастен к актам насилия и террора против казачества. Однако хорошо известно, что Ленин и Свердлов работали рука об руку, и Свердлов не мог подписать столь ответственный документ, не согласовав его с Лениным. Напротив, есть все основания считать, что основные положения, вошедшие в Циркулярное письмо, исходили от Ленина. Наконец, следует учесть, что «Ленин, как правило, за редким исключением, участвовал во всех заседаниях ЦК РКП(б)»⁴⁸⁷.

Руководствуясь основными положениями этого документа, большевики расстреливали казаков, сжигали их дома, изымали хлеб и имущество. Вот что писала местная печать о зверствах большевиков на Дону: «Нет самого малого поселка, где бы не страдали казаки от большевиков... Небывалую, страшную эпоху голода, холода, разорения, эпидемии и смерти переживает Дон, а также наша станица (Константиновка. – А.А.), не к кому нам, казакам, обратиться за помощью. Некому поведать свои муки и горе»⁴⁸⁸. Об этих зверствах сообщал в Москву и член РВС Юго-Восточного и Кавказского фронтов В.А. Трифонов. В письме члену редакции «Правды» А.С. Сольцу он отмечал: «На юге творились и творятся величайшие безобразия, о которых нужно во все горло кричать на площадях»⁴⁸⁹. Из докладов сотрудников ВЧК Ленин хорошо знал о массовых расстрелах и арестах казаков, их выселении из станиц Вешенской, Казанской и Мигулинской. И тем не менее в телеграмме члену РВС Южного фронта Сокольникову, отправленной шифром 20 апреля 1919 года, он возмущается: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось»⁴⁹⁰. (Несмотря на все усилия, экспедиционные войска не могли справиться с восставшими, действия которых распространялись на всю Донскую область.)

Зная об истинной обстановке на Дону, Ленин сознательно извращал и фальсифицировал факты. Искусственно превращая казаков в бандитов, он всячески настраивал и натравливал против них рабочих, матросов и солдат. Так, в речи на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 года он говорит: «Еще и поныне в глубине Донецкого бассейна бродят казачьи шайки, которые беспощадно грабят местное население»⁴⁹¹. Надо сказать, подобная ложь и демагогия давали свои плоды: политически неграмотная масса всерьез восприняла эти слова «вождя пролетариата» и, слепо повинувшись его призыву, пошла на юг, чтобы уничтожить «казачьи шайки» и получить «хлеб с меньшими затратами и большими результатами»⁴⁹², то есть путем открытого грабежа.

Однако никаких шаек на Дону не было: казачество восстало в ответ на грабежи, репрессии и террор большевиков. Это подтверждается докладом командования Южного фронта Главкому: «Восстание вспыхнуло 11 марта, и, по получении первого донесения об этом, 12 марта мною был отдан приказ с исчерпывающими указаниями для решительного подавления восстания». Командование фронтом сообщало также, что для этой цели создана группа «экспедиционных

⁴⁸⁴ ЦГАСА. Ф. 60/100. Ед. хр. 10 С. Л. 151–153.

⁴⁸⁵ «Воля народа». 1924. № 3.

⁴⁸⁶ См.: Бирюков Ф. *Трагедия народа*. – «Москва». 1989. № 12.

⁴⁸⁷ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 702.

⁴⁸⁸ «Донские ведомости». 1919. 11(24) сентября.

⁴⁸⁹ Трифонов Ю. *Отблеск костров*. М. 1988. С. 167.

⁴⁹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 283.

⁴⁹¹ Там же. Т. 38. С. 35.

⁴⁹² Там же. С. 36.

войск 8 и 9 армии»⁴⁹³. 15 марта 1919 года командарм 2-й Конной армии Филипп Кузьмич Миронов направил очередное письмо в Реввоенсовет Республики, в котором обрисовал истинную обстановку на Дону. «Адвокат» Ленина, Ф. Бирюков, пишет, что письма Ленин якобы получил 8 июля, и, «прочитав их, он сказал в присутствии Калинина, Макарова и Миронова: «Жаль, что вовремя мне этого не сообщили»⁴⁹⁴. Но тут снова – чистой воды вымысел, попытка отмежевать Ленина от его соратников, совершивших чудовищное преступление против казаков.

Ленин лично занимался организацией подавления восстания. В телеграмме Сокольникову от 24 апреля 1919 года он пишет:

«Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, и до конца, восстание. От Цека послан Белобородов. Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно»⁴⁹⁵.

Вторую телеграмму Ленин направил в Киев Раковскому, Антонову, Подвойскому и Каменеву: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель»⁴⁹⁶. Такая категоричность и жесткость требований вытекала из того, что Ленин решил переселить на Дон миллионы рабочих и крестьян из других губерний. Что же касается казачества, то оно в соответствии с Циркулярным письмом выселялось из родных мест, частью уничтожалось, частью подвергалось аресту. 24 апреля Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область». В соответствии с ним на Дон переселялись из Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской губерний. 21 мая в телеграмме народному комиссару Середе он требует дополнительно направить на Дон переселенцев из Московской, Тверской, Смоленской и Рязанской губерний.⁴⁹⁷ Позже, по указанию Ленина, стали поступать переселенцы из Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний. Несомненно, это был преступный акт, направленный против целого народа и рассчитанный на его полное уничтожение.

В течение мая Ленин направил десятки телеграмм и писем Троцкому, Каменеву, Белобородову, Середе, Луначарскому, Сокольникову, Колегаеву, Хвесину и другим, в которых строжайшим образом требовал ускорить подавление казаков и переселение граждан в Донскую область из других губерний. «Двиньте энергичнее массовое переселение на Дон»⁴⁹⁸, – телеграфирует он в Кострому Луначарскому. От Сокольникова требует «подавить восстание немедленно»⁴⁹⁹. Троцкому советует «удесятерить атаку на Донбасс и во что бы то ни стало немедленно ликвидировать восстание на Дону... посвятить себя всецело ликвидации восстания»⁵⁰⁰. (А тот, в свою очередь, выдвигает тезис: «Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его революционной диктатуры»⁵⁰¹.)

Требования Ленина подхлестнули командующего Южным фронтом В. Гиттиса на решительные действия. 17 мая он дает директиву экспедиционным войскам (№ 4011 оп.) о подготовке к операции по ликвидации восстания в Верхнедонских станицах.⁵⁰²

3 июня Ленин беседует с членами ревкома Котельниковского района Донской области – Колесниковым и Неклюдовым о положении на Дону и об отношении к казачеству. Представители с Дона подробно рассказали ему о всех бесчинствах и грабежах. Лицемерно пообещав помочь казакам, Ленин, однако, **в этот же день** отправил телеграмму командованию Южного фронта, в которой, в частности, говорилось: «Держите твердо курс в основных

⁴⁹³ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 110. Л. 659.

⁴⁹⁴ «Москва». 1989. № 12. С. 170.

⁴⁹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 289–290.

⁴⁹⁶ Там же. С. 290.

⁴⁹⁷ Ленинский сборник. Т. XXXIV. С. 144–145.

⁴⁹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 313.

⁴⁹⁹ Там же. С. 314.

⁵⁰⁰ Там же. С. 32 Г.

⁵⁰¹ Троцкий Л. *Терроризм и коммунизм*. М.–Л. 1925. С. 24.

⁵⁰² ЦГАСА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 135–136.

вопросах»⁵⁰³ Иными словами, он требовал продолжать террор. Более того, во второй половине того же дня, председательствуя на заседании Совета Народных Комиссаров, Ленин обсуждал вопрос о ходе переселения на Дон.⁵⁰⁴

Следует привести еще один важный документ. 14 августа 1919 года, по инициативе Ленина, ВЦИК и СНК приняли Обращение к Донскому, Кубанскому, Терскому, Астраханскому, Уральскому, Оренбургскому, Сибирскому, Семиреченскому, Забайкальскому, Иркутскому, Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам. Приводимый ниже текст «Обращения» позволяет еще раз убедиться в наглости и лицемерии «вождя трудового народа».

«Казачи Дона, Кубани, Терка и других казачьих войск! Второй год бывшие помещики, банкиры, фабриканты, купцы, царские генералы, полицейские и жандармы ведут в России жестокую внутреннюю войну против рабоче-крестьянской власти и в этой войне находят у вас поддержку... Почему вы, казаки, помогаете вековым угнетателям народа? Разве новая рабоче-крестьянская власть стала притеснять вас или ваши родные места и веру? Ведь этого нет. Напротив, Рабоче-Крестьянское правительство объявило свободу всем. Такую свободу дало оно и казакам. Оно не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)... Советское правительство одинаково заботится о казаке, крестьянине и рабочем. Оно защищает их общие интересы... За преступление против казаков, крестьян и рабочих Советское правительство строжайше наказывает, вплоть до расстрела... М. Калинин, В. Ульянов (Ленин), В. Аванесов, М. Макаров, Ф. Степанов»⁵⁰⁵.

Самое интересное: в подлиннике «Обращения» нет подписей комиссара по казачьим делам М. Макарова и заведующего казачьим отделом ВЦИК Ф. Степанова. Они просто отказались заверить насквозь фальшивый документ, понимая, что он – не что иное, как попытка еще раз обмануть общественное мнение. Многие ли знали тогда о требовании Ленина «полной ликвидации уральских казаков»⁵⁰⁶, направлении «самых энергичных людей» Держинского для подавления народного восстания в районе станиц Вешенской и Казанской⁵⁰⁷ и о последующем заявлении о том, что мы «не сможем обработать не меньше, чем в 3 миллиона десятин по реке Уралу... до 800 000 десятин»⁵⁰⁸ в Донской области?

Заключительным актом трагедии стал подписанный Лениным 25 марта 1920 года декрет СНК «О строительстве Советской власти в казачьих областях». В нем говорилось:

«Учредить в казачьих областях общие органы Советской власти, предусмотренные Конституцией Российской Федеративной Социалистической республики и положением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о сельских Советах и волостных исполкомах... Отдельных Советов казачьих депутатов не должно быть создаваемо... Декрет от 1 июня 1918 г. об организации управления казачьими областями... отменить»⁵⁰⁹.

А тем временем террор продолжался. Так, на Кубани «после подавления восстания была произведена регистрация всех офицеров и чиновников, которая дала 30 000 чел. ... часть из них, около 3000 чел., была расстреляна, а все остальные сосланы в Соловецкий монастырь», – сообщала берлинская газета «Руль». В газете говорилось, что, «начав расстрелы, большевики не прекращают их до последнего времени»⁵¹⁰.

Большевики не останавливались ни перед чем. Они раскопали могилу генерала Корнилова, вытащили тело и возили его по улицам Екатеринграда, чтобы показать населению, что Корнилов мертв и тем самым оказать на него психологическое воздействие и усмирить восставший против большевистского правительства народ. От карательных мер большевиков Россия понесла большие жертвы.

В целом в стране за годы гражданской войны подверглось репрессиям свыше 4 млн. казаков.

⁵⁰³ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 387.

⁵⁰⁴ Там же. Т. 38. С. 562.

⁵⁰⁵ Декреты Советской власти. Т. 6. С. 25–28.

⁵⁰⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 62.

⁵⁰⁷ Там же. Т. 50. С. 292, 482.

⁵⁰⁸ Там же. Т. 42. С. 111–112.

⁵⁰⁹ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 391–392.

⁵¹⁰ «Руль». № 30. 1920. 21 декабря.

На совести Ленина еще один страшный грех. После смерти Ильи Николаевича, отца Ленина, более 30 лет семья Ульяновых жила на пенсию, установленную царским правительством. Ленин практически вплоть до октября 1917 года нигде не работал, разъезжая по Европе на средства государства и трудящихся. Но придя к власти, у него повернулся язык дать приказ о расстреле царя, членов его семьи и ближайших родственников. (В 20-й главе это зверство будет описано более подробно.)

Изучая кровавые деяния Ленина, складывается впечатление, что в этом человеке от рождения бушевала сплошная желчь.

* * *

С особой жестокостью Ленин расправлялся со своими политическими противниками. Лидер партии эсеров В.М. Чернов в этой связи вспоминал:

«Помню, раз до войны, дело было в году, кажется, в 11-ом – в Швейцарии. Толковали мы с ним (*Лениным. – А.А.*) в ресторанчике за кружкой пива – я ему и говорю: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!» А он поглядел на меня и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера», – прищурился и засмеялся»⁵¹¹.

Но Ленин «не сдержал» своего слова: первой жертвой стала кадетская партия. К ним он питал особую ненависть.

Объявив кадетов врагами народа, большевики стали физически истреблять их без суда и следствия. А затем, задним числом (28 ноября 1917 г.), был издан подготовленный Лениным декрет СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции»⁵¹², объявивший кадетов государственными преступниками, подлежащими суду ревтрибунала. В конце ноября 1917 года кадетская партия была обезглавлена; многих ее членов ЦК арестовали и расстреляли, в их числе – председателя комиссии по подготовке законопроекта о выборах в Учредительное собрание Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. Тысячи рядовых членов партии беспощадно уничтожались большевиками и анархистами (последние не подозревали, что скоро наступит и их черед).

По поводу этих чудовищных злодеяний газета «Русь» писала: «*Невинным жертвам злодеев и благородным борцам за свободу Шингареву и Кокошкину вечная память. Ленину, растлителю России, вечное проклятие*»⁵¹³.

Но что какое-то абстрактное «поповское» проклятие рвущемуся к власти «вождю». Отвечая на письмо жены Горького, М.Ф. Андреевой (кстати, большевички), он утверждает: «*Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околкадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее*»⁵¹⁴.

Теперь на очереди были эсеры. Однако Ленин понимал, что расправиться с ними не так просто. Авторитет партии социалистов-революционеров в массах был высок. Они представляли в Советах большинство. Многомиллионная масса крестьянства поддерживала эсеров, поскольку их программа отвечала интересам селян. Значительную поддержку имели они со стороны рабочих и интеллигенции России. Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, был составлен эсерами. Об их авторитете говорит и такой факт: из 715 депутатов, избранных в Учредительное собрание, более половины составляли эсеры.

И все же Ленин начал борьбу, правда, сначала против правых эсеров, понимая, что иначе у власти ему не удержаться. Первый удар он нанес, распустив Учредительное собрание.

Основные же сражения начались весной и летом 1918 года. Это столкновение было неминуемо, поскольку продразверстка своим острием была направлена против земледельцев. И естественно, эсеры, особенно левые, не могли сидеть сложа руки и смотреть на массовый экономический и физический террор, организованный против крестьян большевистским правительством. Они совершенно обоснованно требовали отмены продразверстки и роспуска комитетов бедноты, занимающихся вместе с продотрядами незаконной экспроприацией.

Ленин не захотел отступать. Эсеры вынуждены были прибегнуть к ответным мерам. В борьбе с большевиками они имели явный перевес. В сущности, к исходу дня 6 июля 1918 года власть большевиков висела на волоске. И кто знает, чем бы закончилось это единоборство, если

⁵¹¹ Цит. по: Гуль Роман. *Жизнь на фукса*. М.–Л. 1927. С. 37.

⁵¹² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 162.

⁵¹³ «Русь». 1918. 18 января.

⁵¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 52.

бы последние в критический для себя момент не прибегли к помощи наемных (платных!) латышских стрелков.

Новая волна большевистского террора против эсеров поднялась в начале 1922 года. В конце февраля официальные органы объявили о предстоящем в Москве процессе над правыми эсерами, которые обвинялись в акциях, совершенных в годы гражданской войны. Предлогом послужили показания бывших членов Боевой организации – Л. Коноплевой и ее мужа Г. Семенова (Васильева), к этому времени уже состоящих в РКП(б). Семенов утверждал, будто правые эсеры еще осенью 1917 года готовили покушение на Ленина, Зиновьева, Троцкого и других вождей большевистской партии.⁵¹⁵ Начались аресты. Тут же с протестом выступили лидеры меньшевистской партии во главе с их признанным вождем Ю.О. Мартовым. В одном из апрельских номеров «Социалистического Вестника», в передовой статье, озаглавленной «Первое предостережение», говорилось:

«Цинизм, с каким через 10 дней после опубликования брошюры предателя в Берлине было состряпано «дело» против с.-р.-ов в Москве, со всею ясностью поставил перед социалистами и рабочими вопрос о методах расправы большевиков со своими политическими противниками вообще. То, что обычно творилось под спудом, впервые открыто выявилось во всем своем безобразии. Террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации – вот против чего поднял свой протестующий голос пролетариат»⁵¹⁶.

В защиту эсеров высказался Горький. В письме А.И. Рыкову от 1 июля 1922 года он, в частности, предупреждал:

«Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, – это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство. Я прошу сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо за время революции я тысячекратно указывал Сов(етской) власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и бескультурной стране. Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты, – это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России»⁵¹⁷.

В поддержку социалистов-революционеров выступил и выдающийся французский писатель Анатоль Франс. В письме Горькому он подчеркивал: «Как и Вы, я считаю, что их осуждение тяжело отразится на судьбах Советской Республики. От всего сердца присоединяюсь, дорогой Горький, к призыву Вашему по адресу Советского правительства...»⁵¹⁸

Однако Ленина было уже не остановить – он приступил к **полному** истреблению эсеров и ликвидации их партии. «Я читал в «Социалистическом Вестнике» поганое письмо Горького...» – пишет он в Берлин Бухарину.⁵¹⁹ Лидер большевиков внимательно следил за тем, как карательные органы уничтожают «последнего эсера». Даже будучи больным, находясь в Горках, 10 декабря 1922 года он «передает по телефону свое согласие с проектом решения Политбюро ЦК РКП(б) относительно приговора по процессу эсеров в Баку».⁵²⁰

Эсеров выгоняли с работы, закрывали их издания, в редакциях устраивали погромы.⁵²¹

* * *

С не меньшей жестокостью Ленин расправлялся и с меньшевиками. Теоретические разногласия начались еще задолго до II съезда РСДРП. (Кстати, термин «меньшевик» выдуман Лениным. Этот ярлык сторонники Мартова с успехом могли бы навесить на Ленина и его единомышленников, когда на II съезде одержали победу над «большевиками» при обсуждении и принятии первого параграфа устава – о членстве в партии.) В последующие годы противоречия все более обострялись. Мартов и его сторонники были против социалистической революции, поскольку считали, что Февральская революция создала для России огромные возможности

⁵¹⁵ Семенов Г. *Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.* Берлин, 1922.

⁵¹⁶ «Социалистический Вестник». № 7(29). 1922. 3 апреля.

⁵¹⁷ «Социалистический Вестник». № 13–14(35–36). 1922. 20 июля.

⁵¹⁸ «Голос России». № 1005* 1922. 11 июля.

⁵¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 279.

⁵²⁰ Там же. Т. 45. С. 708.

⁵²¹ Жертвой большевистского террора стал и Н.Н. Суханов: он был изгнан из центрального советского учреждения (ЦИК); устранен и от литературной работы из-за закрытия «Новой жизни».

ускоренного социально-экономического и политического развития. Но Ленин и слушать не хотел никаких доводов. Социалистическая революция была для него единственным средством осуществления истинных намерений – захвата власти. Он не мыслил жизни без власти.

Так или иначе, меньшевики были для Ленина убежденными противниками, и их требовалось убрать с политической арены. Но для решительных действий нужен был предлог. Таким предлогом стала деятельность меньшевиков по созданию Собраний уполномоченных, действующих параллельно с Советами. Главная задача, которую они ставили перед собой, заключалась в том, чтобы заставить большевиков удовлетворить законные требования трудящихся масс, совершивших революцию.

К лету 1918 года успех предпринятых меньшевиками шагов был настолько очевиден и приобрел настолько широкий размах, особенно в рабочей среде, что встал вопрос об организации Всероссийского съезда Собраний уполномоченных. Но до этого дело не дошло. Еще накануне Первой Всероссийской конференции уполномоченных от заводов и фабрик, назначенной на 20 июля, большевики объявили это движение контрреволюционным и повесили на меньшевиков ярлык «враги народа».

Начались повальные аресты. По сути дела, осуществлялся ленинский план разгрома и полной ликвидации меньшевистской партии. В массовом порядке закрывались печатные органы меньшевиков. Против них стали организовываться суды. Начались процессы против лидеров партии – Ю. Мартова, Ф. Дана, А. Мартынова, С. Шварца, Б. Николаевского, Е. Грюнвальда и др. В знак протеста рабочие многих крупных городов выступили с политическими забастовками. В конце 1920 года Ленин подписывает постановление СНК, на основании которого разрешается брать в заложники социал-демократов, отдавших всю свою сознательную жизнь борьбе с самодержавием. Из страны высылают Ю.О. Мартова, а после продолжительной голодовки и под давлением прогрессивной общественности Запада кремлевские власти вынуждены были освободить и остальных. В январе 1922 года Б. Николаевский, Ф. Дан, Л. Дан и Е. Грюнвальд покидают Россию.

С резким осуждением большевистского произвола выступила Европейская социал-демократия. На страницах социалистической печати Германии, Франции, Австрии и других стран подчеркивалось, что действия большевиков усложняют и затрудняют социал-демократическое движение на Западе. Эти выступления сыграли едва ли не решающую роль в смягчении репрессий против меньшевиков. Частично их освободили из тюрем. Но они вынуждены были либо покинуть Россию, либо переселиться в провинцию, чтобы избежать дальнейших преследований.

И все же меньшевики у Ленина были под особым контролем. В этой связи примечателен такой факт. Летом 1921 года из заключения освободили профессора Н.А. Рожкова, арестованного в феврале того же года как члена Петроградского комитета РСДРП меньшевиков. Это решение было принято в связи с заявлением Рожкова о своем выходе из меньшевистской партии. Узнав об этом, Ленин в письме Зиновьеву от 31 января 1922 года обвинил его «в неосновательных побряках», подчеркнув при этом, что *«решено было Рожкова не выпускать на свободу»*⁵²². Но и этого ему показалось недостаточно. В тот же день он пишет письмо заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту, в котором, в частности, подчеркивает: *«Дело теперь только в чисто технических мерах, ведущих к тому, чтобы наши суды усилили (и сделали более быстрой) репрессию против меньшевиков»*⁵²³.

По мере захвата и советизации губерний, а также независимых национальных государств, образованных на территории бывшей Российской империи после Февральской революции, большевики, расправлялись со всеми политическими партиями. В общей сложности было ликвидировано около 100 различных партий, движений и союзов. Жертвами стали: кадеты, эсеры, меньшевики, октябристы, бундовцы, прогрессисты, анархисты, трудовики, дашнаки, мусаватисты, крестьянский союз, «Партия демократических реформ», «Партия правового порядка», «Либерально-монархическая партия», «Союз русского народа», «Торгово-промышленная партия» и многие другие.

* * *

Репрессивные меры против инакомыслящих советское правительство применяло с первых же дней переворота. До начала 1922 года этим занималась Всероссийская Чрезвычайная

⁵²² Там же. Т. 54. С. 149.

⁵²³ Там же.

Комиссия (ВЧК). Непосредственное участие в разработке многих документов, определяющих ее деятельность, принял Ленин. Об этом говорит даже такой факт: «Только в сборник «В.И. Ленин и ВЧК», выпущенный вторым изданием в 1987 году, вошло 680 документов (!), написанных Владимиром Ильичём или принятых при его участии».⁵²⁴

6 февраля 1922 года ВЧК была упразднена, но фактически продолжала свою деятельность, вплоть до лета, под предлогом сдачи дел в ревтрибуналы и народные суды. Но, как говорят, свято место пусто не бывает. Взамен чрезвычайной комиссии было образовано Государственное политическое управление (ГПУ), взявшее на себя те же карательные функции.

Следует отметить, что в большевистских изданиях стали публиковать статьи и отдельные работы, в которых делалась безуспешная попытка оправдать массовый террор карательных органов против народа России. Так, М. Лацис (Судрабс), бывший одним из активных участников октябрьского переворота и руководителем аппарата ВЧК, пишет в своей книге: «В Петрограде было расстреляно до 500 человек в ответ на выстрелы в тов. Ленина и Урицкого»⁵²⁵. Из этого следует, что до 30 августа 1918 года большевики якобы не осуществляли массовый террор. Но это заведомая ложь.

Еще в 1906 году в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Ленин, пытаясь «научно» обосновать необходимость применения большевиками террора, пишет: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»⁵²⁶. А ближайший соратник Ленина – Троцкий в свою очередь дал четкое определение понятию «Красный террор», который в его понимании «есть орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать»⁵²⁷ (мы еще увидим, против какого «класса» его направляли). Другой большевистский теоретик, Бухарин, определяя задачу российского пролетариата в переходный период, заявлял:

«Между коммунизмом и капитализмом лежит целый исторический период. На это время еще сохранится государственная власть в виде пролетарской диктатуры. Пролетариат является здесь господствующим классом, который, прежде чем распустить себя, как класс, должен раздавить всех своих врагов, перевоспитать буржуазию, переделать мир по своему образцу и подобию»⁵²⁸.

До чего же абсурдно и реакционно высказывание Бухарина. Ленин и его единомышленники десятилетиями осуждали меньшинство российского государства – помещиков и капиталистов, составляющих господствующий класс, а тут на их смену приходит новый господствующий класс – пролетариат, находящийся в меньшинстве среди всей массы населения, и пытается навязать «свою» волю и порядки большинству народа России. Не трудно заметить, что, прикрываясь именем пролетариата, большевистское правительство приступило к реализации своего плана порабощения всего народа России. Вот весь смысл пропагандистской демагогии Бухарина.

Но вернемся к Лацису. Руководствуясь теоретическими положениями большевистских вождей, он разрабатывает методику следствия и допроса арестованных:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, – уверял он. – Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора»⁵²⁹.

Думается, что этот инструктаж большевистского палача-комиссара не нуждается в комментариях. Зато следует прояснить его заявление о том, что заседание Учредительного собрания «было закрыто покойным тов. Урицким на основании декрета ВЦИК о роспуске Учредительного собрания»⁵³⁰. О том, как разогнали Учредительное собрание, будет подробно сказано в

⁵²⁴ Красная книга ВЧК. Т. 1. М. 1989. С. 11.

⁵²⁵ Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.). Два года борьбы на внутреннем фронте. М. 1920. С. 24.

⁵²⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 320.

⁵²⁷ Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. С. 64.

⁵²⁸ Бухарин Н. Атака. Сборник теоретических статей, издание 2-е. М. Госиздат. 1926. С. 102.

⁵²⁹ «Красный террор». 1918. 1 ноября.

⁵³⁰ Лацис М.И. Указ. работа. С. 52.

12-й главе. Здесь же только вспомним надпись на ленте одного из венков, возложенных от делегации питерских рабочих на могилы расстрелянных в день открытия Учредительного собрания: «Жертвам произвола самодержцев из Смольного»⁵³¹.

Свое отношение к этой террористической акции выразил М. Горький в газете «Новая жизнь»:

«5-го января 1918 г. безоружная петербургская демократия – рабочие, служащие – мирно манифестировали в честь Учредительного собрания – политического органа, который бы дал всей демократии русской свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибали в тюрьмах, в ссылке и на каторге, на виселицах и под пулеметами солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – и вот народные комиссары приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из народных комиссаров сами же на протяжении всей политической деятельности своей внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи» и «калединцы». «Правда» лжет: она прекрасно знает, что «буржуйам» нечего радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 большевиков.

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красным знаменем российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Я спрашиваю «народных» комиссаров, среди которых должны быть порядочные и разумные люди: понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции ?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы – власть, или – пускай всё и все погибнут?»⁵³².

Как видим, массовый террор был абсолютно не связан с выстрелами в Ленина и Урицкого, а явился планомерным воплощением в жизнь составной части большевистской идеологии (кстати, как известно, первый подобный опыт большевики поставили еще в июле 1917 года в Петрограде).

Уже в первые дни советской власти демократическая общественность стала протестовать против действий большевиков. Так, 4 ноября на заседании ВЦИК выступил левый эсер П. Прошьян:

«Только что принятая большинством ЦИК резолюция о печати представляет собой яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны. Фракция с.-р., оставаясь в составе ЦИК как правомочного органа революционной демократии, для того, чтобы защитить интересы рабочих и крестьян, которых она представляет, не желает ни в какой мере нести ответственность за гибельную для революции систему террора...»⁵³³

На этом же заседании представитель фракции левых эсеров огласил следующее заявление:

«Председателю Центр. Исп. Ком. 2-го Съезда С. Р. и С. Д. Фракция левых с.-р. предлагает ЦИК обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров Ульянову-Ленину со следующим спешным запросом: на 2-м Съезде С. Р. и С. Депутатов было установлено, что ЦИК является верховным органом, перед которым в полной мере ответственно правительство. Между тем за последние дни опубликован ряд декретов (от имени правит.), без всякого обсуждения и санкций ЦИК. В таком же порядке проведены правительством действия, фактически отменявшие начало гражданских свобод. Мы предлагаем сделать запрос Председателю Совета Народных Комиссаров:

На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ЦИК.

Намерено ли правительство отказаться от произвольно недопустимого порядка – декретирования законов»⁵³⁴.

⁵³¹ «Новая жизнь». 1918. 11 января.

⁵³² «Новая жизнь». 1918. 9 января.

⁵³³ Протоколы заседаний Всероссийского центрального Исполнительного Комитета Совета Р., С., Кр. и Каз. Депутатов II созыва. Издательство ЦИК. М. 1918. С. 27.

⁵³⁴ Там же. С. 28.

Во время выступления Ленина, когда тот пытался оправдать свои действия, член ЦИК Мирский предложил дальнейшее заседание вести при закрытых дверях. *«У нас нет и не может быть тайн от народа, – заявил Прошьян. – Наши избиратели должны знать, что делают избранные ими представители»*⁵³⁵. Предложение Мирского было отвергнуто.

Такая обстановка в ЦИК Ильича не устраивала. Он незамедлительно берется за наведение «порядка», чтобы превратить его в послушный орган. Уже 8 ноября Каменев, разумеется, не без давления со стороны Ленина, слагает с себя обязанности председателя. В этот же день девятнадцатью голосами против четырнадцати Ленин протаскивает в председатели Свердлова.⁵³⁶ Именно протаскивает, если учесть, что на заседании в нем присутствовало менее трети от общего числа членов ЦИК.

Остановить большевистский террор было уже невозможно: его гигантский маховик был приведен, в движение выстрелом «Авроры». По явно заниженным цифрам, приведенным Лацисом, в 1918 году и за 7 месяцев 1919 года было расстреляно 8389 человек⁵³⁷, из них: Петроградской ЧК – 1206; Московской – 234; Киевской – 825; ВЧК 781 человек⁵³⁸, в концлагерях содержится 9496 человек, в тюрьмах – 34 334; в заложниках числятся 13 111 человек; арестовано за указанный период всего 86 893 человека⁵³⁹.

Таким образом, покушение на Ленина стало формальным предлогом для усиления террора. Первым шагом явилось Постановление СНК от 5 сентября 1918 года, в котором подчеркивалось:

«Заслушав доклад председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, ЧК находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности ВЧК и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежникам; что необходимо публиковать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁵⁴⁰.

Вооружившись этим директивным документом, чекисты развернулись вовсю. Так, по свидетельству жителя Екатеринограда, в городской тюрьме с августа 1920 года по февраль 1921 года было расстреляно около 3000 человек⁵⁴¹. За 11 месяцев в Одесской чрезвычайке уничтожили *«от 15 до 25 тысяч человек. В газетах опубликованы имена почти семи тысяч расстрелянных с февраля 1920 г. по январь 1921 г. В Одессе находятся еще 80 тысяч в местах заключения»*⁵⁴². В сентябре 1920 года в Смоленске жестоко подавляют восстание военного гарнизона, в ходе которого было расстреляно примерно 1200 солдат⁵⁴³. В «Севастопольских Известиях» печатают список первых жертв террора; казнено 1634 человека, в том числе 78 женщин. Сообщается, что *«Нахимовский проспект увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же, наспех, казненных без суда»*⁵⁴⁴. В Севастополе и Балаклаве, по словам свидетелей, ЧК расстреляли до 29 тысяч человек⁵⁴⁵. В целом в Крыму было расстреляно 50 тысяч человек.⁵⁴⁶

Очевидец зверств большевиков в Крыму Анастасия Павловна Майкова рассказывала автору этих строк, что старые генуэзские колодцы были заполнены расстрелянными солдатами и офицерами. Она говорила, что жертвами большевистского террора стали и многие рабочие.

Заметим, что в этот период председателем Ревкома Крыма Лениным был назначен венгерский государственный преступник и палач Бела Кун. Между тем его именем в Москве названа площадь.

⁵³⁵ Там же. С. 29.

⁵³⁶ Там же. С. 40.

⁵³⁷ Лацис М.И. Указ. работа. С. 75.

⁵³⁸ Там же. С. 76.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ «Еженедельник ВЧК». 1918. № 1. С. 11.

⁵⁴¹ «Кубанская чрезвычайка». 1921. С. 228.

⁵⁴² «Руль». №51. 1921. 18 января.

⁵⁴³ «Последние новости». 1920. 20 ноября.

⁵⁴⁴ «Руль». № 22. 1921. 11 декабря.

⁵⁴⁵ «Общее дело». 1921. Январь.

⁵⁴⁶ «За народ». 1921. № 1.

О чудовищных злодеяниях большевиков в Крыму достаточно широко известно. И тем не менее свидетельство хозяйки «конспиративной» квартиры М.В. Фофановой, которую Ленин знал «как честнейшую большевичку», на мой взгляд, представляет особый интерес.

Войска генерала П.Н. Врангеля в середине ноября 1920 года оставили Крым. Они не выдержали натиск миллионной армии Южного фронта, состоящей из «интернационалистов» (а в сущности, наемных убийц из числа военнопленных – немцев, австро-венгров, уголовников и безграмотных людей, латышских стрелков, а также голодных китайских волонтеров).

После оставления Крыма Врангелем М.В. Фофанова была введена в состав тройки ВЦИК для изучения положения дел на полуострове. В отличие от своих коллег по тройке, Фофанова много времени уделяла беседам с населением, рядовыми красноармейцами и меньше всего обращала внимание на сомнительные рассказы новоявленных властей, комиссаров, сотрудников ЧК, комендантов городов и воинских гарнизонов. В итоге ею было установлено, что массовые расстрелы и убийства солдат и офицеров Белой Армии и среди гражданского населения начались незамедлительно после захвата войсками Южного фронта Крыма. По глубокому убеждению Маргариты Васильевны, массовые расстрелы и казни были организованы председателем Реввоенсовета Республики Л. Троцким, командованием (М. Фрунзе) и членами реввоенсовета (Бела Кун, С. Гусев) Южного фронта, а также большевистскими комиссарами Р. Землячкой, Г. Фельдманом и другими палачами. Известное участие в этом, с позволения сказать, мероприятии приняли Д. Ульянов (брат Ленина) и местные партийные и советские руководители Крыма. Как рассказывала мне Фофанова, большевики особенно свирепствовали в Керчи, Севастополе, Симферополе, Карасу-базаре (ныне Белогорск), Феодосии, Гурзуфе, Евпатории, Судаке, Алупке. Во время очередной нашей встречи Фофанова показала мне пожелтевший за годы номер керченских «Известий», где была опубликована статья венгерского государственного и уголовного преступника Белы Куна. В ней матерый палач писал: *«Троцкий сказал, что он не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму»*. Заявление Троцкого было правильно понято местными партийными органами и руководителями военного командования Южного фронта. Как свидетельствовала М.В. Фофанова, большевики расстреливали раненых, больных солдат и офицеров Белой Армии прямо в лазаретах, госпиталях и санаториях. Расстреливали и «содействующих» «контрреволюционерам» – врачей, медсестер и санитаров. Расстреливали стариков, женщин и даже грудных детей. Тюрьмы городов были забиты заложниками. На улицах валялись трупы расстрелянных, среди которых были и дети. Об этих чудовищных злодеяниях, как ни странно, широко оповещали местные большевистские издания (например, «Известия» временного Севастопольского Ревкома, Керченские «Известия» и другие).

В ходе расследования Фофанова установила: в Керчи пленных солдат и офицеров большевики на баржах вывозили в открытое море и топили. По ее мнению, жертвы большевистского террора в Крыму исчислялись десятками тысяч.

– Все это нужно было тщательно, на профессиональном уровне, расследовать. Но указаний не последовало, – говорила Маргарита Васильевна. В июле 1921 года, завершив «ревизию», Фофанова написала письмо Ленину. Она обстоятельно информировала главу партии и государства о терроре, злоупотреблениях и массовых насилиях местных властей против населения, солдат и офицеров армии Врангеля, оставшихся в Крыму.

Как же отреагировал Ленин на это письмо? Он немедленно отозвал Фофанову из Крыма. «Пожалел» ее. Затем написал два письма: одно секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову, а второе – заместителю народного комиссара земледелия В.В. Осинскому. Первого Ленин предупреждал: *«т. Молотов! И я, и Надежда Константиновна знаем Фофанову как честнейшую большевичку еще с лета 1917 года. Надо обратить сугубое внимание. Черкните мне два слова. Ленин»*.⁵⁴⁷

В тот же день (24 июля) он направил письмо Осинскому (приложив письмо Фофановой из Крыма) следующего содержания:

«т. Осинскому (с просьбой по прочтении передать и т. Теодоровичу). Автор – тов. Фофанова, была членом коллегии НКзем. На этот пост я не предлагаю. Это – партийный товарищ, архииспытанный еще до октября 1917. Агроном. По-моему, использовать безусловно необходимо: вызовите, поговорите, обдумайте. Либо на местную работу. Либо на инспекторскую. Агрономов из партийных товарищей так мало, а среда эта (агрономы) такая «чужая», что **надо обими руками**

⁵⁴⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 53. С. 61.

ухватить партийного человека для надзора за этой средой, проверки ее, привлечения этой среды к нам. Черкните, когда решите, как делаете. Ленин.

P.S. Верните письмо Фофановой»⁵⁴⁸ (выделено мной. – А.А.).

Судя по тому, что по поводу письма Фофановой Ленин никому больше не писал, не телеграфировал и ни с кем по телефону не разговаривал (например, с председателем крымского совдепа, командующим Южного фронта, ВЧК), никому взбучку не давал за преступления в Крыму, то, о чем писала Фофанова, его ничуть не волновало и не беспокоило: ведь массовые расстрелы в Крыму, равно как и в других регионах России, проводились по его указанию. Что же касается его писем Молотову и Осинскому, то это легко объяснимо: Ленин был в неоплатном долгу перед Фофановой за то, что она, рискуя арестом, прятала его у себя в квартире, поэтому намеревался трудоустроить ее. Ленин также понял, что из Фофановой террористка не получилась, поэтому он решил использовать ее в качестве стукачки и «для надзора» за «**чужой**... средой». Но Ленин и здесь ошибся: Фофанова не стала ни доносчиком (как Л.А. Фотиева – секретарь Ленина), ни надзирательницей.

М.В. Фофанова ушла из жизни с болью в душе за свою причастность к партии, на которой изначально стояло родимое кровавое пятно терроризма и мизантропии.

Не было губернии, уезда, села, где бы не оставили кровавый след большевистские палачи. В Епифановском уезде Тульской губернии в 1919 году было расстреляно 150 человек, в Медыньском уезде Калужской губернии – 350, в Понском уезде Рязанской губернии – 300, в Касимовском уезде той же губернии – 150, в Тверской губернии – 200, в Смоленской губернии – 600 человек.⁵⁴⁹ Во время подавления Кольванского восстания в 1920 году в Томской губернии было расстреляно свыше 5000 человек.⁵⁵⁰ Массовые расстрелы проводились в Москве, Ярославле, Казани, Саратове, Курске и других городах. За три месяца 1921 года было подавлено 114 восстаний, расстреляно 4300 человек, из них в Москве – 347.⁵⁵¹

В августе 1920 года в 40 волостях Тамбовской губернии стихийно вспыхнуло крестьянское восстание. Крестьяне выступили против продовольственной диктатуры советского правительства, против грабежей и насилий, которые учиняли продотряды против честных тружеников села.

Разрозненные группы восставших крестьян стали объединяться под командованием наиболее способных и авторитетных командиров. В каждой волости были выдвинуты свои лидеры. В основном это были выходцы из простых крестьян, которые вместе со всей массой сельских тружеников губернии выступили против произвола советской власти. Это Иван Ишин, Мария Косова, Иван Матюхин, Василий Семянский, Василий Никитин-Королев (Карась) и другие. Во главе повстанцев встал А.С. Антонов, восемь лет проведший в царских застенках и ссылке.

Советская историография отмечает, что «банда антоновцев» якобы состояла в основном из кулаков и зажиточных крестьян. Это в корне не соответствует действительности. Зимой 1921 года крестьянское воинство состояло из двух регулярных армий, в состав которых входило более 20 полков и несколько отдельных бригад. Неужто в Тамбовской губернии насчитывались десятки тысяч кулаков и зажиточных крестьян? Абсурд!

Восстание ширилось с каждым днем, распространяясь на новые уезды и волости соседних губерний. Антоновская армия опиралась на поддержку рабочих и крестьян в Борисоглебском, Тамбовском, Кирсановском, Моршанском, Козловском и других уездах. В районах губерний, находившихся под контролем восставших, создавались новые органы самоуправления – отделения «Губернского Союза трудового крестьянства».

В конце декабря 1920 года делегатами волостей была принята единая программа Союза. Вот наиболее характерные пункты программы:

Политическое равенство всех граждан, не разделяя их на классы.

Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни.

Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.

Тамбовское восстание грозило перерасти в массовое вооруженное выступление крестьян всей Центральной России. Зима 1921 года подходила к концу, однако в борьбе с многотысячной армией восставших крестьян большевистская власть терпела полное военное поражение и

⁵⁴⁸ Там же. С. 61–62.

⁵⁴⁹ «Революционная Россия». 1920. № 12.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ «Последние новости». № 320. 1921.5 мая.

политическое фиаско. Более года регулярные части Красной Армии не могли справиться с восставшими, хотя против них были брошены конница, бронепоезда, аэропланы. Ленин был в ярости от неудач Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Он прекрасно понимал, что поражение в борьбе с Антоновым смерти подобно, поэтому требовал от руководителей военного командования принятия чрезвычайных и решительных мер против восставших крестьян.

Вот одна из телеграмм, отправленная Лениным Склянскому: *«Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома⁵⁵² и Фрунзе, чтобы доби́ли и поймали Антонова и Махно»⁵⁵³*. После подавления Кронштадтского восстания, по решению Политбюро от 27 апреля 1921 года командующим войсками Тамбовского военного округа назначается М. Тухачевский. На него была возложена задача по подавлению восстания. Но и с его опытом справиться с истинно народной армией Антонова было не просто.

В целях психологического воздействия на крестьян, выступивших против большевистского террора и насилия, комиссия ВЦИК распространила среди населения Тамбовской губернии приказ № 171 от 11 июня 1921 года:

«...Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить все эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям, полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда.

Объявить приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых, в случае несдачи оружия.

В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество конфискуется, а старший работник в семье расстреливается, без суда.

Семьи, укрывающие членов семей или имущество бандитов – старшего работника таких семей расстреливать на месте, без суда.

В случае бегства семьи бандита, имущество его распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тухачевский

Председатель губисполкома Лавров

Секретарь Васильев

Приказ прочитать на сельских сходках»⁵⁵⁴.

Однако, чувствуя, что никакими репрессиями восставших крестьян не запугать, Тухачевский прибегает к варварскому методу, содержание которого приведено ниже:

«Приказ

Командующего войсками Тамбовской губернии

№ 0116 оперативно-секретный

12 июня 1921г.

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

Начальнику боевых участков настойчиво и энергично выполнить настоящий приказ.

О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Начальник штаба войск Генштаба Какурин»⁵⁵⁵

⁵⁵² С.С. Каменева.

⁵⁵³ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 42.

⁵⁵⁴ ЦГАСА. Ф. 3388. Оп. 2. Д. 383. Л. 171.

⁵⁵⁵ См.: «Родина». 1994. № 5. С. 56.

Только такими бесчеловечными методами правительству удавалось подавить народные восстания. Летом 1921 года Ленин в телеграмме Склянскому спрашивает: «Как дела у Тухачевского? Все еще не поймали Антонова? Нажимаете ли Вы? Когда доклад в Политбюро?»⁵⁵⁶. Лишь в 1922 году восстание было окончательно подавлено. Скольких расстреляли? Неизвестно. Многих арестовали и поместили в концентрационные лагеря за пределами губернии. В одном лишь концентрационном лагере под Москвой (в Кожухове) в 1921–1922 годах содержалось 313 тамбовских заложника, в их числе дети от 1 месяца до 16 лет.⁵⁵⁷ Только 5 сентября в Тамбовской губернии было сожжено 5 сел и расстреляно более 250 крестьян.⁵⁵⁸ По сообщению газеты «Руль», в одной из деревень свыше 300 мужчин, женщин и детей собрались в бане, подожгли ее и погибли в огне.⁵⁵⁹

Жестокие действия правительственных органов не оставались незамеченными общественными организациями. Председатель Московского Красного Креста Вера Фигнер 6 сентября 1921 года направила письмо в Ревтрибунал Республики, в котором выражала тревогу и беспокойство по поводу массы заложников из Тамбовской губернии, высланных «тройкой» из числа карательных войск. В Ново-Песковском, Семеновском и Кожуховском лагерях Московской губернии содержались 598 голодных, больных и раздетых женщин, стариков и детей, в том числе не достигших одного года. Красный Крест настоятельно ходатайствовал перед советским правительством вернуть всех заложников в свои деревни.⁵⁶⁰ К сожалению, отсутствие источников не позволяет сказать, как отреагировало правительство на ходатайство Красного Креста. Но сохранилось множество свидетельств о массовых грабежах большевиков.

О том, как большевики грабили крестьян, узнаем из письма простой русской крестьянки, отправленного в Петроград Г.Е. Зиновьеву 1 ноября 1920 года:

«...У нас Красная Армия, нельзя лучше назвать, как опричники Иоанна Грозного, а Правительство поступает в точности, как Иоанн Грозный. Советую всем привязать седло, собачью голову и метелку. Теперь у нас идет настоящая грабилька. Например: масло, яйца, хлеб, картошку. Весной дали 2 пуда, осенью взяли четыре. Вот как крестьянская власть помогает крестьянам. Теперь пойдет разверстка мяса, веди им коров. Если это так будет продолжаться, то мы, крестьяне, все как один, мужчины и женщины, пойдем против тех элементов, которые грабят нас, садят в тюрьму, морят с голоду.

Газета «Деревенская Коммуна» 17 октября пишет, что Врангель ведет с собой жандармов-урядников, виселицу, тюрьму, расстрел. Ведут нас в кабалу и будут драть мужика, как Сидорову козу. Нет, этого не будет честному трудящему крестьянину и рабочему, это все страшно коммунистам, которые делают и делали вред народу, в особенности тем, которые в настоящее время грабят крестьян. Не думайте, что это так останется, это все отомстится Правительству. Я, бедная, хожу полуголодная и готова пойти с топором на эту проклятую власть. Теперь у нас настоящая кабала. Находимся под прессом и под игом большевиков. Они хуже поступают, чем прежние полицейские и жандармы. Советская власть выучила четыре слова: конфисковать, реквизировать, арестовать, расстрелять. Сколько невинных людей в советских тюрьмах с голоду сдохли и сейчас сдыхают. Почему Вы чужим державам про свои проделки не пишете? Вот так крестьянское правительство обращается со всеми честными людьми. Это правительство не крестьянское, хамское. Разбойничья банда.

Мы не имеем лишней коровы, ни свиньи, ни овцы, ни мяса. Одним словом, не жизнь, а гибель. Все устроили. Теперь осталось выпустить такого рода декрет, чтоб была живая могила для всего народа. Зачем так мучить людей, высасывать последнюю кровь. Помните навсегда, будет этому грабежу конец и будет на крестьянской улице праздник. Написала бедная крестьянка, у меня нет ни коровы, ни овцы, даже кошки, не думайте, что я буржуйка.

31-го октября в Петергофе, на съезде высказали, что когда пойдут клеймить коров, то надо идти с милицией и осмотреть все крестьянские помещения, нет ли мяса. Это значит, надо ограбить. Крестьянин расти и работай, а мясо не ешь, но коммунист сидит, перо в руках держит, он вправе мясо жрать...»⁵⁶¹

⁵⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 240.

⁵⁵⁷ Цит. по: Капустин М. *Конец утопии?* М. 1990. С. 135.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ «Руль». № 19. 1920. 9 декабря.

⁵⁶⁰ ЦГАСА. Ф. 3388. Оп. 2. Д. 383. Л. 14.

⁵⁶¹ ЦГАОР СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 125. Л. 196.

Изложенные выше факты гибели и страданий миллионов невинных людей, несомненно, на совести Ленина. И в этой связи вспоминаю один интересный исторический эпизод. У умирающего видного афинского государственного деятеля, полководца и философа Перикла (490–420 гг. до н.э.) сидят друзья и родственники, вспоминают благородные дела и подвиги, совершенные им за годы жизни. Перикл неожиданно поднял голову и сказал: «Вы хвалите меня за то, что совершили и многие другие. А о самом замечательном из того, что я сделал, не говорите ни слова. Ведь за все годы моего правления по моему приказу не был казнен ни один афинский гражданин».

Сдается мне, что о жизни и деятельности Перикла Ленин ничего не читал. А вот книга французского историка Ж. Мишле «Террор» была для него настольной.

Однако, несмотря на массовые теракты советского правительства против народов России, в стране с нарастающей силой повсеместно развертывалась вооруженная борьба народа против большевистской диктатуры. К началу весны 1921 года пламенем повстанческого движения были охвачены многие губернии: на территории России действовало более 130 повстанческих отрядов. Наиболее крупные восстания отмечены на Украине, в Западной Сибири, Тамбовской губернии и особенно в Кронштадте.

Недовольные трехлетним коммунистическим правлением, в начале марта 1921 года восстали моряки Кронштадта. В авангарде восставших – моряки линейных кораблей «Республика», «Севастополь» и «Петропавловск». Кронштадтцы отправляют своих представителей в Петроград, где рабочие еще с конца января начали бунтовать и бастовать в знак протеста против правительственного декрета от 22 января 1921 года, сокращающего хлебный паек еще на одну треть.

Однако, прибыв в Петроград, они были арестованы. Эти действия правительства толкнули кронштадтцев на решительные шаги: они немедленно создают Временный Революционный Комитет (ВРК). Его председателем был избран старший писарь «Петропавловска» Степан Петриченко. Свое отношение к антидемократическим шагам правительства ВРК выразил в резолюции, принятой 3 марта:

«Всем крестьянам, рабочим, морякам и красноармейцам!

Товарищи и граждане!

К населению Петрограда!

В Кронштадте 2 марта 1921 г. на основании воли широких рабочих масс моряков и красноармейцев власть в городе и крепости от коммунистов перешла без единого выстрела, в руки Временного Революционного Комитета. Широкие массы трудящихся поставили себе целью общими дружными усилиями вывести Республику из того состояния разрухи, с которой не могла справиться коммунистическая партия. В городе создан образцовый порядок. Советские учреждения продолжают работать. Предстоит провести выборы в Совет на основании тайных выборов. Временный Революционный Комитет имеет пребывание на линейном корабле «Петропавловск».

Товарищи и граждане!

Призываем вас последовать нашему примеру!

В единении – сила!

Мы знаем, что питерские рабочие измучены голодом и холодом. Вывести страну из разрухи сможете только вы совместно с моряками и красноармейцами. Коммунистическая партия осталась глухой к вашим справедливым требованиям, идущим из глубины души.

Временный Революционный Комитет убежден, что вы, товарищи, вы, рабочие и крестьяне, моряки и красноармейцы, поддержите Кронштадт.

Рабочие, моряки и красноармейцы, установите между собою прочную, непрерывную связь. Берите из своей среды верных и преданных общему делу делегатов, снабдите их полномочными мандатами на проведение немедленно в жизнь требований трудящихся.

Не поддавайтесь нелепым слухам, что будто в Кронштадте власть в руках генералов и белых. Это неправда. Наша власть выполняет волю всего трудового народа.

Немедленно свяжитесь с Кронштадтом.

В Кронштадте вся служба связи в руках ВРК.

Товарищи рабочие, моряки и красноармейцы, ваша судьба в ваших руках. Наступил момент, когда вы призваны к тому, чтобы вывести страну из создавшейся разрухи и осуществить на деле завоеванные с такими жертвами права на свободную жизнь.

Вы, товарищи, давно уже ждали новой жизни, ждали безнадежно. Коммунистическая партия не дала ее вам. Так создавайте же ее сами.

ВРК г. Кронштадта призывает вас, товарищи рабочие, красноармейцы и моряки, оказать ему поддержку.

Председатель ВРК Петриченко
Секретарь Тукин
Кронштадт, 3 марта 1921 г.
Линкор «Петропавловск».⁵⁶²

Кронштадтское восстание начала 1921 года кровавой страницей вошло в историю нашей страны. В нем как в зеркале отразилось отношение рабочих, крестьян, матросов и солдат к большевистскому правительству. Коммунистические идеологи преподносили его как акцию эсеров, меньшевиков, анархистов и белогвардейцев, которые, якобы воспользовавшись ослаблением большевистской организации в Кронштадте, развернули среди «серых в политическом отношении матросов бешеную агитацию против продразверстки». На восставших кронштадтцев навесили стандартный ярлык «мятежников». Авторами этой оценки были Ленин и Троцкий, подписавшие 2 марта 1921 года соответствующий приказ.

Между тем причины и социальные корни этого исторического восстания вскрыты авторами статей, опубликованных в кронштадтских «Известиях» в марте 1921 года. Так, 8 марта газета писала:

«Гнуснее и преступнее всего созданная коммунистами нравственная кабала: они наложили руки и на внутренний мир трудящихся, принуждая их думать только по-своему, прикрепив рабочих к станкам, создав новое рабство. Сама жизнь под властью диктатуры коммунистов стала страшнее смерти. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета, владычества коммунистов, затмившее трехсотлетнее иго монархизма».

Обстоятельный анализ коммунистической диктатуры был дан в передовой статье тех же «Известий» 15 марта:

«Власть Советам, а не партиям! Кронштадт идет под лозунгом – «Вся власть Советам, а не партиям». На горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов мы убедились, к чему приводит партийная диктатура. Немедленно на сцену выползает ряд партийных генералов, уверенных в своей непогрешимости и не брезгующих никакими средствами для проведения в жизнь своей программы, как бы она ни расходилась с интересами трудовых масс. За этими генералами неизбежно тащится свора примыкающих прихвостней, не имеющих ничего общего не только с народом, но и с самой партией. Создается класс паразитов, живущих за счет масс, озабоченный собственным благополучием, или тех, кто обеспечивает ему обеспеченную жизнь. И какая бы партия ни стояла у власти, она не избежит роли диктатора, так как, какой бы крайне социалистической она ни явилась, у них будут программные и тактические пункты, выработанные не жизнью, а созданные в стенах кабинетов.

Трудовая же масса постоянно находится в котле жизни и, естественно, опережает всякие кабинетные настроения кабинетных мудрецов. **Поэтому ни одна партия не имеет ни юридического, ни морального, никакого иного права управлять народом.** Правда, наблюдая и изучая жизнь трудящихся масс, можно определить, какой строй дает полную свободу им. Добравшись же до него, становится необходимым партии оставить роль руководителя и «поучителя» и передать в руки самого трудового народа управление страной.

Тут и начинается цепляние за власть во что бы то ни стало, как это произошло с коммунистами.

Дело идет еще хуже, когда у власти стоит не одна, а несколько партий. Тогда в межпартийной своре за преобладание у руля правления некогда думать и заботиться о трудящихся.

А тем временем, как поганые грибы, вырастает роль бюрократов с девизом: «Все для себя, ничего для народа».

Но и трудящийся, как бы его ни старались приучить к терпению, как бы ни зажимали ему рот, не отдает себя в распоряжение диктатора-партии, а стряхнув поработителей, сам возьмется за власть в лице свободно избранных Советов.

Труженики сами по себе – уже социалисты, и никакие партии не дадут им того Царства Социализма, которое рабочие и крестьяне заслужили своим мученическим долготерпением и страданиями и которого они добьются упорной неустанной борьбой за освобождение от всякого гнета.

Вот почему на знамени Кронштадта написан лозунг «Власть Советам, а не партиям!»⁵⁶³.

⁵⁶² Там же. Ф. 9550. Оп. 11. Д. 222.

⁵⁶³ «Известия Временного Революционного Комитета Матросов, Красноармейцев и Рабочих г. Кронштадта». № 13. 1921. 15 марта.

Тем временем большевистское правительство стало подтягивать к Кронштадту воинские формирования. Однако в ходе организации карательных сил оно натолкнулось на серьезные трудности. Дело в том, что ряд воинских частей открыто отказывались выступить против восставшего Кронштадта. Так, например, в числе отказавшихся было несколько полков 27-й Омской дивизии. Против «мятежников» отказались выступить и другие армейские подразделения. Однако путем обмана, подкупа и угроз большевистским лидерам удалось все же сколотить большие силы и двинуть их на подавление восставшего Кронштадта.

Следует сказать, что в период кронштадтских событий Тухачевский приказал обстрелять химическими снарядами линкоры-дредноуты «Петропавловск» и «Севастополь». Однако этот приказ по неизвестной причине артиллеристами не был выполнен.⁵⁶⁴

Советское правительство утопило кронштадтское восстание в крови. С помощью наемных убийц-«интернационалистов» (латышей, китайцев, башкир, венгров и др.) были уничтожены 11 тысяч восставших и сочувствовавших им. Понесли потери и каратели. Газета «Последние новости» сообщала, что войска Петроградского гарнизона с 28 февраля по 6 марта потеряли погибшими 2500 человек. Бежавшие из Кронштадта в Финляндию матросы говорили, что расстрелы совершались прямо на льду перед крепостью. Только в городе Ораниенбауме было расстреляно 1400 человек.⁵⁶⁵ 18 марта Кронштадт пал. Двумстам особо отличившимся⁵⁶⁶ в подавлении восстания были вручены ордена Красного Знамени.

Думается, наступит время, когда прозревшие россияне узнают правду о событиях в Кронштадте зимой 1921 года и воздвигнут памятник тем, кто дерзнул открыто выступить против большевистской диктатуры, ставшей для народа **страшнее смерти**.

Так большевистская партия огнем и мечом расправлялась со всеми, кто проявлял хоть малейшее недовольство ее политикой.

Вскоре после подавления кронштадтского восстания Сталин, говоря о роли и значении коммунистической партии, откровенно писал: *«Компартия... своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»*⁵⁶⁷.

Иными словами, вооруженная банда грабителей, террористов и убийц. Не менее любопытную информацию дает Сталин в статье «Партия до и после взятия власти». Он, ссылаясь на Ленина⁵⁶⁸, утверждает, что в целях *«пробуждения революции во всех странах... наша партия из силы национальной превратилась с октября 1917 года в силу международную, в партию переворота в международном масштабе»*⁵⁶⁹ (выделено мной. – А.А.).

Большевистские карательные отряды занимались и грабежами крестьян. Вот один эпизод, отраженный в газете «Руль»:

«Последнее время усилилась реквизиция одежды. Обычно в село посылаются карательный отряд раздетых красноармейцев, которые тут же раздевают крестьян и одеваются сами. Во главе отрядов стоят «тройки», в которые входят комендант отряда, представитель чрезвычайки и палач, расстреливавший непокорных. Так, в Балтском уезде оперирует карательный отряд под командой Стрижака. При нем чекист Шниде и палач Ткаченко. Этот отряд уничтожил при подавлении восстания 6 сел... В этих деревнях расстреляно много женщин и детей».⁵⁷⁰

Страна покрывалась сетью концлагерей. Только в Орловской губернии в 20-х годах насчитывалось 5 концлагерей. Через них прошли сотни российских граждан. В одном лишь лагере № 1 за 4 месяца 1919 года побывало 32.683 человека. Число концлагерей непрерывно росло. (Кстати, в этих же лагерях по приказу Сталина были расстреляны многие члены Коминтерна.) Если в ноябре 1919 года их было всего 21, то в ноябре 1920-го – уже 84.⁵⁷¹ Продолжались расстрелы, аресты и ссылки. Газета «Дни» писала 1 ноября 1922 года, что из Москвы, Петрограда, Ярославля, Орла, Владимира, Киева и Тифлиса отправлено в ссылку в

⁵⁶⁴ См.: «Родина». 1994. № 5. С. 56.

⁵⁶⁵ «Последние новости», № 281. 1921. 6 октября.

⁵⁶⁶ Считай – палачам.

⁵⁶⁷ Сталин И. Соч. Т. 5. С. 71.

⁵⁶⁸ Имеет в виду работу Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

⁵⁶⁹ Там же. С. 106.

⁵⁷⁰ «Руль». 1920. 10 декабря.

⁵⁷¹ «Последние новости». № 351. 1921. 10 июля.

Семиреченскую область Туркестана и Алтайский край 1300 политзаключенных. В тяжелых условиях тюрем и лагерей многие погибали. Только в Соловецком лагере за два года (1923–1924) погибло 3000 человек⁵⁷².

Большевистское правительство создавало в стране искусственный голод. Например, когда во многих губерниях России в 1921 году был неурожай, а в центральных районах удался хороший урожай картофеля, правительство не отправило его в голодающие губернии, чтобы спасти жизнь людей. Оно велело передать урожай картофеля Главспирту. Архивные документы свидетельствуют: «7 октября на межведомственном совещании в Москве ему (Главспирту. – А.А.) установили годовой экспортный план по Внешторгу – 1 миллион ведер питьевого спирта»⁵⁷³. В результате преступных решений советского правительства погибли миллионы российских граждан.

При изучении архивных документов о деятельности большевистского правительства в рассматриваемый период создается впечатление, что оно сознательно уничтожало население России. Фактически это был геноцид.

Масштабы точных людских потерь в стране трудно представить. Да и кто их считал на самом деле. Только в 1918–1920 годах погибло более 10 млн. человек (10·180·000) плюс жертвы страшного голода 1921–1922 годов – еще пять с лишним миллионов людей (5·053·000)⁵⁷⁴. Всего же только за годы гражданской войны из жизни ушло более 15 млн. человек.⁵⁷⁵

* * *

Везде и всегда Ленин выступал в роли организатора массового террора. Так, в черновом наброске вводного закона к Уголовному Кодексу РСФСР, poslanom 15 мая 1922 года наркому юстиции Курскому, он предлагает «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)». Он предлагает также: «Добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы»⁵⁷⁶. Но этими террористическими актами не ограничился главный идеолог большевиков. В дополнительной записке от 17 мая 1922 года Ленин рекомендует Курскому разработать дополнительный параграф Уголовного кодекса РСФСР таким образом, чтобы оправдать большевистский террор против граждан России: «Суд, – писал он, – должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»⁵⁷⁷.

10 августа 1922 года В ЦИК издает декрет «Об административной ссылке», на основании которой Особой комиссии при НКВД предоставлялось право высылки в административном порядке, причем без суда и следствия, «лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям» за границу или в отдаленные местности РСФСР сроком на три года.

Особая комиссия незамедлительно приступила к выполнению своих обязанностей. Уже в августе того же года она выслала за границу 160 человек из среды интеллигенции, пытавшихся отстаивать свое мнение, – историков, философов, врачей, экономистов, математиков. В их числе ректор Московского университета профессор Новиков и ректор Петроградского университета профессор Карсавин. 30 сентября немецкий пароход «Обер-бургомистр Хакен» доставил в город Штеттин первую группу изгнанников. 18 ноября «Пруссия» доставила на чужбину вторую группу репрессированных россиян. За пределы родины были вышвырнуты историки С. Мельгунов, В. Мякотин, А. Кизеветтер, А. Флоровский. Такая же участь постигла большую группу математиков во главе с известным профессором Стратоновым. Но под особым контролем, осуществляемым Лениным, выдворялись из страны философы с мировым именем. Среди них Николай Бердяев, Иван Ильин, Николай Лосский, Семен Франк, Федор Степун, Василий Зенковский, Иван Лапшин, Борис Вышеславцев, Лев Шестов и многие другие. Лишился Родины и известный социолог П. Сорокин. По сведениям историков (М. Геллер и Б. Некрич), список ученых философов, подлежащих высылке за границу, был почти полностью составлен Лениным

⁵⁷² Розанов Мих. *Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1935 гг.* Факты – домыслы – «параши». Книга первая. С. 119.

⁵⁷³ Цит. по: *Красные конкистадоры*. М.: «Соратник». 1994. С. 138.

⁵⁷⁴ Геллер М., Некрич Б. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. Изд. 2-е. Лондон. 1986. С. 125.

⁵⁷⁵ В официальных советских изданиях отмечается, что в сражениях, а также от голода и болезней погибло 8 млн. человек (см., например: *Гражданская война в СССР*. М. 1986. Т.2. С.406).

⁵⁷⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 189.

⁵⁷⁷ Там же. С. 190.

лично. Не потому ли, что мыслящие честные люди не признали его сочинения за научный труд и подвергли их объективной критике?

Совершенно очевидно, что Ленин как реакционер расправлялся с ними физически потому, что в цивилизованной философской полемике проявлял полную несостоятельность.

Обращает на себя внимание тот факт, что Ленин выселял из России всех «неблагонадежных» не куда-нибудь, а в Германию, с властями которой у него еще с 1914 года сложились дружеские и доверительные отношения.

19 мая 1922 года Ленин пишет письмо Дзержинскому, в котором вновь затрагивает вопрос «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»⁵⁷⁸. Касаясь, в частности, журнала «Экономист» XI отдела Русского технического общества, Ленин дает директиву:

«Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В №3... напечатан список сотрудников. Это, я думаю, **почти все** – законнейшие кандидаты на высылку за границу. Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»⁵⁷⁹.

По далеко неполным данным, было погублено (интернировано или вовсе физически уничтожено) 17 тысяч деятелей науки, культуры и искусства.⁵⁸⁰

Ленин принимал самое деятельное участие в деле высылки Горького за границу. Об этом свидетельствуют документы, которые хранились в тех же стальных сейфах «секретного фонда» Ленина. Начнем с письма Я. Ганецкого (Фюрстенберга) Ленину от 18 мая 1921 года:

«Дорогой Владимир Ильич! Я слышал, что Вы постановили «выслать» Горького за границу лечиться... Я видел в Москве Горького, но он и не думает о выезде... Его близкие знакомые объяснили мне, что у него нет денег... Нельзя ли что-нибудь сделать? Но следует подойти весьма осторожно. От других я узнал, что он распродает постепенно свою библиотеку...»

На письме Ганецкого Ленин сделал пометки: «т. Зиновьеву. Напомнить мне»⁵⁸¹.

А вот «заботливое» письмо Ленина Горькому от 9 августа 1921 года, опубликованное в 53-м томе:

«Алексей Максимович!

Переслал Ваше письмо Л.Б. Каменеву. Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально.

В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться и *втрое больше дела делать*. Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела – *одна суетня. Зряшная суетня*. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас.

Ваш Ленин»⁵⁸².

В связи с массовыми арестами ученых Русское физико-химическое общество обратилось к советскому правительству с ходатайством об освобождении профессора М.М. Тихвинского и других деятелей науки, квалифицируемых ВЧК как «враги народа». Интересно, что Ленин, знавший Тихвинского лично, дает указание Горбунову направить запрос в ВЧК, заметив при этом, что Тихвинский не «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга»⁵⁸³.

⁵⁷⁸ Многие ученые покидали Россию и до издания большевистских декретов, не выдерживая преследований и издевательств со стороны властей. В этой связи следует обратить внимание на такой факт. Когда летом 1921 года в Праге состоялся первый академический съезд ученых-эмигрантов, то в нем приняли участие около 500 российских ученых. Одним из организаторов этого форума был ученый с мировым именем, профессор Петербургского Политехнического института, член Особого совещания по топливному снабжению России А.С. Ламшанов.

⁵⁷⁹ Там же. Т. 54. С. 265–266.

⁵⁸⁰ См.: Капустин М. Указ. работа. 1990. С. 454.

⁵⁸¹ РЦХИДНИ. Ф. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

⁵⁸² Ленин В.И. ПСС. Т. 53. С. 109.

⁵⁸³ Там же. С. 169.

Не следует, однако, думать, что судьба оставшихся в России (и не арестованных) ученых была лучше. В связи с этим приведем заметку, которая была опубликована в № 368 «Последних новостей» за 1921 год. В ней идет речь о положении профессуры Киевского университета:

«Проходя по Ботанической улице, вы заметите плакат: «Выпекаю хлеб за припек. Профессор Б.Я. Букреев». «Профессор Павлуцкий служит приказчиком и раздает продукты на распределительном пункте. Акад. Плотников с семьей босой и оборванный ходит в лес собирать ягоды, грибы для продажи. Акад. Граве ограблен дочиста и теперь голодает с семьей. Бывают дни, когда он совсем не ест. Студенты подкармливают его, собирая средства между собою. Акад. Средневский также голодает. Зимой одно время прекратил было являться читать лекции. Студенты нашли его почти умирающим от голода. Теперь подкармливают его в складчину. Профессор де-Лоне занимается рубкой дров. Приват-доцент Кочубей умер от голода. Официально было сообщено, что он переутомился. Проф. Грушевский почти при смерти от голода»⁵⁸⁴.

В таких же тяжелых условиях находились ученые других городов России. В 1921 году при СНК РСФСР создается так называемая Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ)⁵⁸⁵. Председателем комиссии был назначен А.Б. Халатов. Однако действенной помощи от этой организации ученые не получали, поскольку она необходимых средств от правительства не имела.

В 1921–1922 годах страна была охвачена страшным голодом и эпидемией холеры. Знал ли Ленин о гибели от голода миллионов граждан России? Безусловно. Информационный отдел ГПУ доставлял лично Ленину совершенно секретные сводки самого различного характера от всех губерний России. Ознакомимся с некоторыми из них, касающихся экономического и социального положения в стране.

Из информационной сводки ГПУ по Самарской губернии от 3 января 1922 года:

«...Наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...»⁵⁸⁶

Из информационной сводки ГПУ по Тюменской губернии от 15 марта 1922 года:

«...В Ишимском уезде из 500 000 жителей голодают 265 тысяч. Голод усиливается. В благополучных по урожайности волостях голодают 30% населения. Случаи голодной смерти учащаются. На границе Ишимского и Петропавловского уездов развивается эпидемия азиатской холеры. На севере свирепствует оспа и олений тиф...»⁵⁸⁷

Следует отметить, что голод был вызван не только неурожаем, но и преступными действиями большевистского правительства. Об искусственном голоде, в частности в Петрограде, пишет в своем дневнике фрейлина императрицы Анна Вырубова (Танеева): «Большевики запретили ввоз провизии в Петроград, солдаты караулили на всех железнодорожных станциях и отнимали все, что привозили. Рынки подвергались разгромам и обыскам; арестовывали продающих и покупающих»⁵⁸⁸.

Но, судя по всему, голодная смерть миллионов россиян Ленина не волновала. Для него идея мировой революции стояла выше национальной трагедии. Об этом свидетельствуют неопровержимые факты. Именно по личному указанию Ленина на нужды революции с начала 1918 года по конец 1921 года было растратлено 812 232 600 рублей золотом.⁵⁸⁹ Но на спасение человеческих жизней у большевистских вождей средств «не было».

Чтобы понять истинное отношение так называемого «рабоче-крестьянского правительства» к трудовому народу, увидеть подлинное лицо большевистских вождей, достаточно ознакомиться с двумя фактами из фондов бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

⁵⁸⁴ «Дни». 1922. 10 ноября.

⁵⁸⁵ Действовала в 1921–1931 годах.

⁵⁸⁶ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.

⁵⁸⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2630. Л. 8.

⁵⁸⁸ Фрейлина ее величества Анна Вырубова. – М.. Орбита. 1993. С. 329.

⁵⁸⁹ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 28.

Так, на перевозку грузов Красного Креста и АРА⁵⁹⁰ в помощь голодающим губерниям в 1921 году советское правительство выделило всего лишь 125 000 «деревянных» рублей.⁵⁹¹ Между тем в сентябре того же года на закупку за границей 60 тысяч комплектов кожаного обмундирования для чекистов ЦК РКП(б), по ходатайству Президиума ВЧК, выделил для своего детища 1 800 000 рублей золотой валютой.⁵⁹²

Излишне комментировать эти факты. На мой взгляд, лучше сказать о том, как в эти голодные годы жили большевистские вожди. Вот свидетельство жены Троцкого – Натальи Ивановны Седовой⁵⁹³: «...Красной кетовой икры было в изобилии... Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции»⁵⁹⁴.

Горький, живя фактически в изгнании в Берлине, переживая за судьбу голодающих российских граждан, с тревогой писал: «Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет»⁵⁹⁵. Горький не ошибся: от голода погибли миллионы людей. Преждевременная смерть граждан России на совести Ленина и его единомышленников. Исправно отправляя в Германию десятки миллионов пудов хлеба и обеспечивая им многомиллионную армию наемных «интернационалистов», советское правительство, варварски грабя крестьян, тем самым заведомо выносило смертный приговор многим миллионам российских граждан.

В то время, когда большевистское правительство искусственно создавало в стране голод, прогрессивная общественность Запада организовывала фонд помощи голодающим России. В этой связи примечателен весьма трогательный факт. Известный французский писатель Анатоль Франс присужденную ему в ноябре 1921 года Нобелевскую премию в области литературы пожертвовал в пользу голодающих граждан России. А в декабре в «Социалистическом Вестнике» была опубликована статья «Анатоль Франс против большевизма», в которой сообщалось о глубоком разочаровании выдающегося деятеля мировой культуры в коммунизме.

В стране свирепствовал страшный голод, люди миллионами погибали, а советское правительство в это время вывозило хлеб за границу. 7 декабря 1922 года Политбюро принимает преступное постановление: «Признать государственно необходимым вывоз хлеба в размере до 50 миллионов пудов»⁵⁹⁶.

В связи с насильственной высылкой, а также вынужденным массовым выездом интеллигенции и «буржуев» за границу необходимо особо остановиться на судьбе ряда семей, родственники которых до октябрьского переворота работали в спецслужбах России. Все они становились заложниками. Должен заметить, что идея взятия заложников также принадлежит Ленину. Два документа, которые приводятся ниже, убеждают нас в этом. Первый адресован Сталину в Петроград 3 июня 1919 года: «...Насчет иностранцев советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом обменять...»⁵⁹⁷

А вот строгое указание диктатора в отношении россиян: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров – ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»⁵⁹⁸, – телеграфирует он Склянскому.

Так, захватив архивы разведывательного и контрразведывательного отделения Генерального штаба, ведомство Дзержинского разработало жестокий и циничный план принудительного использования сотрудников спецслужб свергнутого режима. Этот нехитрый, но гнусный по своему замыслу план заключался в том, что семьи и родственников сотрудников разведорганов, находившихся в России и за ее пределами, брали в заложники. А затем под угрозой расстрела вынуждали сотрудников спецслужб работать на большевистское правительство. Многие разведчики и их семьи поплатились жизнью за отказ служить узурпаторам. Но некоторые, не выдержав психологического воздействия и ради сохранения жизней своих близких, соглашались работать на большевиков. Спасая своих матерей, отцов, сестер, братьев и свои семьи от

⁵⁹⁰ АРА – Американская администрация помощи европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне. В связи с голодом ее деятельность в 1921 году была разрешена на территории Советской России.

⁵⁹¹ Там же. Л. 44.

⁵⁹² Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 228. Л. 2.

⁵⁹³ Умерла в предместьях Парижа в 1962 году.

⁵⁹⁴ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин. 1930. С. 75.

⁵⁹⁵ «Последние новости». 1921. 11 ноября.

⁵⁹⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 325. Л. 1–2.

⁵⁹⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 335.

⁵⁹⁸ Там же. С. 343.

репрессий, они шли на этот шаг. Многие десятилетия, живя и работая на ответственных должностях в США, Англии, Франции и многих других государствах, они выполняли агентурные задания ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ.

С окончанием гражданской войны, казалось, должны были прекратиться, во всяком случае ослабиться, репрессивные действия большевистского правительства. Однако оно, напротив, пошло на дальнейшее взвинчивание карательных мер против мирных граждан России. Прикрываясь мнимой активизацией «враждебных элементов» и повышением криминогенной обстановки в стране, 16 октября 1922 года ВЦИК принимает еще один декрет, значительно расширивший права ГПУ. В нем указывалось: «...Предоставить Государственному политическому управлению право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях».

Но кто мог проверить действия ГПУ? Навешивая ярлыки «бандиты» и «грабители», чекисты расстреливали фактически всех тех, кто был неугоден большевикам. Существенно были расширены и права Особой комиссии в отношении деятелей «антисоветских политических партий». «Антисоветчиков» могли не только выслать за границу: их могли заключить в «лагерь принудительных работ» в отдаленные регионы на неопределенный срок, причем «враги народа» могли бессрочно находиться в заключении, поскольку по истечении срока за «нарушения» и «антисоветские высказывания» им давали дополнительный.

Тысячи и тысячи граждан не вернулись из этих лагерей. И все это на совести Ленина и его гвардии. Ленин (вместе с Троцким) был организатором первых концентрационных лагерей в России. Выражаясь словами А. Солженицына, его по праву можно считать основателем «Архипелага ГУЛАГ». Так, в телеграмме, отправленной 9 августа 1918 года Пензенскому Губернскому исполкому, он требует «провести беспощадный массовый террор против кулаков⁵⁹⁹, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»⁶⁰⁰. Уполномоченному Наркомпрода, А.К. Пайкейсу, находящемуся в Саратове, Ленин советует «назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»⁶⁰¹ (выделено мной. – А.А.).

Он требует от председателя Нижегородского губсовдепа Г.Ф. Федорова «напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров...»⁶⁰². Ленин настаивал на жесточайшем терроре против бастующих чиновников, интеллигенции, требовал расстрела на месте спекулянтов. Причем к последним он относил всех, кто продавал выращенный своим трудом хлеб по рыночным ценам. И этих «спекулянтов» расстреливали на месте без суда и следствия с конфискацией зерна и имущества! Вот его телеграмма Шляпникову в Астрахань: «...Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили»⁶⁰³. И это при условии, что смертная казнь в так называемом рабоче-крестьянском государстве была формально отменена.

Массовые репрессии, совершенные по его указанию, не поддаются никакому сравнению. Приведу лишь несколько фактов. С 1826 по 1906 год, то есть за 80 лет царского режима, по решению судов были приговорены к смертной казни 612 человек. А с июня 1918 по февраль 1919 года лишь на территории 23-х губерний, по далеко не полным сведениям, по приговору ВЧК было расстреляно 5496 человек. Если в эпоху Петра I виновных в различных преступлениях (например, участников стрелецкого бунта 1698 г.) убивали по жребию (каждого двадцатого), то Ленин в целях «очистки земли российской от вредных насекомых» рекомендовал расстреливать «на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве»⁶⁰⁴. Напомним читателю, что эту «научную» рекомендацию Ленин дал в статье «Как организовать соревнование?».

Методику «красного террора» Ленин экспортировал в другие страны. Так, например, в статье-письме «Привет венгерским рабочим» он советует:

⁵⁹⁹ Фактически против всех крестьян, восставших против продовольственной политики Ленина.

⁶⁰⁰ Там же. С. 143–144.

⁶⁰¹ Там же. С. 165.

⁶⁰² Там же. С. 142.

⁶⁰³ Там же. С. 219.

⁶⁰⁴ Там же. Т. 35. С. 204.

«Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне»⁶⁰⁵.

Обосновывая свою жестокость в политической борьбе за власть, Ленин писал американским рабочим: «...гражданская война немыслима ни без разрушений тяжчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»⁶⁰⁶.

Свирепствовавшие в стране голод, террор, вандализм и вмешательство большевистского правительства во внутренние дела других государств сопровождалось полным уничтожением ростков демократии, появившихся на российской земле после Февральской революции. И этого не скрывал «крестный отец» красного террора. Выступая на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 года, Ленин со всей откровенностью заявил: «Тут все сентиментальности, всякая болтовня о демократии должны быть выкинуты вон»⁶⁰⁷.

По жестокости Ленин превзошел самых отъявленных якобинцев. Записка, отправленная нарочным председателю Исполкома Пензенской губернии В.В. Кураеву, председателю Совдепа Е.Б. Бош и председателю Пензенского губкома партии А.Е. Минкину 11 августа 1918 года, яркое свидетельство сказанному:

«...Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать.

Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

Опубликовать их имена.

Отнять у них весь хлеб.

Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц – кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже»⁶⁰⁸.

Как было отмечено выше, в партийной и государственной структурах было немало руководителей, которые активно помогали Ленину осуществлять красный террор против народов России. Здесь же в качестве примера назовем Зиновьева, который принимал деятельное участие в разработке идеологии и технологии красного террора. Так, например, выступая на VII Петроградской партийной конференции в сентябре 1918 года, Зиновьев заявил: «**Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить**»⁶⁰⁹.

Мне думается, что одной этой фразы достаточно, чтобы понять человеконенавистническую сущность большевизма как идеологии.

Ленин не представлял политическую деятельность без террора и насилия. Он буквально бредил террором. Достаточно ознакомиться с запиской Н.Н. Крестинскому, чтобы в этом убедиться:

«т. Крестинскому.

Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно **тайно**) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина. Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимир (Дзержинский) + Рыков?

Тайно подготовить террор: необходимо и срочно.

Ленин»⁶¹⁰ (выделено мной. – А.А.).

⁶⁰⁵ Там же. Т. 38. С. 388.

⁶⁰⁶ Там же. Т. 37. С. 57–58.

⁶⁰⁷ Там же. Т. 41. С. 147.

⁶⁰⁸ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6898. Л. 1.

⁶⁰⁹ «Северная коммуна». 1918. 19 сентября.

⁶¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 492. Л. 1.

Да, Ленин, большевики безжалостно скосили на российской земле цвет великой нации. Но Богу было угодно, чтобы ее корни все же сохранились, не погибли. Хочется верить, что эти живые корни дадут новые хорошие побеги, так необходимые для возрождения России.

Резюмируя вышеизложенное, можно со всей определенностью сказать, что массовые террористические акты, включая расстрелы, грабежи и разбои, осуществляемые большевиками против народов России, их бандитские акции против соседних стран, оскорбительные нападки на народы других государств нельзя расценивать иначе как преступные теракты международного масштаба. И поскольку преступление, совершенное большевиками перед человечеством, явилось страшным злом для многих поколений и продолжает им быть сегодня, то большевизм во главе с его идеологом – Лениным необходимо осудить международным военным трибуналом, как это было сделано в Нюрнберге (1946) и в Токио (1948) в отношении главных военных и нацистских преступников, подготовивших и развязавших вторую мировую войну.

Глава 12. Политический авантюрист

Вы можете дурачить часть народа всё время,
вы можете дурачить весь народ какое-то время,
но нельзя дурачить всё время весь народ.

Авраам Линкольн

Как политический деятель Ленин не был оригинален. Ни принципиальностью, ни последовательностью в своих действиях он не отличался. В зависимости от обстоятельств, политической конъюнктуры и в интересах личной выгоды постоянно менял свои убеждения и политическую линию.

До октябрьского переворота он выдвигает ряд идей политического, демократического и национального характера. Между тем, захватив власть, начисто от них отказывается. Так, на протяжении трех десятков лет он ратовал за свободу слова, печати, собраний, митингов и демонстраций. На деле же, умело воспользовавшись тем, что в основной своей массе народ малограмотен, он лишил его всех демократических свобод, завоеванных Февральской революцией. Что же касается демонстраций и уличных шествий, то достаточно вспомнить расстрел манифестантов, выступивших в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 года.

В многочисленных работах дооктябрьского периода Ленин неоднократно выдвигал тезис о праве наций на самоопределение вплоть до политического отделения и создания самостоятельного суверенного государства. Между тем в 1917–1921 годы он вооруженным путем подавил все попытки национальных меньшинств жить и развиваться самостоятельно, вне советского государства.

Особо детального разбора требует его подход к идее созыва Учредительного собрания, деятельность которого могла бы в корне изменить политическую судьбу всех народов России.

Идея созыва Учредительного собрания имела глубокие исторические и национальные корни. Пробразом его были сохранившиеся в народной памяти Земские соборы, функционировавшие в России с середины XVI века. С начала XX столетия вопрос о возрождении Учредительного собрания все чаще обсуждался в общественно-политической среде. Особое значение этому органу народной власти придавал и Ленин.

На протяжении пятнадцати лет он выступал за созыв Учредительного собрания, которое, по его мнению, должно было стать в революционной России высшим законодательным органом, обладающим силой и властью. В общей сложности проблема Учредительного собрания была затронута Лениным в более чем 30 статьях и публичных выступлениях. Еще в «Проекте программы Российской с.-д. рабочей партии», написанном пятью членами редакции газеты «Искра» в 1902 году, Ленин подчеркнул, что осуществление политических и социальных преобразований в России «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом»⁶¹¹. Развивая эту мысль в статье «Самодержавие колеблется...», опубликованной в № 35 «Искры» (март, 1903 г.), он пишет: «...мы требуем созыва всенародного Учредительного собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами без изъятий и которое должно установить в России выборочную форму

⁶¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 210.

правления»⁶¹². В работе «Демократические задачи революционного пролетариата» Ленин выступает за такое Учредительное собрание, которое *«действительно имеет силу и власть учредить» государственный порядок, обеспечивающий самодержавие народа*⁶¹³.

В целом идея о необходимости созыва Учредительного собрания нашла отражение аж в 25 томах его сочинений. Особо примечателен один документ. В письме «Международному социалистическому бюро» (1905) Ленин, касаясь революционных событий, дает разъяснение, что *«в России происходят не бунты черни, а революция, борьба за свободу, что борьба эта имеет целью созыв учредительного собрания, которого требуют все прогрессивные партии, особенно РСДРП»*⁶¹⁴. В тесной связи с изложенным выше следует рассматривать статью Ленина «Революционная армия и революционное правительство», в которой он, указывая шесть основных пунктов, *«которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства»*, на первое место ставит *«всенародное учредительное собрание»*⁶¹⁵.

Заметим, что созыва Учредительного собрания народные массы требовали еще в годы первой русской революции. Этим можно объяснить тот факт, что уже 13 марта 1917 года Временным правительством было образовано Особое совещание по подготовке проекта закона о выборах в Учредительное собрание. А 15 марта оно заявило о его созыве. В постановлении Временного правительства от 19 марта 1917 года подчеркивалось:

«Заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны – земельная реформа – составляет основное требование программ всех демократических партий. Она, несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании»⁶¹⁶.

Кстати, заслуга Временного правительства заключается и в том, что оно специальным постановлением закрепило за евреями все права, которыми обладали граждане России.

Но у Ленина не хватает терпения. Уже 29 марта он публикует свое заявление в газете «Волкшехт», в котором говорит: *«Выборы в учредительное собрание являются пока лишь пустым обещанием»*⁶¹⁷.

После Февральской буржуазно-демократической революции, вплоть до октября 1917 года, в многочисленных работах и в публичных выступлениях («За деревьями не видят леса», «О конституционных иллюзиях», «Уроки революции», «Как обеспечить успех Учредительного собрания» и др.) Ленин критикует Временное правительство за якобы сознательную оттяжку выборов, которые были назначены постановлением на 17 (30) сентября, а в августе перенесены на 12 (25) ноября.

Большую работу в массах в этот период проводила партия эсеров. Их аграрная политика приобрела широкую популярность в стране, особенно среди крестьянства. Ленин пристально следил за развитием событий и делал все от него зависящее, чтобы привлечь на сторону большевиков как можно больше революционных сил. Если в пропаганде своих идей среди рабочих большевики имели известный успех, то среди крестьянства их пропаганда не находила должного понимания. Характерен в этом отношении I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, который стал ареной борьбы большевиков с эсерами за крестьянские массы. Однако съезд большинством голосов отклонил написанный Лениным и внесенный от имени большевистской фракции проект резолюции и принял резолюцию эсеров. Съезд избрал эсеровский Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов. Принятые им решения выражали интересы абсолютного большинства крестьян.

Ленин не мог не видеть, что авторитет партии эсеров среди крестьян чрезвычайно высок. В «Открытом письме к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов» (7 мая 1917 г.) он, пытаясь поднять авторитет большевиков, советует *«крестьянам на местах тотчас брать всю землю»*, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания. При этом он подчеркивает: *«Права Учредительного собрания окончательно установить всенародную собственность на землю и условия распоряжения ею мы несколько не*

⁶¹² Там же. Т. 7. С. 125.

⁶¹³ Там же. Т. 10. С. 274.

⁶¹⁴ Там же. С. 329.

⁶¹⁵ Там же. С. 342.

⁶¹⁶ Цит. по: «Огонек». 1990. № 11. С. 21.

⁶¹⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 8.

*отрицаем»*⁶¹⁸. Эту же мысль Ленин подчеркнул в проекте резолюции по аграрному вопросу, представленному им на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов.⁶¹⁹ В своей речи на этом съезде он подчеркнул, что Учредительное собрание является **«центральной государственной властью»**⁶²⁰. В статье «Украина и поражение правящих партий России» Ленин, критикуя эсеров и меньшевиков за то, что они не потребовали от Временного правительства издания особого акта, признающего «права украинского народа на автономию», подчеркивает, что *«гарантию правильности... всем народам России дадут будущие сеймы, даст будущее Учредительное собрание не по одному украинскому, а по всем вопросам»*⁶²¹.

Указывая на крайнюю пассивность (?) Временного правительства в вопросе созыва Учредительного собрания и настраивая массы на новую революцию, Ленин отмечает, что «созыв Учредительного собрания невероятен (без новой революции)»⁶²².

Государственный переворот был осуществлен большевиками за 17 дней до открытия Учредительного собрания, на котором должны были решаться вопросы, волновавшие общество: основы государственного устройства России и землепользования, национальный вопрос и заключение справедливого мира. И конечно же, после решения этих вопросов в пользу трудящихся последние вряд ли пошли бы на новую революцию – она отпадала бы сама собой. Но Ленин понимал это, и в письме рабочим Питера от 24 октября призывал их немедленно обратиться в Центральный Комитет, РВК и настоятельно требовать смещения правительства Керенского до 25-го. Аргументируя свою позицию, он писал: *«История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все... Промедление в выступлении смерти подобно»*⁶²³. Вот как он торопился, чтобы прийти к власти! И утверждение, будто непременно условием созыва Учредительного собрания является переход всей полноты власти к партии большевиков – лишь попытка теоретически обосновать необходимость государственного переворота.

Выступая с докладом о мире на Втором Всероссийском съезде Советов, Ленин, в частности, сказал, что рассмотренные на съезде вопросы о мире *«мы внесем... на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить»*⁶²⁴. Он также заявил, что *«если они»*⁶²⁵ *даже этой партии* (социалистов-революционеров. – А.А.) *дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так»*⁶²⁶. Но, как показали события начала января 1918 года, это заявление было ни чем иным, как тактическим маневром. Это было сказано на втором заседании съезда, который должен был до созыва Учредительного собрания избрать Временное правительство республики. Кстати, на первом заседании Второго съезда Советов, продолжавшемся почти семь часов, Ленин не присутствовал. Составители 35-го тома ПСС Ленина объясняют его отсутствие тем, что он якобы «был занят руководством восстания»⁶²⁷.

Однако, допуская, что Ленин действительно руководил восстанием в период работы съезда, следует отметить, что он не появился на съезде и после того, когда к двум часам ночи «сопротивление» защитников Зимнего было сломлено, а министры Временного правительства арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Между тем съезд продолжал свою работу и после взятия Зимнего и закончил первое свое заседание в шестом часу утра.

Относительно фактических руководителей захвата последней опоры Временного правительства – Зимнего – следует сказать, что ими были В.А. Антонов-Овсеенко, Н.И. Подвойский, Г.И. Чудновский. Что же касается Ленина, то он вместе с Троцким отдыхал, «лежа рядом... в одной из комнат Смольного...»⁶²⁸. А работа съезда тем временем продолжалась.

---

⁶¹⁸ Там же. Т. 32. С. 43–44.

⁶¹⁹ Там же. С. 165.

⁶²⁰ Там же. С. 170.

⁶²¹ Там же. С. 350–352.

⁶²² Там же. С. 433.

⁶²³ Там же. Т. 34. С. 436.

⁶²⁴ Там же. Т. 35. С. 17.

⁶²⁵ Крестьяне.

⁶²⁶ Там же. С. 27.

⁶²⁷ Там же. С. 443.

⁶²⁸ Троцкий Л.Д. *О Ленине*. Материалы для биографии. М. 1924. С. 75.

В этот период у Ленина, как он сам признавал, кружилась голова, поскольку, по его же словам, был «слишком резкий переход от подполья и переверзевицы – к власти...»⁶²⁹.

Однако Ленин понимал, что юридическая власть, которой он овладел, является временной и ее дальнейшая судьба будет зависеть от Учредительного собрания. Поэтому он круто изменил свое отношение к последнему, не без оснований опасаясь, что оно, как высший законодательный орган, может лишиться его власти. И эта борьба, как явствует из документов, проходила в сплошных интригах и авантюрах, вплоть до ультимативных требований, угроз и террора. Еще с утра 28 ноября начались аресты «врагов народа», шла подготовка к разгону Учредительного собрания.

Это была настолько откровенная метаморфоза в отношении к народному органу власти, что трудно было ее не заметить. Так, в заметках «К лозунгам демонстраций», написанных Лениным 28 ноября в качестве добавления к воззванию Петроградского Совета «К рабочим и солдатам Петрограда», уже делается попытка оказать жесткое давление на Учредительное собрание, превратить его в послушный орган. «Трудящийся народ, – говорится в одной из заметок, – требует, чтобы Учредительное собрание признало Советскую власть и Советское правительство»⁶³⁰. Но Ленин говорил неправду: народ этого не требовал. К такому приему он прибег не случайно: несмотря на декрет ВЦИК от 23 ноября (6 декабря) 1917 года об отзыве из Учредительного собрания депутатов, ход выборов показывал, что большинство крестьян, ремесленников, многие рабочие и интеллигенция отдают свои голоса эсерам, поскольку эсеровский декрет о земле да и вся их партийная программа отвечала надеждам широких слоев населения страны.

Должен отметить, что в рассматриваемый период все большую популярность приобретает лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Поэтому в речи на Втором Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 2(15) декабря Ленин заявил, что «Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний», на что депутаты с места ответили криками: «Ложь!»⁶³¹. Далее он объявил, что «партия большевиков всегда говорила, что высший орган – Советы»⁶³². Но и это заявление, мягко выражаясь, не соответствует истине. Иначе вряд ли Ленин стал бы выносить «все предложения мира» «на заключение Учредительного собрания», равно как и принятый Вторым Всероссийским съездом Советов Декрет о земле объявлять «временным законом... впрямь до Учредительного собрания»⁶³³.

В период предвыборной кампании члены Всероссийской комиссии по выборам зачастую подвергались арестам и террору, их объявляли «врагами народа». Проводилась работа по дискредитации депутатов от партии эсеров. К 23 ноября (6 декабря) часть членов комиссии уже была арестована. В этот же день Совнарком волевым решением назначает М.С. Урицкого комиссаром Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. В этот период пострадали даже некоторые члены РСДРП(б). Так, в речи на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) декабря 1917 года Ленин предлагает «сместить бюро фракции», которое, как подчеркивалось в написанном им «Проекте резолюции о. временном бюро фракции большевиков в Учредительном собрании», якобы «проявило бездействие по отношению к своей главной задаче, выработке принципиальной резолюции об отношении... партии к Учредительному собранию»⁶³⁴. Иными словами, члены бюро фракции большевиков были наказаны в партийном порядке за пассивность в борьбе против Учредительного собрания, нежелание учинить против него террор.

Еще не был известен день открытия Учредительного собрания, а уже велась работа по его роспуску. 26 ноября СНК принял постановление, согласно которому Учредительное собрание могло быть открыто лишь при наличии более 400 депутатов. Несмотря на аресты и препоны, к середине декабря кворум все же был собран. Народ избрал 715 депутатов. Около 58% их составили эсеры. Большевики же получили всего 183 мандата (чуть больше 25%). Это весьма озадачило Ленина. Он пытается исправить положение.

---

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 125.

⁶³¹ Там же. С. 140.

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же. С. 20, 26.

⁶³⁴ Там же. С. 160–161.

В «Тезисах об Учредительном собрании» Ленин говорит о несоответствии «*между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа*»⁶³⁵. Он считает, что «единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле...»⁶³⁶

Нереальные задачи, прямо скажем, диктаторского порядка Ленин ставит в ультимативной форме за 9 дней до открытия Учредительного собрания. В его «Тезисах» содержится «предписание» признать Советскую власть, советское правительство и его директивы. Заканчиваются они прямыми угрозами: «*Вне этих условий, кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных мер со стороны Советской власти...*»⁶³⁷ То есть путем неприкрытого террора.

23 декабря 1917 года в «Известиях ЦИК», без подписи, была опубликована статья Ленина «Плеханов о терроре». Днем раньше ее напечатала «Правда». В ней Ленин, как бы предупреждая Учредительное собрание, цитирует Плеханова, который еще в 1903 году на II съезде партии, в частности, поддерживая выступление Посадовского (Мандельберга), говорил:

«Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент... то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»⁶³⁸.

Итак, прикрываясь авторитетом Плеханова, Ленин готовил разгон Учредительного собрания. Но, во-первых, он сам говорил еще в 1901 году о необходимости применения террора. Во-вторых, и это главное, Ленин фальсифицировал материалы II съезда РСДРП, ни слова не сказав об отношении съезда к поправке Посадовского. Это отношение выразилось так: «*Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок...*» Посадовский же считал, что «*все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии*», включая «и неприкосновенность личности»⁶³⁹. Более того, Ленин грубо искажил факты, сказав, что «*так рассуждало тогда вместе с Плехановым громадное большинство нынешних меньшевиков*»⁶⁴⁰. Между тем высказывания Плеханова были подвергнуты критике делегатами съезда. Так, Гольдблант (Медем), в частности, отмечал, что находит «*слова т. Плеханова подражанием буржуазной тактике. Если быть логичным, то, исходя из слов Плеханова, требование всеобщего избирательного права надо вычеркнуть из нашей программы*»⁶⁴¹.

И последнее в этой связи. Предложение Посадовского, поддержанное Плехановым, было отвергнуто большинством делегатов съезда. Весь этот параграф был принят с поправками Мартова и Кольцова. Что ж, лгать и извращать неопровержимые исторические факты пролетарскому вождю приходилось неоднократно. (Как тут не вспомнить самого Г.В. Плеханова, который говорил, что с Лениным надо разговаривать только в присутствии нотариуса.)

Накануне и в день открытия Учредительного собрания проходили массовые демонстрации рабочих, которые несли транспаранты с надписями: «Да здравствует Учредительное собрание и демократическая Республика!», «Вся власть Учредительному собранию!», «Привет лучшим гражданам земли Русской». Между прочим, эти исторические события запечатлены на кино-плёнку, которая хранится в Центральном Государственном архиве кино-фотодокументов РФ.

⁶³⁵ Там же. С. 165.

⁶³⁶ Там же. С. 166.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Там же. С. 185.

⁶³⁹ *Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 г. Протоколы.* М. 1959. С.181.

⁶⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 185.

⁶⁴¹ *Второй съезд РСДРП.* С. 182.

5 (18) января 1918 года старейший депутат – эсер С.П. Швецов открыл в Таврическом дворце Учредительное собрание. Председателем был избран В.М. Чернов. От имени ВЦИК Свердлов огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил обсудить ее. Большинством голосов собрание отвергло это предложение, что вполне объяснимо. Будучи ознакомленными с содержанием «Декларации», поскольку она была напечатана 4 (17) января 1918 года в газетах «Правда» и «Известия ЦИК», депутаты поняли, что ее содержание не соответствует названию; фантастичны, нереальны и безответственны поставленные в ней задачи (например, «установление... социализма во всех странах»); и наконец, главное: «Декларация» фактически являлась приговором Учредительному собранию. Иными словами, ему предлагалось признать советское правительство, новые декреты и вынести постановление о прекращении своей деятельности. Разумеется, на это депутаты не пошли. Тогда на заседании была оглашена написанная Лениным во время перерыва декларация фракции большевиков, и последние покинули зал. (Примечательно, что декларация заканчивалась словами: **«Да здравствует Учредительное собрание!»**) После их ухода по приказу народного комиссара по морским делам П.Е. Дыбенко, матросы, во главе с анархистом А.Г. Железняковым, охранявшие Таврический дворец, в ночь с 5 на 6 января (в 4 часа 40 мин.), выдворив всех депутатов из зала заседания, закрыли Учредительное собрание. В помещениях был учинен настоящий погром, уничтожена документация.

Сам факт роспуска Учредительного собрания, выражающего волю абсолютного большинства населения страны, говорит об открытом терроре, учиненном против него **Временным** советским правительством во главе с Лениным. Даже на заседании ВЦИК (в ночь с 6 на 7 января 1918 года), созданного для принятия (задним числом) декрета о роспуске Учредительного собрания, семь его членов не поддержали и не одобрили эту антинародную акцию. В речи на заседании ВЦИК 6 (19) января Ленин сказал: *«Народ хотел созвать Учредительное собрание – и мы созвали его»*⁶⁴². Здесь он абсолютно прав. Однако, когда, выступая от имени народа, Ленин говорит, что *«он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание»*⁶⁴³, то сознательно лгал. Народ не мог требовать роспуска Учредительного собрания, не видя его конкретных действий. Суть как раз в том, что Учредительное собрание разогнали раньше, чем оно смогло вынести какое-либо решение. А вот о своем отношении к Учредительному собранию до принятия решения о его роспуске Ленин почему-то умалчивает. Между тем известно, что он не позднее 12 октября подписал сразу два заявления, в которых давал «согласие баллотироваться в Учредительное собрание»⁶⁴⁴. Еще одно письменное согласие на выставление своей кандидатуры от г. Москвы «он дал между 12 и 15 октября»⁶⁴⁵.

В общей сложности Ленин был внесен в списки кандидатов (от ЦК РСДРП и других организаций) по пяти округам и на выборах 12 (25) ноября был избран членом Учредительного собрания. Согласно положению о выборах, кандидат, избранный по нескольким округам, должен был подать заявление во Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание, с указанием, по какому округу он принимает избрание. Такое заявление Ленин написал 28 ноября 1917 года. В нем он просил считать его выбранным от Балтийского флота. А вот текст самого заявления Ленина:

«Я, нижеподписавшийся, Ульянов Владимир Ильич, сим изъявляю согласие баллотироваться в Учредительное собрание от Балтийского флота и **не возражаю против порядка помещения в списке, предложенном флотской организацией РСДРП (большевиков).**

Владимир Ильич Ульянов.

Адрес: Петербург, Смольный институт, комната № 18»⁶⁴⁶ (выделено мной. – А.А.).

Ниже читатель убедится, как Ленин лукавил, подписывая этот документ.

Пытаясь хоть как-то оправдать свои действия, 13 января 1918 года на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде он, в частности, сказал: *«Не можем мы считать Учредительное собрание выразителем воли народа потому, что оно выбиралось по старым*

⁶⁴² Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 241.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Там же. Т. 34. С. 445–446.

⁶⁴⁵ Там же. С. 576.

⁶⁴⁶ Там же. Т. 35. С. 558; *Ленинский сборник*. Т. XVIII. С. 39.

спискам»⁶⁴⁷, то есть по спискам, составленным до 24 октября 1917 года. Но почему-то эти мысли не приходили ему в голову тогда, до революции, когда он выставял свою кандидатуру. Они появились у него лишь после того, как он получил информацию о том, что большинство членов Учредительного собрания народ выбирает от партии эсеров.

Если всерьез принять это заявление Ленина, то выходит, что Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором было образовано Временное рабочее и крестьянское правительство во главе с ним и были приняты декреты, тоже не являлся выразителем воли народов России, поскольку делегаты съезда также были выбраны (если действительно были выбраны) до октября 1917 года.

Анализ документов показывает, что всякие ссылки на старые списки в вопросе роспуска Учредительного собрания несостоятельны и не выдерживают критики. В пользу наших выводов свидетельствует, в частности, и та часть ответов самого Ленина на записки делегатов Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда, где он прямо говорит, что «*ни референдумом, ни новым Учредительным собранием помочь делу нельзя*»⁶⁴⁸. Из сказанного следует, что выборы по старым спискам – всего лишь повод для разгона Учредительного собрания, поскольку, как мог заметить читатель, Ленин был против созыва Учредительного собрания и по новым спискам, он был категорически против всенародного референдума.

18 января Ленин пишет «Проект декрета об устранении в Советском законодательстве ссылок на Учредительное собрание». Сей документ со всей ясностью говорит о законодательном характере этого народного органа власти.⁶⁴⁹

Невольно вспоминается обращение Петроградского Военно-революционного комитета к населению с призывом организовать все силы для отпора контрреволюции от 24 октября 1917 года. В нем подчеркивалось, что «*поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа*»⁶⁵⁰ (выделено мной. – А.А.). Выходит, что по отношению к Учредительному собранию Ленин выступил как самый настоящий контрреволюционер. В расстреле же уличной манифестации питерских рабочих 5 января он исполнял роль главного палача, санкционировавшего это кровопролитие.

Несколько позже, в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», Ленин признает спланированный разгон Учредительного собрания:

«Соглашательство части большевиков в октябре – ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело делить власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эсеров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном: в разгоне Учредилки...»⁶⁵¹ (Выделено мной. – А.А.).

А на собрании 20 ноября 1918 года, ему посвященном, «забыв», что именно он целых 15 лет ратовал за Учредительное собрание, прямо заявил: «*Учредительное собрание является лозунгом помещиков, монархистов, всей русской буржуазии во главе с Милюковым, который продает Россию направо и налево – кто даст подорожке*»⁶⁵². Не трудно заметить, что заявление Ленина пронизано демагогией и обманом. Ибо известно достоверно, что именно Ленин оптом и в розницу продавал Россию кайзеровской Германии, чтобы завладеть российским тронem. Действия Ленина были подвергнуты жесточайшей критике и осуждены русскими и западноевропейскими социал-демократами.

Полагаю, в этой связи не лишним будет предоставить читателю возможность ознакомиться с открытым письмом В.И. Ульянову-Ленину видного политического и общественного деятеля России, одного из основателей партии эсеров, председателя Учредительного собрания В.М. Чернова. Копия этого письма хранится в бывшем Центральном государственном архиве Октябрьской революции.⁶⁵³ Оно яркое свидетельство той жестокой борьбы за власть, которую вели большевики, преступавшие через все моральные и нравственные нормы.

⁶⁴⁷ Там же. С. 295.

⁶⁴⁸ Там же. С. 306.

⁶⁴⁹ Там же. С. 285.

⁶⁵⁰ *Сборник документов по истории СССР*. С. 41.

⁶⁵¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 307.

⁶⁵² Там же. Т. 37. С. 199.

⁶⁵³ Ныне Государственный архив Российской Федерации.

«Милостивый государь Владимир Ильич.

Для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения; их нравственный облик не внушает доверия; их поведение некрасиво; их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны говорить, с теми высокими принципами, которые они должны провозглашать, и Вы сами не раз с гадливостью говорили о таких помощниках как о «перекрасившихся» и «примазавшихся», внутренне чуждых тому делу, которому они вызвались служить.

Вы правы. Великого дела нельзя делать грязными руками. Их прикосновение не проходит даром. Оно всё искажает, всё уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон – удавной петлей, строгая справедливость – бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу – каторжной работой, правда – ложью.

Но самое Ваше нескрываемое отвращение к недостойным элементам, самые Ваши угрозы разделяться с ними, хотя бы путем расстрелов, ставили Вас высоко над ними. Те или другие Ваши крылатые изречения, вроде того, что «когда Вас повесят как фанатика, их будут вешать как простых воров», облетели всю Россию. И к Вашей личности сложилось известное уважение. Кругом неподкупного, добродетельного Робеспьера могли кишеть взяточники, плуты, себялюбцы; тем выше по закону контраста поднимался он над ними в представлении толпы.

Вы приобрели такую славу «безупречного Робеспьера». Вы не стяжатель и не чревоугодник. Вы не упиваетесь благами жизни и не набиваете себе тугих кошельков на черный день, не предаетесь сластолюбию и не покупаете себе под шумок за границей домов и вилл, как иные из Ваших доверенных; Вы ведете сравнительно скромный плебейский образ жизни, говорят, что в атмосфере соблазнов, развративших до мозга костей многих близких Вам людей, Вы заковали себя броней суровой честности.

Я, будучи Вашим идейным противником, не раз отдавал должное Вашим личным качествам. Не раз в те тяжкие для Вас времена, когда своим путешествием через гогенцоллернскую Германию навлекли на себя худшие из подозрений, я считал долгом чести защищать Вас перед петроградскими рабочими от обвинения в политической продажности, в отдаче своих сил на службу немецкому правительству. По отношению к Вам, оклеветанному и несправедливо заподозренному, хотя бы и отчасти по Вашей собственной вине, я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь – другое время. Теперь Вы на вершинах власти, почти самодержавной; теперь Вы в апогее Вашей славы, когда Ваши восторженные приверженцы провозгласили Вас вождем всемирной Революции, а Ваши враги входят с Вами в переговоры, как равные с равным, когда с представителями международного капитала и буржуазными правительствами Европы Вы заключаете всевозможные политические и коммерческие сделки. И теперь я морально свободен от этой сдержанности... И я бросаю Вам права на имя честного человека.

О да, Вы не вор в прямом и вульгарном смысле этого слова. Вы не украдете чужого кошелька. Но если понадобится украсть чужое доверие, Вы пойдете на все хитрости, на все обманы, на все повороты, которые только для этого потребуются. Вы не подделаете чужого векселя. Но нет такого политического подлога, перед которым Вы отступили бы, если только окажется нужным для успеха Вашим планов. Говорят, в своей личной частной жизни Вы любите детей, котят, кроликов, все живое. Но Вы одним росчерком пера, одним мановением руки прольете сколько угодно крови и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой позавидовал бы любой выродок из уголовного мира. Вы, конечно, глубоко презираете вульгарных предателей и провокаторов. Вы – человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы себе «по совести» разрешили преступать через все преграды, которые знает человеческая совесть. О, здесь Вы – чисто русский тип. История русской церковности, официальной и раскольническо-сектантской, знает хорошо людей этого морального склада, властных основателей старых и новых раскольнических «церквей», «кораблей» и «согласий», соединяющих в себе изуверско-апостольский фанатизм пустосвята с хитрецей расторопного, всегда «себе на уме» и всегда посмеивающегося себе в кулак мужичка-ярославца. Какой-нибудь изможденный и страстный архимандрит Фотий, этот «полуфанатик-полуплут», по незабываемому выражению Пушкина, есть истинно родной брат по духу «святого праотца Распутина». История революции тоже знает такое же жизненно-психологическое противоречие, такую же смесь плутоватости и фанатизма в нечаевщине. Нечаев, с его революционным иезуитством учивший, что революционер не должен бояться не только крови, но грязи, и должен уметь обращать на пользу революции ложь и клевету, подлоги и шантаж, убийство и насилие, – двоюродный брат Фотию и Распутину. Вы им духовная родня через Нечаева.

И никогда, ни в чем не сказались с такой яркостью эти Ваши социально-психологические черты, как в двух делах, которые Вам пришлось совершить, чтобы расчистить себе путь к власти. Эти два темных и грязных дела – расстрел 5 января 1918 года мирной уличной манифестации петроградских рабочих и разгон Учредительного Собрания.

О, я знаю, что одно из этих двух дел – разгон Учредительного Собрания Вы, наоборот, поставите себе в историческую заслугу. И я вовсе не хочу поднимать здесь вопроса о том, можно ли оправдать это Ваше деяние исторически и политически. Я говорю не о том, что Вы сделали, а как Вы сделали. Предположим даже на минуту, что надо было в интересах страны разогнать Учредительное Собрание. Это можно сделать двояко. Можно было выступить против него открыто и мужественно, так, как умеет делать честный враг. И можно было действовать так, как делал Иуда, «целованием предавший Сына Человеческого», положив в основу всего предприятия ложь и фальшь. Вам, Владимир Ильич, Вам, душе и вдохновителю Центрального Исполнительного комитета большевистской партии, я напоминаю о воззвании этого Комитета от 30 сентября 1917 года. Там, меньше чем за месяц до октябрьского переворота, Вы обвинили правительство Керенского в том, что при нем создается «законосовещательный «булыгинский» предпарламент, призванный по плану кадетов заменить собой Учредительное Собрание». Вы хорошо знали, однако, что тогда заменить Учредительное Собрание не отважился и подумать никто, кроме самого Вас. Вы утверждали в том же обращении, что Учредительное Собрание может быть создано только вопреки нынешнему коалиционному правительству, которое делает и **сделает все, чтобы сорвать его**.

Вы давеча предсказывали: «контрреволюционеры пойдут на все, чтобы сорвать Учредительное Собрание». Если понадобится, **они откроют для этого фронт немецким войскам**. Вы сами знаете, что после этого произошло. **Учредительное Собрание сорвали Вы, и фронт немецким войскам открыли также Вы**.

Вам, Владимир Ильич, конечно, известно, какой незамысловатый, но часто удающийся трюк пускают в ход вульгарные воры, боящиеся быть пойманными. Они бегут, изо всей силы крича: «Держи вора». Сбитые с толку этими криками ищут вора повсюду и во всех, кроме настоящего виновника.

Теперь скажите мне, Владимир Ильич, видите ли Вы по совести хоть какую-нибудь разницу между этим воровским криком и тем политическим приемом, который Вы пустили вход с Учредительным Собранием.

Ваша фракция, демонстративно удаляясь из предпарламента, свое заявление об уходе заканчивала возгласом: «**Да здравствует Учредительное Собрание**». Скажите, Владимир Ильич, чем эта здравица Учредительному Собранию отличалась от знаменитого в истории Иудиного поцелуя, этого вечного образца нравственной фальши и лицемерия?

Вы хорошо знаете, Владимир Ильич, какая организация произвела в Петрограде переворот в ночь с 24 на 25 октября. Это был Ваш Военно-Революционный Комитет г. Петрограда. И в самый день 24 октября эта организация заявила во всеуслышание, заявила не правительству, нет, а всему народу: вопреки всяким слухам и толкам Военно-Революционный Комитет заявляет, что он существует **отнюдь не для того, чтобы подготавливать и осуществлять захват власти**. Скажите, Владимир Ильич, эта публичная ложь, этот заведомый обман народа, чем он отличается от иезуитского «и ложь во спасение»?

Скажите, Владимир Ильич, у Вас не выступает краска на лице, когда Вы теперь вспоминаете, до чего изолгаться приходилось Вашим органам, говоря об Учредительном Собрании? От имени Областного Петроградского Съезда – Первого Крестьянского Съезда, на котором Вы овладели большинством, – 13 октября 1917 г. Вы опубликовали радио, где утверждаете, будто Съезд Советов сорвет Учредительное Собрание, Вы торжественно называли клеветую.

Овладев властью, от имени Петроградского Совета 25 октября 1917 г. Вы обещали «скорейший созыв подлинного демократического Учредительного Собрания». Тогда от имени II Съезда Советов было обещано, что новая власть обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания.

И Вы сами, лично, Владимир Ильич, Вы торжественно и всенародно обещали не только собрать Учредительное Собрание, но и признать его той властью, от которой в последней инстанции зависит решение всех основных вопросов. Вы и в своем докладе по «Декрету о мире» заявили дословно следующее: *«Мы рассмотрим всякие условия мира, всякие предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить»*.

Вы и в заключительном слове своем по тому же вопросу повторили:

«Мы не связываем себя договорами... Мы все предположения мира внесем на заключение Учредительного Собрания».

В своем докладе по «Декрету о земле» вы опять-таки говорили текстуально и дословно следующее: *«Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны... И если даже крестьяне пойдут дальше за С. Р-ами и если этой партии дадут в Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так»*. Вы и в самом «Декрете о земле», говоря о земельных преобразованиях, поставили эти же нынче облегчающие Вас слова: *«впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием»*.

От Вас не отставали и другие Ваши товарищи, уверявшие весь народ о признании ими высшего авторитета Учредительного Собрания. Так, например, в своем обращении к стране 29 октября 1917 года народный комиссар по просвещению А. Луначарский столь же торжественно, столь же лживо давал народу заверение: *«Окончательно порядок государственного руководства просвещением будет, разумеется, установлен Учредительным Собранием».*

Мне известно, Владимир Ильич, что впоследствии Вы не раз пытались ссылкой на целый ряд Ваших статей и речей показать, насколько разгон Вами Учредительного Собрания был подготовлен Вашей предыдущей литературною пропагандой. О, да, лично я, как и все, внимательно следившие за Вашими писаниями, этому акту удивиться не могли – напротив, вправе были ожидать его. Вот почему в то самое время, как Вы и Ваши товарищи давали перед лицом всей страны торжественные обещания уважать волю Учредительного Собрания как последней и решающей властной инстанции, – мы Вам не верим. Мы были убеждены, что противоречие между Вашими всенародными обещаниями и Вашей собственной предыдущей деятельностью есть лишь доказательство Вашего двуязычия.

Николай II присягал на верность Финляндской Конституции и нарушил собственную присягу.

За это и Вы согласно объявили его изобличенным клятвопреступником. Вы тоже дали, так сказать, свою гражданскую, советскую «присягу», торжественное обещание подчиниться воле Учредительного Собрания.

После его разгона Вы стали в положение изобличенного лжеца, обманом и обещаниями укравшего народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, свои обещания. Вы сами лишили себя политической чести.

Но этого мало. В тот самый день, когда собиралось Учредительное Собрание – 5 января 1918 года, – Вы дали во все газеты сообщение о том, что Совет Народных Комиссаров признал возможным допустить мирную манифестацию в честь Учредительного Собрания на улицах Петрограда. **После такого сообщения расстрел мирных демонстрантов я вправе заклеймить именем изменнического и предательского, а самое сообщение – величайшей политической провокацией. Это предательство, эта провокация неизгладимым пятном легла на Ваше имя. Эта впервые пролитая Вами рабочая кровь должна жечь Ваши руки. Ничем, никогда Вы ее не смоете, потому что убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью, а эта ужасная смесь несмываема.**

Ваша власть возшла, как на дрожжах, на явно обдуманном и злостном обмане. Я доказал это документально. Отпереться от собственных слов Вы не можете. Написанного пером не вырубишь топором. Но когда власть в самом происхождении своем основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготеет на ней до конца.

Ваш коммунистический режим есть ложь – он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные, каторжные работы внизу. Ваша «советская власть» есть сплошь ложь – плохо прикрытый произвол одной партии, издевающейся над всякими выборами и обращающей их в недостойную комедию. Ваша пресса развращена до мозга костей возможностью лгать и клеветать, потому что всем остальным зажат рот и можно не бояться никаких опровержений. Ваши комиссары развращены до мозга костей своим всевластием и бесконтрольностью. При таких условиях не кричите о «примазывающихся». Сходное притягивается сходным. Моральное вырождение личного состава коммунистической партии – это логическое последствие того метода, которым добывали ей власть и упрочивали ее. А если это вырождение, это развращение доходит до «последней» черты в практике ваших Чрезвычайных Комиссий, дополняющих мучительство и издевательство, воскрешающих азефщину, насаждающих предательство и провокацию, не брезгующих и не боящихся ни крови, ни грязи, – то вспомните, что той же смесью крови и грязи, обмана и предательства, измены и провокаций было запечатлено само пришествие Ваше к власти в роковые дни, увенчанные 5 января 1918 г. 9 января – в траурную годовщину расстрела петроградских рабочих Николаем II – были погребены Ваши первые жертвы из рядов таких же мирных, невооруженных рабочих манифестантов. Они похоронены там же, где похоронены жертвы 9 января 1905 года.

Русские рабочие на забудут этого траура. В дни 5 и 9 января (по новому стилю 18 и 22 января) они будут чествовать скорбную память своих собратьев по классу, невинных жертв старого и нового деспотизма.

И это печальное чествование будет худшим наказанием виновников.

В этот день, Владимир Ильич, яснее, чем когда-либо, будут представлять себе рабочие Вашу внутреннюю сущность, Ваш истинный моральный облик «Горквемады», переплетенного с Нечаявым, этим Распутиным русской революции «полуфанатиков, полуплутов, разрешающих себе» по совести преступать через все грани совести и открывающим этим глубочайшие бездны политического иезуитства, в которые когда-либо падал человек и революционный деятель. Но какими бы софизмами Вы и Ваши ближайшие ни оправдывали Ваши спуски в эти бездны и какими бы лаврами не увенчивали Вас за них Ваши восторженные поклонники, а траурные дни 5 и 9 января, я верю, не оставят непоколебленными Вашего душевного равновесия. **В этот день рабочая**

кровь будет жечь Ваши руки, в этот день воспоминания о многократной публичной лжи перед всем народом будут вызывать на Вашем лице краску стыда. Это будет Вашей моральной казнью.

*Виктор Чернов*⁶⁵⁴ (выделено мной. – А.А.).

От себя добавлю: краска стыда за содеянное большевистским вождем должна выступать на лице у всех тех, кто продолжают и теперь защищать палача, хотя хорошо знают, что у того руки по локоть и выше в человеческой крови.

О каком стыде большевиков можно было говорить, если они собирались уничтожить миллионы граждан России, и это не скрывали. На прошедшем III Всероссийском съезде Советов (10–18 января 1918г.) известный своей воинственностью матрос Железняков нагло заявил, что «большевики готовы расстрелять не только 10'000, но и миллион народа, чтобы сокрушить всякую оппозицию»⁶⁵⁵. Уголовный преступник не ошибался: красный террор против народов России начинал набирать обороты. Во главе бандитов, рецидивистов и наркоманов, совершающих эту омерзительную акцию, стоял Ленин.

---

⁶⁵⁴ Цит. по: Арутюнов Аким. Указ. работа. С. 20–31.

⁶⁵⁵ «Церковные ведомости». 1918. № 2. С. 115.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-LENIN2.....	1
Аким Арутюнов	1
ДОСЬЕ ЛЕНИНА.....	1
Досье Ленина без ретуши. Часть 2.....	2
Глава 7. Заговорщики готовятся к реваншу	2
Глава 8. Октябрьский контрреволюционный переворот.....	21
Глава 9. Плата за российский престол	42
Глава 10. Секретные документы обличают	60
Глава 11. «Крестный отец» красного террора.....	94
Глава 12. Политический авантюрист	122
Оглавление	133